Бади‘ аз-Заман ал-Хамадани. Макамы

Бади‘ аз-Заман ал-ХАМАДАНИ

الهمذاني

المقامات

МАКАМЫ

Annotation

Макамы. Бади' аз-Заман Абу-л-Фадл Ахмад ибн ал-Хусейн ал-Хамадани.

Перевод А.А.Долининой и З.М.Ауэзовой

Предисловие и примечания А. А. Долининой

Макамы — необычный жанр: эти небольшие новеллы соединяют в себе свойства стихов и прозы, изысканной литературы и живой речи. Ученый спор в них соседствует с рассказом о ловкой плутовской проделке, душеспасительная проповедь — с фривольным анекдотом. Первым, кто ввел в арабскую литературу столь удивительную форму повествования, был Абу-л-Фадл ал-Хамадани (969—1008), получивший прозвище Бади аз-Заман (Чудо времени); он считается одним из крупнейших представителей этого жанра. Главные герои цикла его макам — Иса ибн Хишам и Абу-л-Фатх Александриец, их встречи, беседы, проделки, сама сюжетная основа цикла отразили характерные черты эпохи, в которую создавались макамы.

В книге впервые на русском языке публикуется полный текст макам ал-Хамадани, причем переводчики пытались, насколько возможно, передать особенности ритмического и образного строя арабской украшенной прозы.

- Бади' аз-Заман ал-Хамадани
- А.А.Долинина
- СТИХОТВОРЧЕСКАЯ МАКАМА
- ФИНИКОВАЯ МАКАМА
- БАЛХСКАЯ МАКАМА
- СИДЖИСТАНСКАЯ МАКАМА
- КУФИЙСКАЯ МАКАМА
- ЛЬВИНАЯ МАКАМА
- ГАЙЛАНСКАЯ МАКАМА
- АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ МАКАМА
- ДЖУРДЖАНСКАЯ МАКАМА
- ИСФАХАНСКАЯ МАКАМА

- АХВАЗСКАЯ МАКАМА
- БАГДАДСКАЯ МАКАМА
- БАСРИЙСКАЯ МАКАМА
- ФАЗАРИЙСКАЯ МАКАМА
- ДЖАХИЗОВСКАЯ МАКАМА
- СЛЕПЦОВСКАЯ МАКАМА
- БУХАРСКАЯ МАКАМА
- КАЗВИНСКАЯ МАКАМА
- САСАНСКАЯ МАКАМА
- ОБЕЗЬЯНЬЯ МАКАМА
- МОСУЛЬСКАЯ МАКАМА
- МАДИРСКАЯ МАКАМА
- АМУЛЕТНАЯ МАКАМА
- МАРИСТАНСКАЯ МАКАМА
- ГОЛОДНАЯ МАКАМА
- ПРОПОВЕДНИЧЕСКАЯ МАКАМА.
- АСВАДСКАЯ МАКАМА
- ИРАКСКАЯ МАКАМА
- ХАМДАНИДСКАЯ МАКАМА
- РУСАФСКАЯ МАКАМА
- ВЕРЕТЕННАЯ МАКАМА
- ШИРАЗСКАЯ МАКАМА
- ХУЛЬВАНСКАЯ МАКАМА
- ЖИРНАЯ МАКАМА
- ИБЛИССКАЛ МАКАМА
- АРМЯНСКАЯ МАКАМА
- ЗВЕЗДОЧЕТСКАЯ МАКАМА
- ХАЛАФСКАЯ МАКАМА
- НИШАПУРСКАЯ МАКАМА
- НАУЧНАЯ МАКАМА
- ЗАВЕЩАТЕЛЬНАЯ МАКАМА
- САЙМАРИЙСКАЯ МАКАМА
- ДИНАРСКАЯ МАКАМА
- ПОЭТИЧЕСКАЯ МАКАМА
- ЦАРСКАЯ МАКАМА
- ЖЕЛТАЯ МАКАМА
- САРИЙСКАЯ МАКАМА

- ТАМИМСКАЯ МАКАМА
- ВИННАЯ МАКАМА
- СОКРОВИЩНАЯ МАКАМА
- БИШРИЙСКАЯ МАКАМА.
- comments
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32

    - 33
    - 34
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31
    - 32
    - 33
    - 34

- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71

- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86
- 87
- 88
- 89
- 90
- 91
- 92
- 93
- 94
- 95
- 96
- 97
- 98
- 99
- 100
- 101
- 102
- 103
- 104
- 105
- 106
- 107
- 108

- 109
- 110
- 111
- 112
- 113
- 114
- 115
- 116
- 117
- 118
- 119
- 120
- 121
- 122
- 123
- 124
- 125
- 126
- 127
- 128
- 129
- 130
- 131
- 132
- 133
- 134
- 135
- 136
- 137
- 138
- 139
- 140
- 141
- 142
- 143
- 144
- 145

- 146
- 147
- 148
- 149
- 150
- 151
- 152
- 153
- 154
- 155
- 156
- 157
- 158
- 159
- 160
- 161
- 162
- 163
- 164
- 165
- 166
- 167
- 168
- 169
- 170
- 171
- 172
- 173
- 174
- 175
- 176
- 177
- 178
- 179
- 180
- 181
- 182

- 183
- 184
- 185
- 186
- 187
- 188
- 189
- 190
- 191
- 192
- 193
- 194
- 195
- 196
- 197
- 198
- 199
- 200
- 201
- 202
- 203
- 204
- 205
- 206
- 207
- 208
- 209
- 210
- 211
- 212
- 213
- 214
- 215
- 216

Бади' аз-Заман ал-Хамадани
МАКАМЫ

Памяти
Валентина Михайловича Борисова

А.А.Долинина

БАДИ' АЗ-ЗАМАН АЛ-ХАМАДАНИ И ЕГО МАКАМЫ

Макама (букв.: «место стоянки») — старинное арабское слово; оно встречается уже в древней (доисламской) поэзии, обозначая место собрания племени, само собрание или людей, в этом собрании присутствующих{1}; именно эти значения зафиксированы в средневековых арабских словарях{2}. На бедуинских стоянках обычно велись беседы, и рассказы о стычках между племенами и о подвигах знаменитых героев скрашивали долгие ночевки у костра.

Обычай вечерней беседы сохранился и у той части населения, которая, с распространением ислама и арабскими завоеваниями, переходила к оседлости. Разумеется, тематика бесед постепенно расширялась, особенно с выходом арабов на мировую историческую арену и соприкосновением их с культурными достижениями других народов.

В средневековых арабских хрониках и антологиях мы уже не раз встречаем термин «макама» в применении к беседам, которые вели халифы со своими приближенными{3}; а поскольку их участники были, как правило, людьми весьма образованными, то беседы состояли не только в рассказывании друг другу занимательных историй, но и в дискуссиях на богословские, моральные и филологические темы{4}. Знания, остроумие, находчивость были в большой чести при дворе, и люди неимущие, но образованные могли благодаря этим качествам снискать себе пропитание и у «повелителя правоверных», и у подражавших ему мелких феодальных владык. При этом дар слова, владение изящным стилем ценились особо.

Искусством строить речь арабы гордились с древнейших времен, а в эпоху расцвета арабской средневековой культуры (VIII—XII вв.), тяготевшей, не без влияния эллинистической философии, к рационалистическим принципам, это искусство приобретает особое значение. Именно речь, по мнению арабских средневековых философов, будучи выражением разума, в первую очередь

способствует формированию человеческого общества на рациональных основах. Это представление оказало свое воздействие не только на ораторское искусство, но и на арабскую книжную литературу, стиль которой, оттачиваясь веками, становился все более изысканным, подчинялся требованиям гармоничной организации фразы, соответствующего выбора слов для высоких и низких жанров, насыщался тропами и разнообразными эвфоническими украшениями.

В прозе высокого стиля особое распространение получил новый жанр, названный давно известным словом — «макама». Впервые термин «макама» для обозначения определенного жанра письменной литературы был применен Абу-л-Фадлем Ахмадом ибн ал-Хусейном ал-Хамадани (969—1008), получившим прозвище Бади' аз-Заман (Чудо времени). Было это в эпоху «высшего расцвета арабской культуры» (по оценке И.Ю.Крачковского{5}), датируемую приблизительно двумя веками (середина IX—середина XI), когда появилось множество значительных трудов в самых разнообразных отраслях знаний, а арабская художественная литература, обогатившая свои исконные традиции эстетическими ценностями завоеванных народов и ближайших к халифату соседей, достигла блестящих успехов.

Бади' аз-Заман родился в персидском городе Хамадане в семье «образованной, достойной и занимающей высокое положение»{6}, как пишет Мустафа аш-Шак'а. Трудно сказать с уверенностью, была это персидская или арабская семья: многие авторы называют его персом, но сам Бади' аз-Заман в одном из посланий возводит свое происхождение к североарабскому племени мудар{7}, а в другом послании поет дифирамбы арабам как народу самому верному, самому возвышенному, самому ученому, самому разумному, самому сильному, самому храброму и т.д.{8} Впрочем, вопрос о его происхождении, пожалуй, и не столь важен: как известно, арабоязычные персы-мусульмане — поэты, литераторы, ученые — внесли немалый вклад в арабо-мусульманскую культуру, участвуя в ее создании наравне с арабами, так что речь здесь может идти только о национальном престиже.

Бади' аз-Заман учился у живших и работавших в Хамадане ученых, среди которых первое место, безусловно, занимает известный филолог Ахмад ибн Фарис (ум. 1005). Биографы пишут о выдающейся памяти, которой обладал Бади' аз-Заман, и о его литературных

способностях, проявившихся уже в юности: он хорошо знал и персидский, и арабский языки, читал наизусть множество стихов древних и новых поэтов, прекрасно владел всеми тонкостями высокого литературного стиля, умел экспромтом сочинить касиду или послание на заданную тему[{9}].

Ему было двадцать два года, когда он покинул родной город и отправился в Исфахан. В те времена образование часто бывало связано с путешествиями, которые давали возможность послушать лекции знаменитых ученых, записать образцы древней поэзии и их толкования непосредственно из уст передатчиков-бедуинов и воспринять от них «чистый» арабский язык. Кроме того, переезды из города в город, от одного правителя к другому давали возможность человеку способному, но небогатому рано или поздно обрести свое место под солнцем.

В Исфахане, крупном мусульманском культурном центре, в это время находилась резиденция буидских эмиров, владевших всем западным Ираном, а в 945 г. завоевавших Багдад. Тон литературной жизни здесь задавал вазир ас-Сахиб ибн 'Аббад (938—995), разносторонний ученый, поэт и мастер эпистолярного жанра, прославившийся и как меценат, при дворе которого действовали многие видные литераторы. В Исфахане Бади' аз-Заман сумел обратить на себя внимание: биографы рассказывают, как он во время одного из литературных собраний у Ибн 'Аббада переложил экспромтом три только что прочитанных персидских бейта в блестящие арабские стихи[{10}].

В Исфахане ал-Хамадани провел не более года; оттуда он направился на север, в Джурджан, где его покровителем стал исмаилит Абу Са'д Мухаммад ибн Мансур. В кругу исмаилитов Бади' аз-Заман существенно пополнил свое образование[{11}]. Но и здесь он задержался недолго: в 993 г. мы уже застаем его в Нишапуре. Здесь центром притяжения для ученых, литераторов, поэтов было семейство Бану Микал, роль которого в тогдашней культурной жизни Нишапура нередко сопоставляют с ролью знаменитых Бармекидов при дворе Харуна ар-Рашида[{12}]. Среди Бану Микал особенно выделялся Абу-л-Фадл 'Убейдаллах ибн Ахмад ибн Микал, прозаик и поэт, которого ас-Са'алиби сравнивает с известнейшими в арабской литературе эмирами — писателями и поэтами, такими как Ибн ал-Му'тазз, Абу Фирас, или вазирами Ибн ал-'Амидом и Ибн 'Аббадом[{13}]. Меж многочисленных

литераторов, подвизавшихся при нишапурском дворе{14}, был известный поэт и стилист, мастер эпистолярного жанра Абу Бекр ал-Хваризми (934— 993), которого молодой и дерзкий ал-Хамадани вызвал на литературное состязание.

В течение нескольких дней в присутствии большого количества публики они соревновались в сочинении стихотворных экспромтов на заданную тему, вариаций на стихи известных поэтов, в поэтической критике, составлении посланий, причем Бади' аз-Заман особенно отличился в этом последнем испытании: сочиненное им послание, если читать его с конца, содержало ответ{15}; в стихотворных экспромтах он также оказался изобретательнее и искуснее. В результате победа была присуждена ему. С этого момента начинается его литературная слава и получают известность написанные им к тому времени сочинения в стихах и в прозе.

Что же касается ал-Хваризми, то, по преданию, он так и не оправился от своего поражения, вскоре заболел и умер. Судя по письму Бади' аз-Замана, он очень сожалел о болезни своего противника{16}.

В Нишапуре ал-Хамадани провел около двух лет, и снова его потянуло к странствиям; возможно, этому способствовали какие-то разногласия с Бану Микал{17}. Он направился в Сиджистан к эмиру Халафу ибн Ахмаду, которого стал усиленно восхвалять и в стихах, и в прозе, а может быть, успел побывать до того и еще у каких-либо меценатов.

После ссоры с Халафом он снова скитается из города в город, оседает на несколько лет в Газне, где его очень радушно принимает султан Махмуд и где у него завязывается дружба с вазиром султана Абу-л-'Аббасом ал-Фадлем ибн Ахмедом ал-Исфараини. Последним пристанищем Бади' аз-Замана стал Герат. Здесь он, как кажется, осел прочно, женился на девушке из знатной семьи, у него появились дети, он нажил богатство, купил землю. Бади' аз-Заман скончался, не дожив и до сорока лет. По одной версии, его отравили; по другой, более распространенной, его, впавшего в глубокий обморок, сочли мертвым и похоронили заживо{18}.

Литературное наследие Бади' аз-Замана ал-Хамадани состоит из дивана стихов, большая часть которых — панегирики традиционной композиции и характерного для X в. украшенного стиля, а также

сборника посланий, обращенных преимущественно к меценатам, к дружественным или недружественным коллегам по перу. По содержанию это восхваления, просьбы о поддержке, попытки оправдаться от наветов клеветников или извиниться за оплошность, упреки, направленные порой даже против сильных мира сего, если же несправедливы к нему, жалобы на недругов и насмешки над ними, выражение дружеских чувств, порой соболезнования родным и друзьям при несчастьях и утратах, мудрые житейские советы, описания тех или иных конкретных событий.

В посланиях, как и в поэзии, используются все современные Бади' аз-Заману способы украшения текста — разнообразные тропы, звуковые повторы, цитаты из Корана, произведений древних и новых поэтов или из собственных стихов, литературные намеки, не всегда понятные с первого взгляда, и т.п. Эти послания нельзя отнести ни к прозе *(наср* — «рассыпанная речь»), ни к стихам *(назм* — «нанизанная речь»); по-арабски эта манера письма называется *садж'* («воркование»), что переводится у нас обычно как «рифмованная проза», но это перевод неточный, так как от обычной прозы садж' отличается не только наличием рифмы, но и ритмом, создающимся не как в поэзии — путем чередования комбинаций долгих и кратких слогов, а за счет равного количества слов в рифмующихся отрезках, а также параллелизма употребляемых грамматических форм и синтаксических конструкций; естественно, что ритмообразующую роль играет и рифма.

Вообще рифма в арабской литературной эстетике занимает почтенное место. Достаточно сказать, что арабы до XX в. не знают белых стихов, а садж' звучит в устах еще доисламских прорицателей, вклинивается в ораторскую речь, иногда расцвеченную и просто рифмой, без четкой ритмизации; более того, священная книга мусульман Коран — сплошь рифмованная речь. После несколько настороженного отношения к садж'у в раннеисламскую эпоху вкус к рифме берет свое, и во времена расцвета украшенного стиля, о которых у нас идет речь, литературные произведения обильно уснащаются садж'ем, иногда полностью вытесняющим обычную прозу, что характерно для эпистолярного жанра, в частности для посланий ал-Хамадани.

Изысканный стиль с обильным включением садж'а, свойственный посланиям ал-Хамадани, характерен и для вновь созданного им жанра, прославившего его имя, — для макам. Несомненно, что именно красота стиля имела немаловажное значение в процессе признания и утверждения этого жанра.

Истоки макам Бади' аз-Замана следует искать прежде всего в ученых и назидательных беседах образованных людей, о которых уже говорилось раньше, — собственно, отсюда взято и само название жанра. Но это не просто письменная фиксация бесед, какую порой можно встретить в исторических хрониках и литературных антологиях, — это своего рода маленькие новеллы с вымышленными героями.

Дошедший до нас сборник макам ал-Хамадани содержит 51 новеллу (по некоторым версиям — 52). Они связаны между собой единым рассказчиком, и все имеют одно и то же традиционное начало, имитирующее *иснад*{19}: «Рассказывал нам 'Иса ибн Хишам. Он сказал...» Этот вымышленный рассказчик сам является действующим лицом большинства макам и предстает перед читателем в разных ипостасях. В первой макаме он говорит о себе как о купце, имеющем землю и лавку, и в некоторых других макамах (Балхская, Исфаханская и др.) упоминает о своих путешествиях по торговым делам. В Казвинской же макаме он — воин, участвующий в походе, в макамах Халафской и Тамимской — государственный чиновник, в Басрийской и Винной предстает праздным гулякой, в Голодной и Жирной — промотавшимся бедняком, которому не на что купить еду, и в таких случаях он порой пускается на весьма сомнительные авантюры (Багдадская макама; в макамах Мосульской и Армянской он не инициатор этих авантюр, но участник). Таким образом, герой-рассказчик у ал-Хамадани не имеет ни устойчивого характера, ни определенного социального положения. Одно можно сказать о нем со всей определенностью: 'Иса ибн Хишам, большой любитель поэзии, ораторского искусства, вообще красивого слова, постоянно участвует в литературных беседах (см., например, Стихотворческую, Джахизовскую, Иракскую, Хамданидскую, Поэтическую и другие макамы) и странствует «в поисках знания». Эти бесконечные путешествия героя (а каждая рассказанная им история происходит в новом месте) — не являются ли они проекцией странствий самого

Бади' аз-Замана, которыми так насыщена его биография? Конечно, 'Иса ибн Хишам — не alter ego автора, ибо он не столько творец литературных ценностей, сколько их потребитель, и притом фигура достаточно условная: изменения его статуса и поведения по большей части ничем не мотивируются.

Путешествуя из города в город, 'Иса ибн Хишам повсюду встречает того, кто, по сути, и является главным действующим лицом новеллы, своим красноречием снискивающим себе пропитание (снова отголосок биографии самого автора?). В большинстве макам это один и тот же персонаж по имени Абу-л-Фатх ал-Искандари, то есть Александриец. Произносимая им изысканная речь в садж'е или в стихах, часто построенная на иносказании либо представляющая собой назидательную проповедь или диалог с окружающими, в котором он поражает всех своей эрудицией, и есть кульминационный центр большей части новелл.

На первый взгляд могло бы показаться, что мы имеем дело просто с некоей беллетризацией обычных бесед, ведущихся в кругу просвещенных людей, понимающих толк в красивом слове. Однако здесь читателя подстерегает неожиданность, а именно — социальное положение и поведение главного героя. При всей своей образованности, поэтическом и ораторском талантах, это люмпен, бродяга, ловкий плут, появляющийся всякий раз в новом обличье, так что рассказчик порой не сразу его узнает, а даже бывает вынужден специально пойти за ним, дабы убедиться в том, что это действительно его старый знакомец. Этот человек выманивает деньги у доверчивых слушателей не только демонстрацией своих знаний и талантов, но и откровенным попрошайничеством, а нередко и ловким обманом, иногда безобидным (как, например, в Стихотворческой или Финиковой макамах), а порой и злым (Мосульская макама).

Такой главный герой, его проделки, сама сюжетная основа цикла — странствия героя в поисках пропитания — отразили характерные черты эпохи, в которую жил ал-Хамадани.

Вторая половина X в. Блестящий период политического расцвета Аббасидского халифата остался позади. Наступило время его ослабления и распада. В Багдаде распоряжались иноземные эмиры, халиф сохранял авторитет лишь в делах религии. Власть на местах была неустойчивой, переходила из рук в руки. На дорогах хозяйничали

разбойники, совершавшие набеги даже на Багдад. Положение осложнялось бесконечными религиозными распрями. Огромный вред экономике наносили войны между феодальными властителями отдельных областей. Феллахи гибли от голода и эпидемий, многие из них покидали свои поля, нищенствовали, бродяжничали, перебирались в поисках пропитания из города в город.

Возникло даже нечто вроде корпорации воров, нищих, бродяг, фокусников и т.п., которые называли себя «детьми Сасана»[{20}]. Они исхитрялись любыми способами выманивать деньги у людей: торговали амулетами и лекарствами, прикидывались больными, увечными, бежавшими из плена, устраивали уличные представления, предсказывали судьбу. И главный герой макам Бади' аз-Замана с его удивительными проделками происходил, несомненно, из «Сасанова племени» — об этом прямо сказано в макаме № 19, которая, кстати, и носит название «Сасанская».

Так обнаруживается и другой литературный источник макам Бади' аз-Замана ал-Хамадани — рассказы и анекдоты о ловких плутах, которые во множестве содержатся и в различных средневековых антологиях, и в «Тысяче и одной ночи». В конечном счете они отражают, разумеется, реальную жизненную практику — недаром современный арабский ученый Мазин ал-Мубарак, исследуя макамы ал-Хамадани, замечает, что способы выманивания денег, изображенные в макамах, «не чужды и нашему времени, это те же способы, которые используют современные арабские нищие, словно они передаются из поколения в поколение»[{21}].

Надо полагать, что жизнь «детей Сасана» Бади' аз-Заман знал не только по литературным источникам — несомненно, он встречался с подобными людьми во время своих странствий, да и сам в молодости явно был человеком небогатым; в частности, в одном из писем к Абу Бекру ал-Хваризми он сообщает, что пришел в Нишапур «в рваной одежде и с пустой сумой»[{22}].

Рассказы о плутах и бродягах вызывали интерес не только у неискушенных читателей, но и у людей ученых[{23}], котировались и в придворных кругах. Так, упомянутый выше буидский вазир ас-Сахиб ибн 'Аббад, при дворе которого в Исфахане подвизался Бади' аз-Заман, будучи сам литератором и тонким стилистом, очень любил подобного рода истории и превосходно знал воровской жаргон[{24}]. Возможно,

именно в угоду своим высокопоставленным патронам ал-Хамадани и попытался соединить практически несоединимое: изысканную беседу с авантюрным сюжетом, вложив стилистически утонченные и порой вполне благочестивые речи в уста легкомысленного и безнравственного обманщика. И если со стороны языка и стиля в макаме все обстояло благополучно (иначе говоря, все средства выражения разумных мыслей были налицо), то с точки зрения морально-воспитательной могли возникнуть сомнения: ведь полезные истины, вложенные в уста плута, попирающего общепринятую мораль на каждом шагу, должны были звучать двусмысленно. Действительно, средневековые арабские критики, высоко ценившие макамы Бади' аз-Замана и его последователей за красоту и изящество слога, нередко порицали их авторов за снисходительное отношение к аморальному поведению героя. В самом деле, ал-Хамадани дает Абу-л-Фатху возможность некоторой реабилитации: Александриец оправдывает свои проделки порочностью всего мироустройства, которому волей-неволей приходится подражать, если хочешь выжить. Эту мысль герой часто повторяет в стихах, обычно заключающих макаму. Несомненно, сам автор ощущал наличие неразрешимого противоречия между четким, рационально установленным этическим идеалом средневековья и зыбкой иррациональной реальностью.

Между современными арабскими литературоведами нередко возникает спор, кто именно был предшественником Бади' аз-Замана в попытках ввести авантюрный сюжет в украшенную прозу[{25}]. Но как бы то ни было, следует признать, что именно ал-Хамадани создал в арабской литературе новый жанр *ал-макамат* (мн. ч. от *макама)* — цикл плутовских новелл высокого стиля, сходных по композиции и объединенных двумя общими героями с постоянными функциями.

Строго говоря, в отношении пионера жанра, самого ал-Хамадани, речь должна идти не столько о создании законченного цикла, сколько о незавершенной попытке соединить сочиненные в разное время макамы в единое произведение.

Ас-Са'алиби утверждает, что количество макам Бади' аз-Замана достигало 400 и что будто бы он продиктовал их во время пребывания в Нишапуре, то есть в течение двух лет. Сам ал-Хамадани называет в одном из писем ту же цифру[{26}]. Однако, как уже было сказано, дошедший до нас сборник содержит всего пятьдесят с небольшим

макам. Арабские ученые высказывают различные мнения о том, сколько же их было на самом деле, но никаких реальных подтверждений той или иной версии не существует; более того, непонятно, сам ли Бади' аз-Заман выбрал известные нам макамы из общего числа сочиненных им (если допустить, что их действительно было больше), или это сделал кто-либо из его учеников, или именно эти произведения сохранил нам случай.

Однако можно с уверенностью сказать, что не все макамы восходят к нишапурскому периоду жизни Бади' аз-Замана, в частности макамы Звездочетская, Халафская, Нишапурская, Царская и Сарийская, содержащие восхваления Халафа ибн Ахмада, несомненно сочинены им позже, уже в Сиджистане, при дворе Халафа. Можно предположить также, что некоторые макамы могли быть сочинены еще до приезда в Нишапур, в Исфахане, в угоду Ибн 'Аббаду.

Анализ содержания и словесного оформления макам Бади' аз-Замана позволяет проследить — точнее сказать, предположить, — как складывался этот удивительный симбиоз авантюрного сюжета и ученой беседы.

Прежде всего обратим внимание на то, что не все макамы изображают проделки «детей Сасана». Даже если отнести к плутовским, или «нищенским», все макамы, восхваляющие Халафа (ибо восхваление есть способ вымогательства, пусть оно и не содержит прямой просьбы), а также макамы, где в роли нищего оказывается сам 'Иса ибн Хишам, и макаму Саймарийскую, где герой с помощью злой шутки мстит предавшим его друзьям, — все равно, со всеми допусками, таких макам окажется всего 42. Остальные девять распределяются по содержанию следующим образом: в трех (Ахвазской, Маристанской и Проповеднической) центральной частью является проповедь на благочестивые темы, не сопровождаемая сбором денег и последующим разоблачением обманщика; три макамы (Веретенная, Научная и Поэтическая) построены на филологических фокусах, демонстрируемых столь же бескорыстно; одна (Ширазская) — жалоба Абу-л-Фатха на злую жену; а две (Гайланская и Бишрийская) содержат не имеющие никакого отношения к плутовской теме истории о бедуинских поэтах. Таким образом, к этим девяти новеллам название «макама» можно применить скорее в старом его

значении, то есть — беседы на богословскую, моральную или филологическую тему.

В то же время в сборнике имеются новеллы, явно отражающие другой источник макамного жанра, — это рассказы авантюрного содержания, в которых центральная речь героя, демонстрирующая его знания и владение высоким стилем, отсутствует, более того, в некоторых из них она и не нужна, потому что герой пользуется другими средствами обмана. Таковы макамы Обезьянья, Мосульская и Армянская; к ним можно отнести и Амулетную, в которой текст заклинания мог бы играть роль центральной речи, однако он не приводится. Тем не менее в этих макамах, в противоположность аналогичным рассказам, содержащимся в антологиях, довольно часто используется садж', особенно в описаниях и диалогах, и наблюдается тенденция к украшению стиля; заключают же каждую из этих макам стихи — самооправдание героя.

С другой стороны, в некоторых упомянутых выше чисто риторических макамах (Маристанской, Проповеднической, Ширазской, Научной) появляется тот самый главный герой — Александриец, который в Других макамах выступает как обманщик и вымогатель. Мы видим, таким образом, как сходятся два источника жанра и каждый из них на пути этого схождения обретает новые черты.

Можно заметить еще одну общую для всех макам существенную особенность, которая отражает процесс схождения указанных двух источников, а именно отсутствие стилевого единства. В тексте всех макам перемежаются большие или меньшие куски обычной прозы и садж'а, причем происходит это не от неумения или невозможности «подобрать рифму»: ведь послания ал-Хамадани свидетельствуют о том, что в садж'е он весьма искусен и рифмованная речь никаких трудностей ему не доставляет. Очевидно, это принципиальный подход. Так, в садж'е выдержаны зачины большинства макам, обязательно — речи, когда они составляют основное ядро макамы (иногда речь произносится в стихах), детальные описания предметов и обстановки. В изложении событий, напротив, рифма проявляется от случая к случаю, а момент узнавания рассказчиком Абу-л-Фатха всегда преподносится в прозе. Иными словами, процесс соединения двух истоков жанра наблюдается и на уровне стиля.

Композиционно большая часть макам строится по нехитрому принципу: рассказчик и неузнанный им главный герой{27} встречаются в каком-либо собрании людей — на площади, в мечети, на месте стоянки путешественников, в компании любителей словесности и т.п. (вариантов здесь может быть довольно много); эпизоду первой встречи обычно предшествует экспозиция, излагающая обстоятельства, в которых оказался рассказчик. Герой демонстрирует в собрании свое словесное мастерство — причем его речь чаще всего содержит просьбу о помощи — и получает от слушателей соответствующую мзду.

Однако не во всех макамах главным героем оказывается Абу-л-Фатх ал-Искандари — в некоторых герой, не называя своего имени, просто сообщает, что он родом из Александрии, а в некоторых ни имя, ни происхождение героя вообще не указываются. В тех макамах, где фигурирует именно Абу-л-Фатх, добавляется еще эпизод узнавания, содержащий диалог рассказчика с плутом и заключительные стихи последнего.

По всей видимости, у Бади' аз-Замана жанр макамы еще не устоялся. Вероятно, к числу более ранних макам относятся те, которые не подходят под окончательно сложившийся жанровый шаблон, то есть чисто риторические, не содержащие авантюрного элемента, и чисто авантюрные, где риторические украшения сведены к минимуму. Очевидно, стандартная композиция макамы с центральной речью главного героя, бродяги и обманщика, складывается не сразу и этот герой не сразу контаминируется с Абу-л-Фатхом из макам, описывающих плутовские проделки без риторики (Мосульская, Армянская). Недаром в некоторых макамах, как уже упоминалось, герой, будь то знаток поэзии, проповедник или попросту попрошайка, не носит никакого имени, в лучшем случае он сообщает рассказчику, что родом из Александрии, притом эпизод с узнаванием главного героя рассказчиком отсутствует, то есть этот Александриец как будто бы и не Абу-л-Фатх, которого рассказчик всегда узнаёт, рано или поздно.

На мысль о том, что первоначально присутствие Абу-л-Фатха в макаме не было обязательным, наводят и макамы с затянутой экспозицией, разрастающейся до самостоятельного рассказа. Так, в Львиной макаме встрече с Абу-л-Фатхом предшествуют ключевые для сюжета встречи со львом и с коварным разбойником; в Асвадской центральное место занимает встреча с мальчиком-импровизатором, в

Иблисской — беседа о поэзии с самим дьяволом; в Русафской макаме содержится перечисление уловок «детей Сасана», причем Абу-л-Фатх лишь упоминается в самом конце. Создается впечатление, что здесь эпизоды с участием Абу-л-Фатха являются избыточными: они как будто добавлены позже, чтобы включить эти макамы в общий круг «абулфатховских».

О том, что Бади' аз-Заман не мыслил свои макамы как единый цикл, свидетельствуют и повторы, встречающиеся в них вопреки гордому утверждению самого автора, что среди его макам «не найти двух, хоть сколько-нибудь сходных между собой по смыслу или выражениям»[{28}]. На самом же деле макамы Голодная и Жирная варьируют одну и ту же тему, ставя героя в почти аналогичные ситуации; вариациями на одну и ту же тему являются также макамы Иракская и Поэтическая, которые к тому же и текстуально частично повторяют друг друга. Текстуальные совпадения, меньшие по объему, встречаются и в других макамах, например в Куфийской и Звездочетской, в Балхской и Желтой; почти дословно совпадают заключительные стихи в макамах Джахизовской и Научной или последние строки стихов в макамах Балхской и Казвинской и т. д. Эти совпадения — еще одно свидетельство того, что создавались макамы Бади' аз-Замана в разное время, и он, в разных ситуациях и обращаясь к разным меценатам, мог позволить себе повторы тех или иных удачных (или просто подходящих к случаю) пассажей.

Четкой системы расположения материала в сборнике Бади' аз-Замана не прослеживается. Можно заметить, однако, что большинство макам первых двух десятков подчинены стандартной композиции (экспозиция — встреча — речь — награда — узнавание — объяснение), разумеется, с вариациями; причем Абу-л-Фатх появляется в девяти макамах первого десятка и в шести макамах второго, в двух макамах действует некий Александриец, в одной — безымянный проповедник, в одной роль обманщика играет сам 'Иса ибн Хишам, и еще в одной главными действующими лицами оказываются поэты прошлого, а рассказывает эту историю 'Иса с чужих слов. В остальных макамах наблюдается еще большее число вариаций стандартной композиции. Отметим также, что в макамах первых двух десятков, в отличие от последующих, рифмованные пассажи преобладают над прозаическими.

Вероятно, составитель сборника (сам автор или кто-то из его последователей?) опирался прежде всего на доминирующую тенденцию формирования жанра, как она постепенно складывалась. Характерно, что последователи ал-Хамадани почувствовали и подхватили эту основную тенденцию: все они отказываются от прозаического изложения и переходят полностью на садж', инкрустированный стихами, стараются придерживаться стандартной композиции, и цикл макам объединен у них не только одним и тем же рассказчиком, но одним и тем же главным героем, бродячим *адибом*[{29}], без украшенной речи которого не обходится ни одна макама.

Последователи у ал-Хамадани были не только в арабской, но и в других ближневосточных литературах, в частности в персидской и в еврейской; существует предположение, что макама повлияла и на европейский плутовской роман[{30}].

Среди авторов арабских макам особенно выделялся Абу Мухаммад ал-Касим ал-Харири (1054—1122), который придал жанру законченный вид: ярче и последовательнее, чем Бади' аз-Заман, обрисовал главного героя, усложнил сюжеты макам (в том числе и заимствованные у предшественника), сделал разнообразнее и богаче стилистические украшения, не превращая их при этом в самоцель, и сумел внести большую стройность в композицию всего цикла.

Произведения, квалифицируемые как макамы, появлялись в арабской литературе вплоть до XX в., однако история развития этого жанра показала, что созданный Бади' аз-Заманом симбиоз двух противоречивых тенденций не был прочным. Подлинно блестящие образцы его могли быть написаны только такими талантами, как ал-Хамадани и ал-Харири. Именно благодаря им термин «макама» стал обозначать особый вид плутовской новеллы. Однако после этих двух классиков макамного жанра никто их уровня не достиг: подражатели или впадали в сугубо назидательный тон, обличая плута, или стремились к еще большему украшению стиля, так что интрига отходила на второй план, а то и вовсе исключалась. И постепенно, начиная с XII в. (аз-Замахшари), авантюрный элемент исчезает совсем; из обязательных атрибутов макамы остаются лишь стремление к цикличности (и то не всегда), речь или беседа как кульминационная точка, украшенный стиль, насыщенный иносказаниями и словесной

игрой, и садж' со стихотворными вставками. Иными словами, большинство макам, зафиксированных в истории арабской литературы, являют собой образцы ученой украшенной прозы, обычно с назидательным уклоном, а вовсе не плутовские новеллы. Лишь в середине XIX в. и на рубеже XIX—XX вв. были предприняты две талантливые попытки возродить плутовскую макаму, но они уже не имели продолжателей.

До сих пор понятие «макама» прочно связано с именами ал-Хамадани и ал-Харири. Их творчество изучают на Востоке и на Западе, открывая в нем все новые грани; их макамы переводят на многие языки[{31}].

На русский язык был переведен полностью цикл макам ал-Харири[{32}], макамы же Бади' аз-Замана ал-Хамадани известны русскому читателю очень мало: существует прозаический перевод нескольких макам, филологически безупречный, однако не претендующий на передачу своеобразной формы подлинника[{33}].

В процессе работы над предлагаемым ныне полным переводом макам ал-Хамадани переводчики, как некогда, переводя макамы ал-Харири, руководствовались принятым в отечественной теории и практике поэтического перевода принципом функционального и ритмико-интонационного подобия подлиннику. Мы пытались найти русские эквиваленты для садж'а и размеров арабских стихов, подчиняющихся развитой квантитативной системе[{34}], и по возможности воссоздать игру слов и несколько необычный для русского читателя образный строй арабской украшенной прозы. Разумеется, при самом бережном отношении к тексту, его смысловым, языковым и звуковым нюансам, подобный перевод не может претендовать на филологическую точность, потери здесь неизбежны, особенно в стихах, где переводчики, помимо имитации арабских размеров, старались в большинстве случаев сохранить и моноримическую структуру стихотворения, свойственную средневековой арабской поэзии. Целью переводчиков было попытаться воспроизвести в русском тексте эффект эстетического воздействия подлинника на читателя или слушателя. Насколько это удалось — судить не нам.

Макамы Львиная (шестая), Сасанская (девятнадцатая), Мосульская (двадцать первая) и Русафская (тридцатая) переведены

З.М.Ауэзовой, остальные — А.А.Долининой. Перевод выполнен по Бейрутскому изданию 1973 г. с комментариями известного египетского ученого шейха Мухаммеда 'Абдо (1849 —1905), на которые мы опирались в работе, привлекая и комментарии к другим изданиям.

СТИХОТВОРЧЕСКАЯ МАКАМА (первая)

Рассказывал нам Иса ибн Хишам. Он сказал:

Швыряли меня далекие странствия то в одни, то в другие страны, пока не ступила моя нога в пределы Джурджана. Там я землю себе купил, остальные деньги в торговлю пустил и тем от превратностей себя оградил. Кое-каких друзей взял себе в компанию, и лавка моя стала местом обычного нашего пребывания: каемки дня дома я коротал, середину его — лавке своей отдавал.

Однажды сидели мы там с друзьями и вели беседу о поэзии и поэтах, а недалеко от нас, в стороне, устроился какой-то человек; он прислушивался, словно бы все понимал, но молчал, будто ни слова об этом не знал. Когда ж разговор в сторону нас завел и спор потянул за собой слишком длинный подол, он сказал, указывая на себя:

— Вот пальмочка, гнущаяся от спелых плодов, и столбик, о который любой верблюд потереться готов[1]. Захотите — начну свою речь я, одарю вас потоком красноречия, поведу ваши уши с водопоя на водопой, чтоб не томили их сушь и зной. Истину проясню я вам с помощью слов таких, что заставят слушать глухих, а пугливых козочек горных — спуститься со скал крутых. Я сказал ему:

— О достойный оратор! Подойди поближе — ты нас соблазнил. Подавай свою речь — так уж ты себя расхвалил!

Он приблизился и сказал:

— Спросите — получите обо всем мое мнение; слушайте — и вас обоймет восхищение!

Мы спросили:

— Что ты скажешь об Имруулкайсе[2]?

Он ответил:

— Это первый, кто следы жилья воспевал[3], «когда еще птицы спали»[4], вставал и все стати коня своего описал. Ради прибыли не сочинял он стихов, ради выгоды не нанизывал слов. Превзошел он тех, кто из хитрости развязывал свой язык, и тех, кто из алчности пальцы свои на пастбище выпускать привык.

— А что ты скажешь о Набиге[5]?

— Этот крепко ругает, когда разозлится, пышно хвалит, когда к награде стремится, и просит прощенья, когда боится, а если выстрелит, то всегда попадает в цель.

— А что ты скажешь о Зухейре[6]?

— Зухейр расплавляет свои стихи, а стихи расплавляют сердце его; когда он зовет к себе слова, отвечает ему волшебство.

— А что ты скажешь про Тарафу[7]?

— Он для поэзии — и вода и глина; рифм у него — и гора и долина. Но рок суровый слишком рано Тарафу погубил, и казну свою он не опустошил.

— А что ты скажешь о Джарире[8] и Фараздаке[9], кому из них принадлежит пальма первенства?

— У Джарира стихи отделаны тоньше и смысла в них больше, зато стихи у Фараздака покрепче сбиты, потуже свиты, побогаче расшиты. У Джарира острее сатира, племя свое искусно он восхваляет, военные доблести его прославляет. Но у Фараздака есть над ним превосходство: племя свое восхваляя, он превозносит его благородство. Джарир, когда женщин воспевает, пламя страсти в сердцах разжигает, когда бранит — в порошок стирает, когда восславляет — превозвышает. А Фараздак бахвальством любого затмит и того унизит, кого презрит, в описаниях же языка своего не щадит.

— А что ты скажешь о поэтах новых и старых?

— У старых поэтов слова благороднее, мысли их полноводнее, а у новых выражения изощреннее и ткань стихов утонченнее.

Мы спросили:

— Не хочешь ли нам стихи свои прочитать и что-нибудь о себе рассказать?

Он ответил:

— Получайте и то и другое сразу!

И продекламировал:

Ты видишь, друг, что я хожу в лохмотьях
И горечь горя от судьбы вкушаю,

Обиду на нее ношу с собою
И злые беды каждый день встречаю.

Восхода Сириуса[10] жду смиренно —
Я нынче только о тепле мечтаю!

А был когда-то я богат и знатен
И в середине сиживал, не с краю!

Затмил бы я и Дария с Хосровом,
Шатры веселья всюду разбивая.

Но вот блага в несчастья превратились —
Судьба перевернулась, мной играя.

Остались мне одни воспоминанья,
Грызут они, дразня и донимая.

Увы, в Самарре[11] бедная старушка
И дети в Босре[12] ждут меня, рыдая.

Когда бы не они — я счеты с жизнью
Покончил бы, раскаянья не зная!

Говорит Иса ибн Хишам:

Дал я ему дирхем, что под руку подвернулся; он взял, спиною к нам повернулся и пошел, а я ему вслед смотрел — все вспомнить хотел: знаком он мне или не знаком, наконец узнал я его с трудом и воскликнул:

— Александриец, клянусь Богом! Он покинул нас газеленком малым, а вернулся взрослым и возмужалым.

Тут я за ним побежал, догнал, за рукав удержал и сказал:

— Ты ли это, Абу-л-Фатх? Не тебя ли взрастили мы своими руками, не ты ли юность провел меж нами? Скажи-ка, что это у тебя за старушка в Самарре?

Он засмеялся в ответ и сказал:

Пойми, что время наше лживо,
Не поддавайся заблуждениям

И от судьбы не жди подарка —
Вращайся с ней ее вращением!

ФИНИКОВАЯ МАКАМА (вторая)

Рассказывал нам Иса ибн Хишам. Он сказал:

Случилось мне быть в Багдаде во время сбора фиников, и я решил на рынок сходить — самых лучших себе закупить. Отошел недалеко и вижу: у торговца разложено много спелых плодов, разных сортов, без счета рядов. Взял я себе из каждого ряда отборнейшие, из каждого сорта отменнейшие, скинул плащ, покупку свою сложил, концы завязал и закрепил. Вдруг вижу — прямо передо мной нищий с протянутой рукой. Его голова покрывалом обвита, а лицо концом покрывала стыдливо прикрыто. При нем была целая куча детей: кто постарше — его за подол держал, а кто поменьше — из-под мышек торчал. Отец же, выбиваясь из сил, на пропитанье просил, крича таким громким голосом, что дыбом вставали волосы:

Ах, мне бы горсти две ячменной каши
Или кусочек черствого лаваша,

Хоть капельку прокисшей простокваши,
Чтоб не текли потоком слюни наши.

Ужель подошвы зря дорогу пашут?
О Боже, дай испить достатка чашу!

Пускай завязки щедрости развяжет
Рука того, кто милость нам окажет,

И если он благой пример покажет —
О чести рода своего расскажет.

Он тот, кто нас успехом опояшет
И жизнь нам сохранит под сенью вашей!

Говорит Иса ибн Хишам:
Я вынул из кошелька кое-что и дал ему. Он сказал:

Ты, оказавший мне благодеянье!
Храни о том стыдливое молчанье,

Лишь Господу открой свои деянья!
Тебя б я наградил без колебанья,

Но мой достаток — слезы да стенанья.
От Бога ты получишь воздаянье!

Говорит Иса ибн Хишам:
Я сказал ему, указывая на кошелек:
— Там кое-что еще осталось. Кто ты — мне откроешь, что в нем — получишь.
Он сдвинул покрывало с лица — и оказалось, клянусь Богом, что это наш шейх Абу-л-Фатх Александриец! Я сказал:
— Ну и ну! Какой же ты хитрец!
А он ответил стихами:

Всю жизнь в обмане проводи
И людям головы дурачь!

Судьба на месте не стоит,
И я несусь за нею вскачь:

То сам ей горе причиню,
То стану жертвой неудач.

БАЛХСКАЯ МАКАМА (третья)

Рассказывал нам Иса ибн Хишам. Он сказал:

Торговля тканями привела меня в Балх. Был я тогда молодостью ублажен, беззаботностью ублаготворен, богатством украшен и считал главной своей заботой жеребенка мысли себе подчинить или самые редкостные слова в силки свои уловить, и ничья беседа и голос ничей мне тогда не казались красивей моих речей.

Когда же наша разлука с Балхом готова была натянуть свой лук, вошел к нам некий юноша — одежда его услаждала взгляд, борода окаймляла ровных жемчужин ряд, а с чистотой его взора не могли соперничать ни Тигр, ни Евфрат. Подошел он ко мне и хвалу произнес, а я в ответ еще больше его превознес. Затем он спросил:

— В путешествие собираешься?

Я ответил:

— Да, клянусь Богом.

Он сказал:

— Пусть плодородной будет земля, к которой ты стремленьем приник, и пусть в пути не заблудится твой проводник. Когда же ты отправляешься?

— Завтра утром.

— Пусть после разлуки утро подарит встречу, когда я сулящую счастье птицу примечу. А куда ты собираешься?

— На родину.

— Да прибудешь ты благополучно на родину и будешь там пребывать в дородности. А когда ты вернешься?

— На будущий год.

— Пусть скорее покрывало пути твоего свернется и нитка его не оборвется. А как далеко простирается твоя щедрость?

— Как ты захочешь.

Он попросил:

— Если в этом пути Бог избавит тебя от смерти и от недуга, привези мне врага в обличье доброго друга, что к роду желтых себя причисляет, к неверию призывает, танцем на пальцах забавляет, бремя

долгов облегчает. Этот двуликий лицемер сияет, как солнце, хоть ничтожен его размер.

Говорит Иса ибн Хишам:

Я понял, что он имеет в виду динар, и сказал ему:

— Он будет за речи твои награжденьем, а другой получишь при моем возвращенье.

Тут юноша продекламировал:

Ты дал мне больше, чем ожидал я,
Ведь руки добрые не скупятся.

Пусть мощь твоя всюду пустит корни,
А ветви щедрости укрепятся!

Как тяжко бремя — просить подачки
И в унижении побираться!

Твои дары велики. За ними
Не могут просьбы мои угнаться.

О пусть подольше судьба и слава
Твоим содействием насладятся!

Я дал ему динар и спросил:

— Какая же почва вырастила этот превосходный талант?

Он ответил:

— Племя курейш[13] меня вскормило и своим благородством подготовило для меня почву в напоенной влагой мекканской долине.

И тут один из присутствующих воскликнул:

— А ведь ты Абу-л-Фатх Александриец! Не тебя ли я видел на рынке в Багдаде? Помнится, ты не остался в накладе: листочки с просьбами ты раздавал[14] и богатую дань со всех собирал.

Тогда он продекламировал:

В нашей жизни перелетной
Перемены не скудеют:

Глянь — мы с вечера арабы,
А наутро набатеи[15]!

СИДЖИСТАНСКАЯ МАКАМА (четвертая)

Рассказывал нам Иса ибн Хишам. Он сказал:

Погнало меня в Сиджистан неотступное желание — заманило к себе в седло и на хребте своем понесло. Так, испросив благословенья у Бога, я пустился в дорогу, к цели стремился неуклонно и прямо, сделав разум своим имамом[16]. Я добрался благополучно до городских ворот, когда солнце уже покинуло небосвод, — и мне пришлось заночевать на месте, за городской стеной.

Когда же утро свой клинок обнажило и выступило в поход войско дневного светила, я отправился на рыночную площадь, чтобы подыскать себе жилище. А когда, покинув окружность окраин, в центре города я очутился и, обойдя ожерелье лавок, у самой крупной жемчужины остановился, в уши мои вонзился какой-то резкий голос, идущий из самого нутра. Тут я сразу устремился вперед — посмотреть, кто так громко орет. И вижу — посреди толпы верховой, повернувшись ко мне спиной, машет руками в волненье великом, захлебывается криком:

— Кто знает меня, тот знает, а кто не знает — сейчас распознает! Я тот, о ком говорит весь народ! Кто я — первый йеменский плод[17]. Мои дела и моя повадка — и для мужчин, и для женщин загадка. Обо мне расспросите разные страны и крепости неприступные, горы с их склонами и уступами, впадины и долины, морские глубины, лошадиные спины. Кто тайны их познавал? Кто их твердынями овладевал? Кто от края до края их мог пройти и подчинить себе все на пути?

Спроси царей, чьи владения велики, спроси их сокровища и тайники, умов ристалища, наук обиталища, войны и их превратности, беды и неприятности. Кто все их богатства захватил и цены их не заплатил? Спроси, кто их замки открывал и кто им успех даровал? Клянусь Богом, все это сделал я!

Я мирил могущественных царей, покорял пучины бурных морей. Богом клянусь, я любовные вел разговоры, меня томили томные взоры,

нежные ветви я сгибал и со щек румяных розы срывал.

Но притом я бегу от соблазнов мира земного, как бежит благородный от человека дурного, я отгораживаюсь от позора, как возвышенный слух — от постыдного разговора. И вот теперь, когда занялось утро седины и показались признаки старости, я решил обрести спасение ко Дню Воскресения — делами добрыми запастись, ибо лучше способа нет спастись!

Кто видел меня на коне верхом и слышал слова мои, льющиеся дождем, скажет: он порождение чуда! Нет, я сам родитель многих чудес, я создавал их и раздавал. Я творитель многих бесчинств, я учинял их и подчинял, любые замки отпирал, ключи к ним с трудом подбирал, зато легко их терял, дорого покупал, по дешевке сбывал. Клянусь Богом, ради своих творений я растрачивал силы, возводил стропила, крутил кормила, стерег светила. Суровый обет был мною дан: у себя не утаивать ничего из добытого для мусульман. Теперь же, состарившись, хочу узду своих праведных дел вам передать и средство спасения на вашем рынке продать. Пусть его купит тот, кто законы ислама свято блюдет. Пусть будут среди его потомков праведности радетели, и ветви его пусть напоит чистый сок добродетели.

Говорит Иса ибн Хишам:

Я повернулся так, чтобы увидеть его лицо и узнать, кто он. Оказалось, клянусь Богом, что это наш шейх Абу-л-Фатх Александриец! Я подождал, пока рассеялась толпа, окружавшая его, и спросил:

— Сколько нужно отдать за это лекарство?

Он ответил:

— Сколько позволит кошелек.

Я покинул его и удалился.

КУФИЙСКАЯ МАКАМА (пятая)

Рассказывал нам Иса ибн Хишам. Он сказал:

В молодости имел я обыкновение любое оседлывать заблуждение и к любому скакать искушению. Сладчайший напиток жизни вкушать я мог, окутанный платьем удачи с головы и до самых ног. Но когда появились проблески утра во мраке моих волос, в раздумьях о Судном дне подол подобрать мне пришлось и свершить что положено благочестивому человеку — отправиться в Мекку. Добрый товарищ мне попался в пути — лучше спутника не найти. Мы друг другу о себе рассказали — откуда родом и где бывали. Оказалось, что спутник мой родился в Куфе и по убеждениям — суфий[18].

Так мы ехали, а добравшись до Куфы, свернули к его дому и вошли в него, когда у дня на щеках начал темный пушок появляться и стали усы пробиваться. Вот уже ночь свои веки сомкнула, покрывало тьмы натянула, и вдруг мы услышали: кто-то громко стучится в наши ворота. Когда мы спросили, кто стучит, то в ответ было сказано:

— Ночи темной посланник, голода злого изгнанник, высокорожденный, нуждой побежденный, просить принужденный. Убогий, которому нужно немного — хлеба кусок в дорогу. Сморил его голод, скрутил его холод. Двумя врагами побитый, он ищет защиты. Домой пути ему нет: лают собаки вослед, люди в спину камни ему кидают, дорогу за ним заметают. Он страдает и мучится, устала его верблюдица, и так далек его дом — пустыни бескрайние меж ним и его гнездом.

Говорит Иса ибн Хишам:

Я зачерпнул из мешка целую пригоршню монет, послал ему и велел сказать:

— К просьбе добавишь побольше слов — получишь побольше даров.

Он ответил:

— В огонь, хорошо разожженный, не добавляют смолы благовонной. А посланнику благодеяния благодарность — лучшее воздаяние. У кого есть излишек, делиться с другими надо — от людей

и от Бога будет награда. Пусть Господь исполнит твои желания и поддержит твои старания.

Мы открыли ему дверь и сказали:

— Входи!

И вот, клянусь Богом, это был Абу-л-Фатх Александриец! Я сказал:

— О Абу-л-Фатх! Смотрю я — нужда тебя доняла и до крайности довела!

Он улыбнулся и ответил такими стихами:

Пусть не вводят тебя в заблуждение просьбы —
Я богат, от веселья изорвано платье.

Я богат, мог бы сделать из золота крышу,
Мог бы стены парчой дорогою убрать я.

ЛЬВИНАЯ МАКАМА (шестая)

Рассказывал нам Иса ибн Хишам. Он сказал:

До меня доходили кое-какие рассказы и речи Александрийца — ими заслушается и беглец, в трепет от них придет и птенец. Нам также читали его стихи, способные слиться с частицами душ по утонченности и превозмочь проницательность кахинов[19] по изощренности. Просил я Бога его хранить и встречу мне с ним подарить: я бы вновь подивился его безразличию к своему состоянию, несмотря на невиданный блеск его дарования. Однако судьба по-своему располагала и долго меня от него отдаляла. Когда же направило в Хомс меня Провидение, к нему обратил я клинок своего устремления, вместе с людьми, подобными звездам во мраке ночей, словно приросшими к спинам своих коней. Пустились мы в путь, сокращая его длину, извлекая наружу то, что было запрятано в глубину, разбивая горбы холмов копытами скакунов, пока своей худобой они не сравнялись с клюкой и не изогнулись дутой. Но вот у подножья горы мы увидели близко долину в зарослях ала[20] и тамариска, подобных девам, косы свои расплетающим и локоны распускающим.

Зной заставил нас в эту долину свернуть. Спешились мы, чтоб, укрывшись от солнца, вздремнуть, конные привязи туго стянули и тут же уснули. Вдруг нас разбудило лошадиное ржание. На коня своего я взглянул и увидел, что он поводит ушами, вращает глазами, привязь тугую рвет зубами и бьет о землю ногами. Затем взволновались все кони, влаги не удержали, привязи пообрывали и в сторону гор побежали. Мы схватились за оружие, но тут увидели перед собой смерть в образе льва: он вышел из логова, гриву расправив и зубы оскалив; глаза его гордостью сверкали, ноздри презреньем дышали, грудь его доблесть не покидала, а робость не посещала. Мы воскликнули: «Какое ужасное злоключение, опасное приключение!» Но тут к нему устремился один из тех, что на зов откликаются быстрее всех, —

Смуглолицый, из арабских удальцов —
Тех, что ведра наполняют до краев,

бесстрашно на помощь поспешают, и мечи их сверкают. Но львиная сила его сразила, земля ногам его изменила, он упал вниз лицом, был растерзан львом, который бросился к остальным, что прибежали за ним. Смерть и брата его к себе поманила, близко к нему подступила, страхом руки скрутила. Он на землю упал, лев его под себя подмял, но тут я подбросил ему свою чалму, и пока лев с чалмою сражался, наш товарищ поднялся, натерпевшись страху немало, и колоть его стал куда попало — так льву погибель настала.

Мы проверили лошадей, что на привязи оставались, за сбежавшими не погнались и вернулись к погибшему другу, чтобы похоронить его.

Когда мы товарища землею засыпали,
Мы плакали в час унылый, горький, безрадостный.

Потом в пустыню мы воротились и вновь в дорогу пустились. Но вот иссякли наши запасы: похудели сосуды с водой, оскудели и сумки с едой. Мы сомневались и в продвижении, и в возвращении, двух убийц опасаясь — жажды и истощения.

Вдруг появился всадник — мы к нему обратились и устремились. Он подъехал к нам, сошел с породистого коня, дотронулся до земли руками, коснулся ее губами. Средь всех собравшихся он выбрал меня, ко мне подбежал, стремя мое облобызал и под мою защиту встал. Я на него взглянул: взора не оторвешь — строен станом, плечи могучие, лицо сияет, словно молния в черной туче, щеки пушком покрылись, усы над губой пробились. Вид у него не арабский — турецкий, наряд же царский, а не купецкий. Мы воскликнули:

— До чего же хорош! Откуда ты и куда идешь?

Он сказал:

— Я слуга одного правителя, который решил меня убить, и я бежал от него куда глаза глядят.

Поглядев на него, я поверил сразу в правдивость его рассказа.

Закончил юноша так:

— А сегодня тебе я служу, весь я тебе принадлежу.

Я ответил:

— Я очень этому рад. Тебя привела дорога в просторный сад, где жизни человеческой не угрожают.

Спутники меня поздравили — так он взорами всех поразил и речью своей пленил.

Он сказал:

— Господа мои! Тут есть родник под горой, вы долго скитались в пустыне скупой — хорошо бы вам запастись водой.

Мы повернули поводья, куда он нам указал; полуденный зной тела раскалял и саранчу оживлял. Он спросил:

— Не хотите ль в тени у воды немного вздремнуть, прежде чем отправляться в путь?

Мы ответили:

— Сделаем так же, как ты.

Он сошел с коня, пояс свой развязал, верхнюю куртку снял. Лишь рубашка прозрачная тело его облегала, красоту его не скрывала. Никто из нас больше не сомневался, что с райскими юношами[21] он разругался и из рая решил удалиться, чтоб от Ридвана[22] укрыться. Он седла снял, коней покормил травой, место, где мы отдыхали, обрызгал водой. Взгляды наши к нему устремлялись, умы от него смущались. Я сказал:

— О юноша, как ты в услуженье хорош, как ты во всем пригож! Горе тем, кого ты покидаешь, благо тем, кого сопровождаешь! Как мне Бога благодарить за счастливую встречу с тобой?

Он сказал:

— Могу я еще сильней удивить. Вам понравилось, как я в услуженье хорош и во всем остальном пригож. Я вам сейчас такие чудеса покажу, что еще сильнее к себе привяжу.

Мы сказали:

— А ну-ка!

Взял он у одного из наших спутников лук, натянул тетиву, положил стрелу и в небо ее пустил, послал вслед за ней другую и

первую в воздухе расщепил. Затем проговорил:

— Теперь я покажу вам еще кое-что.

Взял он у меня колчан, подошел к моему скакуну, оседлал его и пустил стрелу, ею грудь одному из наших пронзил, другою стрелой в спину его поразил.

Воскликнул я:

— Горе тебе! Что же ты натворил?!

Он крикнул в ответ:

— Молчи, негодяй! Хочу, чтобы каждый из вас руки соседу скрутил, а если не справитесь — Богом клянусь, своей же слюной подавитесь!

Мы не знали, что и делать: коней он успел привязать, седла снять, а оружие наше далеко осталось лежать. Он был верхом, а мы пешими, и в руке у него лук, из которого можно и в спины стрелять, и животы и груди пронзать. Когда мы опасность осознали, то ремни свои взяли и друг друга связали. А я один в стороне остался стоять — некому было мне руки связать. Он сказал:

— Выйди из одежды своей в одной лишь коже, да поскорей!

И я разделся. Он слез с коня, начал пощечины всем раздавать и с каждого одежду срывать. Дошел до меня и видит, что на мне новые туфли. Он сказал:

— Матери у тебя нет! Сними их!

Я ответил:

— Но я их обул сырыми и снять никак не могу.

Он тогда:

— Я сам их сниму.

Приблизился он ко мне вплотную, а я незаметно протянул руку к ножу, что был спрятан в туфле. Пока злодей был занят моей туфлей, я ему нож в живот всадил и до самой спины протащил. Губ своих он уже не разомкнул, словно камень ему рот заткнул.

Я медлить не стал, руки всем развязал. Вещи убитых мы меж собой поделили, друга погибшего похоронили. И снова в путь пустились побыстрей и до Хомса добрались за пять ночей. Мы остановились на рынке, в незанятом месте, и увидели там мужчину, стоявшего с сыном и дочерью вместе. Посох был у него и сума, а говорил он такие слова:

Бог, воздай сердобольному,
Кто наполнит мешочек мой.

Бог, воздай тем, кто сжалится
Над Саидом и Фатимой.

Будут вам они слугами,
Будут преданы всей душой.

Говорит Иса ибн Хишам:

И тогда я подумал: «Человек этот — Александриец, о ком я был наслышан и о ком расспрашивал. Да, это он!» Я тихонько подошел к нему и сказал:

— Назначь сам, сколько тебе причитается.

Он ответил:

— Дирхем.

Я сказал:

Пока я живу, пока я дышу,
Твои дирхемы будут множиться.

Рассчитай по счету и попроси,
Чтоб о них потом не тревожиться.

И добавил:

— Дирхем умножим на два, на три, на четыре, на пять, — и так продолжал до двадцати считать. Затем спросил:

— Сколько же тебе дать?

Он ответил:

— Двадцать лепешек.

Я приказал дать ему, что он просил. Тогда он сказал:

— Нет удачи при невезении и нет избавления при лишении.

ГАЙЛАНСКАЯ МАКАМА (седьмая)

Рассказывал нам Иса ибн Хишам. Он сказал:

Как-то раз, когда мы были в Джурджане в кругу друзей и беседовали, оказался в нашей компании человек, который держал в памяти и передавал многие истории об арабах, а именно Исмат ибн Бадр ал-Фазари. Зашла у нас речь о тех, кто уклонился от спора с противником из благоразумия, и о тех, кто уклонился от спора с противником из презрения к нему. Упомянули ас-Салатана ал-Абди и ал-Баиса[23] и какое презрение выказывали к ним Джарир и ал-Фараздак[24]. Исмат сказал:

Я расскажу вам, что я видел собственными глазами, а не передаю с чужих слов. В то время как я путешествовал по областям племени тамим на верблюдице отменной и вел в поводу для нее сменную, появился передо мной всадник на темно-бурой верблюдице, плюющейся пеной. Когда мы, поравнявшись, чуть не столкнулись, он громко произнес:

— Мир тебе!

Я откликнулся:

— И тебе мир и милость Бога и его благословение! Кто ты, о рыцарь громогласный, говорящий слова прекрасные?

Он ответил:

— Я — Гайлан ибн Укба, Зу-р-Румма[25].

— Рад видеть тебя, герой знаменитый, знатностью своей именитый, тот, чьи слова слышны повсюду.

— Да будут долины твои обширны, соседи мирны. А ты кто?

— Исмат ибн Бадр ал-Фазари.

— Да продлит Бог твою жизнь! Рад я славного друга найти, с тобою нам по пути.

Мы поехали вместе, и когда стал донимать нас полуденный зной, он сказал:

— Исмат, не поспать ли нам, что-то солнце припекает.

Я ответил:

— Как тебе угодно.

Мы направились к деревьям ала, похожим на девушек, локоны распустивших, и к зарослям тамарисков, шеи свои склонивших. Мы расседлали верблюдов, сели и принялись за еду, но Зу-р-Румма ел очень мало. Потом мы совершили молитву и расположились в тени тамарисков для полуденного сна. Зу-р-Румма улегся, я сделал то же самое: землю под спину себе подстелил, да только сон ко мне не спешил. Тут я увидел невдалеке верблюдицу, изнуренную солнцем, с большим горбом и без седла, а рядом спал человек, как видно, приставленный к ней, — то ли погонщик наемный, то ли раб подневольный. Однако я тут же отвлекся от них — ведь то, что тебя не тревожит, надолго привлечь не может. Зу-р-Румма поспал немного, затем проснулся. А было все это в то время, когда он высмеивал в стихах людей из племени мурра. Тут он возвысил голос и стал декламировать:

Остатки жилища красавицы Мейи!
Следы твои ветер шальной заметает.

Вот колышки, вот и очаг беспризорный —
Никто уж теперь его не разжигает.

Осели края водоема пустого,
Давно на кочевье никто не бывает.

А сколько людей здесь я видывал прежде
И Мейю — здесь все о ней напоминает.

Я к ней подходил, словно к нежной газели,
Что видит чужого — и прочь убегает.

Меня не пускал к ней ревнивец, который
Ее охраняет, за ней наблюдает.

Дойдет моя песня до Имруулкайса[26] —
Ведь каждый прохожий ее повторяет.

Хула моя к Имруулкайсу прилипла,
Как злая болячка его донимает.

Да полно! Поймут ли насмешку мурриты —
Ведь камень ни чувства, ни чести не знает!

Средь них не найдешь благородного духом
Героя, что племя свое защищает.

Испачканы грязью из лужи упреков,
В которую каждый муррит попадает.

Они — что куски неотделанной кожи,
Когда их дубильщик и мнет и пинает.

Их глаз не заметит поступков прекрасных,
А ухо красивым речам не внимает.

Их взрослые дочери — старые девы:
Жениться на них ведь никто не желает!

Когда Зу-р-Румма дошел до этого стиха, человек, спящий возле верблюдицы, проснулся, стал протирать глаза и сказал:

— Это жалкий Зу-р-Руммка мешает мне спать какими-то корявыми стихами, которые никто и передавать не захочет?

Я спросил:

— Гайлан, кто это?

Он ответил:

— Ал-Фараздак.

При этом Зу-р-Румма распалился и продолжил стихи:

Подлее же прочих — отродье Муджаши[27]!
Пусть облако землю их не поливает!

Они неспособны к делам благородным —
Их низость, как путы, вперед не пускает.

Я подумал: «Теперь ал-Фараздак разозлится, возмутится и сочинит сатиру на Зу-р-Румму и на все его племя». Но, клянусь Богом, ал-Фараздак сказал только:

— Позор тебе, Зу-р-Руммка, неужели ты выступаешь против такого, как я, с краденными стихами?

Потом он снова погрузился в сон, как будто ничего не слышал.

А Зу-р-Румма пустился в путь, и я вместе с ним, и все время, пока мы не расстались, я видел, что он чувствует себя униженным.

АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ МАКАМА (восьмая)

Рассказывал нам Иса ибн Хишам. Он сказал:

Когда подол моего богатства стал таким длинным, что я мог им подпоясываться, заподозрили меня в том, что деньги я тайком воровал или разбоем добывал. И когда я понял, что никто мне не может помочь, оседлал верблюдов и пустился в темную ночь. Проезжал я местами, куда звери не забегают, птицы не залетают. Наконец землю страха я миновал и в края безопасности попал. Я до Азербайджана добрался, когда верблюды мои усталостью были крепко прибиты, а у коней начисто стерлись копыта.

Хотели пробыть всего три дня и уехать прочь,
Но так нам понравилось, что месяц гостили там.

Однажды, прохаживаясь по рынку, я вдруг увидел человека — он опирался на посошок и нес на плече небольшой бурдючок. Он был в калансуве[28], обернут фугой[29], ноги в сандалии обуты. Он заговорил громким голосом:

— О Боже, все создающий и повторяющий, оживляющий кости и уничтожающий! О тот, кто выводит утреннюю зарю, рассекая тьму, так что светило ходит по кругу, послушно ему! Тот, кто проливает нам милость, чтобы нас она покрывала, кто держит небо, чтобы оно не упало, кто души парами сотворил, сделал солнце светильником и в небо пустил, сделал землю подстилкой, а небо устроил крышей охраняемой, сделал покоем ночь, а временем жизни — день освещаемый, тот, кто выращивает облака, влагу дарующие, и посылает молнии наказующие, знающий то, что за звездами в вышней дали, и то, что ниже границ земли! Благослови Мухаммада, господина посланников, и его благородный род, пусть их слава вечно живет!

Покрывала нужды мне помоги избежать и с дороги чужбины вернуться вспять! Пошли ты мне избавителя, доброго покровителя, кто в благочестии преуспевает, истин ясных не забывает. Пусть бы он дал верблюдицу — домой меня довезти и кое-каких припасов — прокормиться в пути.

Говорит Иса ибн Хишам:

Я сказал себе, что этот человек более красноречив, чем наш Александриец Абу-л-Фатх. Вгляделся в него попристальнее — а это, клянусь Богом, сам Абу-л-Фатх и есть! Я сказал ему:

— О Абу-л-Фатх! Неужели хитрость твоя проникла и в земли эти, неужели и здешний народ ты уловил в свои сети?

А он ответил стихами:

Я привык день и ночь по дорогам скитаться,
И куда меня ветер забросит — не знаю.

Как волчок, я закручен суровой судьбою
И превратности времени одолеваю.

А за нищенство, право, не нужно упреков,
Сам попробуй — понравится, я уверяю!

ДЖУРДЖАНСКАЯ МАКАМА (девятая)

Рассказывал нам Иса ибн Хишам. Он сказал:

Как-то раз в Джурджане беседовали мы в тесном кругу, где были только свои, — и вдруг перед нами появился человек: ростом он был невысок, в плечах неширок, с густой бородой, за ним дети малые, оборванные, исхудалые. Произнес он красивое приветствие с мусульманским обычаем в соответствии, к себе нас расположил и обильные милости от нас заслужил. Он сказал:

— О люди! Я из жителей александрийских, с границ андалусских[30], я из племени сулеймитов, привечали меня абситы. Долго я по земле кружил — где я только не жил! Побывал я в краях отдаленных, в пустынях и в местах населенных, в областях рабиитских и мударитских, и нигде не бывал унижен, никем не обижен. Не презирайте мои лохмотья и отрепья! Богом клянусь, мы были людьми известными, праведными и честными, и гостю любому, бедуину или купцу, утром верблюда зарежем, а ночью — овцу.

Да, были средь нас герои, видом прекрасные,
И люди достойные — что скажут, то сделают.

Кто был побогаче, тот кормил неимущего,
И кто победней, тот не был скуп в подаянии.

Затем, о люди, судьба обернула против меня свой щит, я сон в бессонницу превратил и отдых странствием заменил. Стрелы несчастий гоняли меня по кругу, пустыни передавали меня друг другу, превратности времени сдирали с меня кожу, как смолу соскабливают с дерева, и оказался я более гладким, чем ладонь, и более голым, чем щека младенца. Опустело подворье наше, и высохли чаши. Одно мне осталось: весь век скитаться да за верблюжью упряжку держаться. Я

не спорю с судьбой отныне и подлаживаюсь к пустыне. Земля — мне постель и в летний жар, и в зимнюю стужу, а подушкой мне камень служит.

Сегодня я в Амиде, в Рас Айне — завтра,
А послезавтра — в Майяфарикине.

Я в Сирии ночь, другую ночь в Ахвазе[31],
Наутро же мой верблюд Ахваз покинет.

Заботы мои с места на место меня бросали, били ноги мои о камни и наконец привели меня в Хамадан. Жители Хамадана дружелюбно меня встречали, к себе зазывали, но я выбрал того, чей стол пышнее, а гордыня скуднее.

Костер его горит на горе, пылая,
Когда другие жгут костры в низине[32].

Ложе мягкое мне устроили, заботы обо мне удвоили и утроили. Прожил я там некоторое время — и появился у меня сын, как йеменский меч сверкающий, как месяц в ночи сияющий. Мой хозяин оказывал мне милости неизмеримые, и в сердце рождались радости неисчислимые. Первая милость — дом, хорошо обустроенный, огромный, последняя же — мешок, звонких динаров полный. Но с места меня сорвали дары, потоком бегущие, и дожди, беспрерывно льющие. Бежал я из Хамадана, как от охотника дичь, никто не смог бы меня настичь. Исходил я дороги опасные, мученья терпел ужасные.

Но я оставил в Хамадане мать моего семейства и своего ребенка —

Как будто серебряный браслет, кем-то сломанный
И брошенный там, где были игрища девушек.

Занес меня к вам ветер нужды и вихрь маяты. Посмотрите, да помилует вас Бог, на самого тощего, изнуренного, привела его к вам нужда, умучила нищета.

Взгляните на путника, усталого, грязного,
Швыряют его друг другу степи бескрайние.

Господь указал, что у вас добро меня ждет, он ко злу никого не ведет.

Говорит Иса ибн Хишам:

Клянусь Богом, своими жалобными речами он растопил наши сердца и в слезах утопил наши глаза, и мы отдали ему все, что было у нас при себе. Он ушел, вознося нам хвалу, а я последовал за ним — и оказалось, клянусь Богом, что это не кто иной, как наш шейх Абу-л-Фатх Александриец.

ИСФАХАНСКАЯ МАКАМА (десятая)

Рассказывал нам Иса ибн Хишам. Он сказал:

Будучи в Исфахане, я надумал поехать в Рей, поэтому мое положение было зыбким, словно тень: я в любую минуту ожидал каравана, чтобы назавтра в путь отправиться рано. Наконец он прибыл и дальше идти собрался, час отъезда уже приближался — а тут призыв к молитве раздался. И я решил ненадолго от спутников ускользнуть, чтобы выполнить долг мусульманина до того, как пуститься в путь: чем в одиночку молиться, пристойней мечеть посетить, — опасно, правда, отъезд пропустить. Но я надеялся, что с молитвой благословение Божие меня не покинет в путешествии по пустыне.

Я пришел на молитву, протиснулся в первый ряд, где обычно самые праведные стоят. Тут к михрабу[33] вышел имам[34] и прочел суру «Открывающая»[35], чтением Хамзы[36] — по манере произношения мадды и хамзы[37]. Я же только о том и думал, как бы к отъезду не опоздать и свою верблюдицу не потерять. А имам после суры «Открывающая» стал читать суру «Падающее»[38], а я поджаривался на огне волнения и пекся на углях нетерпения: то ли жди и ни слова не говори, то ли выскажись и умри — потому что я знал, какая буря начнется, если из-за меня молитва до срока прервется. И пришлось мне стоять в таком положении до завершения чтения. С караваном я мысленно уже распрощался, с багажом и верблюдицей расстался. А имам тем временем склоняется, как лук согбенный, в позе покорной и смиренной — такого смирения я никогда не видывал! Потом он голову поднимает, руку правую простирает и возглашает: «Бог внимает тому, кто его восхваляет». Затем он встает и замирает — я даже подумал, не уснул ли он. Но тут имам о пол рукой опирается, к полу лицом прижимается и опрокидывается ничком.

Я поднял голову, надеясь выскользнуть где-то, но между спинами не увидел просвета и снова склонился в земном поклоне. Наконец имам дал команду подняться, возвеличив Божие имя, все сели — и я вместе с ними. Потом он встал и начал второй ракат[39] и снова прочел

две суры подряд — «Открывающая» и «Поражающее». До скончания века длилось чтение, все души дошли до изнеможения. Когда же он и второй ракат завершил и рот раскрыл, чтобы произнести шахаду[40], — все почувствовали отраду, а я подумал: «Боже, спасибо за избавление, за приближение возвращения!»

Вдруг какой-то человек встал и сказал:

— Кто из вас любит общину и ближних Пророка, пусть не покинет мечеть до срока — пока не послушает меня минутку.

Я остался на месте для сохранения собственной чести. А этот человек сказал:

— Мне надлежит говорить только правду и подтверждать только истину. Я принес добрую весть от вашего Пророка, однако я не передам ее вам, пока Бог не очистит мечеть от всякого сквернавца, не признающего его пророческого призвания.

Говорит Иса ибн Хишам:

Оковами он меня сковал, веревками крепкими связал, а затем сказал:

— Я видел во сне Пророка — да славится он во веки веков! Он был словно солнце, вышедшее из облаков, иль как луна, что в глубокую ночь тьму прогоняет прочь. Звезды за ним покорно шли, его одеяние спускалось до самой Земли, и концы его ангелы несли. Затем он научил меня молитве и заповедал мне передать эту молитву его общине. Я на этих листках ее мускусом записал, харакаты[41] шафраном помечал. Кто попросит меня подарить листок — не поскуплюсь, кто заплатит мне за бумагу — не откажусь.

Говорит Иса ибн Хишам:

И потекли к нему дирхемы со всех сторон, только успевай подхватывать. Наконец он вышел, а я последовал за ним: меня восхитили щедрость его ручья, меткость его копья, уменье людей расположить и хитростью хлеб насущный добыть. Я хотел с ним поговорить, но язык придержал, хотел его расспросить — но промолчал, задумавшись, как у него сочетаются тонкость речи — с нахальством, попрошайничество — с бахвальством, как хитростью он людей оплетает и своими уловками обирает. Пригляделся — а это Абу-л-Фатх Александриец! Я спросил:

— Как ты додумался до этой хитрости?

Он улыбнулся и продекламировал:

Ослиное стадо — люди,
Всегда их тупость губила.

Возьмешь от них все, что хочешь,
А там — хоть ложись в могилу!

АХВАЗСКАЯ МАКАМА (одиннадцатая)

Рассказывал нам Иса ибн Хишам. Он сказал:

В Ахвазе попал я в компанию удивительную, ослепительную: все безбородые или с легким пушком на щеках, с надеждой в юных глазах, красотой осиянные и днем и ночью желанные. Мы говорили о дружбе и как ее правила установить, о братстве и как его связи укрепить, о радости и в какое время лучше ей предаваться, о питье и в какое время удобнее им наслаждаться, о том, как сочувствие завоевать и как неудачи избежать, о вине и где его доставать, о компании и как ее собирать. Один из нас сказал:

— Я подготовлю дом, а также гостей прием.

Другой сказал:

— А я беру на себя вино и десерт заодно.

И когда мы уже были готовы отправиться, появился перед нами человек в рубище с палкой остроконечной в руках и носилками погребальными на плечах. Видя в этом дурную примету, мы решили в сторону повернуть, обойти его и продолжить путь. А он крикнул нам таким криком, что казалось — земля разверзнется и звезды осыпятся[42]:

— Подите сюда, не бойтесь неотвратимой доли, идите со мной, пусть даже насильно и против воли! Пусть не блуждают ваши души в потемках — на этом одре ехали ваши предки и поедут потомки. Почему вы гнушаетесь ложем ваших отцов? Оно ведь скоро станет ложем ваших сынов. Вас на тех же носилках понесут и тем же червям на съедение отдадут. На том же коне совершите вы путь недлинный в те же долины. Горе вам! К чему дурной приметы бояться, словно дано вам собою распоряжаться? Зачем отворачиваться, глаза на все закрывать? Ведь этой участи не избежать. О нечестивцы! Пора бы остановиться!

Говорит Иса ибн Хишам:

Он отвратил нас от прежних стремлений, удержал от желанных вожделений. Мы повернулись к нему и сказали:

— Как нам полезны твои наставления! Как прекрасны твои поучения! Мы бы не прочь услышать и продолжение.

Он ответил:

— Поистине, перед вами — водопои, к которым вы придете, а шли вы к ним уже двадцать лет.

Поверь мне, кто двадцать лет вперед к водопою шел,
Тот близок уже к концу пути неизбежного.

Поистине, тот, кто над вами, все ваши тайны знает и волей своей покровы их разрывает. В жизни ближайшей проявляет он милость к вам, а в жизни последней будет судить вас по вашим делам. Если о смерти вы не будете забывать — дел дурных не станете совершать. Надо, чтоб мысль о смерти всегда рядом с вами была, — тогда вы не станете закусывать удила, откажетесь от забвения, уйдете от заблуждения. Не ждете смерти — она придет, заснете — она разбудит, за отвращение к ней — отомстит, пренебрежения не простит.

Мы спросили:

— А в чем ты нуждаешься?

— Желаний моих не сосчитать, взглядом их не обнять.

— Ну а сейчас?

— Жизни ушедшей возвращения, от грядущих ударов избавления.

— Этого дать мы не в силах, а чего ты хотел бы из благ и соблазнов этого мира?

— Я в них не нуждаюсь, нужда у меня только одна — чтобы вы стремились больше делать, чем обещать.

БАГДАДСКАЯ МАКАМА (двенадцатая)

Рассказывал нам Иса ибн Хишам. Он сказал:

Был я в Багдаде, и как-то раз захотелось мне фиников сорта азаз. Но тут охватила меня тоска: не было звонкого кошелька. Пошел я искать возможности поживиться, и мое желание привело меня в Керх. Тут мне навстречу попался какой-то житель Севада[43] — он шагал за нагруженным ослом и на ходу края своего изара[44] завязывал крепким узлом. Сказал я себе: «Вот это добыча!» Поздоровался согласно обычаю, Абу Зейдом его наугад назвал и Божьей помощи пожелал; спросил, откуда он держит путь и где собирается отдохнуть, и тут же сказал ему:

— Братец мой! Поедем скорее домой!

А он мне в ответ:

— Я не Абу Зейд, я Абу Убейд!

Я сказал:

— Ох, попутал меня шайтан, в памяти получился изъян, потому что давно мы не видались, долго друг с другом не встречались. Как поживает твой отец? Все такой же он молодец? Или его голова поседела — ведь столько времени пролетело!

Севадиец ответил:

— Он уже покинул земную семью. Я надеюсь, что он пребывает в раю. На могиле его — не год и не два — давно уже выросла трава.

Я заахал:

— Прекрасный был человек, мир его праху! — и сделал вид, что хочу порвать на себе рубаху.

Севадиец схватил меня за руку и закричал:

— Заклинаю тебя Богом, не рви ее!

Я предложил:

— Поедем домой, устроим поминки, а то поедим мяса жареного на рынке. Рынок, скажем, поближе к нам и еда повкуснее там.

Так я жареным мясом его соблазнил, сильный голод в нем разбудил, он за вкусной едой погнался, не ведая, что попался.

Пришли мы на рынок в лавку, где жарилось мясо, и с него капал пот, прозрачный и желтый, словно мед, а хлеб, что хозяин подставлял, жирным бульоном истекал. Я сказал продавцу:

— Отрежь Абу Зейду мяса, а в виде приправы добавь пахучие травы, потом из этой посуды побольше выбери блюдо, горку тонких лепешек клади на него — вот так! А сверху как соус полей сумак. Пусть Абу Зейд покушает всласть!

Торговец взял большой нож, выбрал лучший кусок и мелко изрубил его, так что он стал как сурьма измельченным, как мука истолченным. После этого оба мы сели, молча ели, пока не достигли цели.

Тогда я сказал продавцу сладостей:

— Отвесь Абу Зейду два ратля[45] лузинаджа[46]: он в глотку легче всего проходит и к жилам путь быстрее всего находит; смотри, чтоб он был в эту ночь испечен, днем сюда принесен, корочкой тонкой окружен, богатой начинкой снабжен: пусть там будет миндальных жемчужин ряд и пусть там звезды орехов блестят, чтоб он таял во рту — жевать не надо! — и приносил языку отраду. Пусть Абу Зейд покушает всласть!

И торговец отвесил, а мы рукава засучили, к лузинаджу скорей приступили и доели все до конца.

Затем я сказал:

— О Абу Зейд! Больше всего сейчас нам нужна вода со льдом, чтобы жажду возникшую утолить и жар наших внутренностей охладить. Ты сиди, Абу Зейд, а я пойду — водоноса сюда приведу.

Я отошел и спрятался в таком месте, где мне все было видно, а он меня не видел: хотелось посмотреть, что он будет делать. А севадиец, не дождавшись моего возвращения, встал и направился к своему ослу, но торговец ухватил его за полу и закричал:

— А где плата за то, что ты съел?

Абу Зейд возразил:

— Я же был гостем!

Торговец стал колотить его кулаками, награждать его тумаками и вопил на весь рынок:

— Слыхали?! Когда это мы тебя приглашали?! Вот наглец! Отвесь двадцать дирхемов — и конец!

Севадиец заплакал, узлы на изаре развязывать стал зубами, утирал глаза рукавами. Дошло до него, что стал он жертвой обмана, и он ворчал:

— У, проклятая обезьяна! Сколько раз я твердил ему: «Я — Абу Убейд!» А он все свое: «Нет, ты — Абу Зейд».

Тогда я потихоньку сказал:

Если сытым хочешь ты быть всегда,
То любые средства применяй!

За любое дело скорей берись —
Ведь старость близится, так и знай!

БАСРИЙСКАЯ МАКАМА (тринадцатая)

Рассказывал нам Иса ибн Хишам. Он сказал:

Я приехал в Басру зеленым юнцом, щеголял своим йеменским расшитым плащом, овец и коров у меня было целое стадо и денег сколько мне надо.

Пришел я в Мирбад[47] в компании, привлекающей взоры, мы прошли по зеленым лугам к цветущим садам. Одно местечко нас привлекло, мы там уселись и, улыбаясь друг другу, чашу веселья пустили по кругу, отбросив скромность, потому что меж нами были только свои. Но тут же увидели: кто-то издали к нам приближается, то в низины спускается, то на холмы поднимается. Мы поняли, что он направляется к нам, и стали приглядываться к нему. Наконец он приблизился, как мусульманам положено, приветствовал нас и ответ подобающий получил тотчас. Потом он обвел нас взглядом и сказал:

— О люди! Все вы смотрите на меня косо и обо мне задаете себе вопросы. Но скажите, кто, верность правде храня, вам об этом поведает лучше меня. Я хочу вам открыться: я из Александрии, с андалусской границы. Благородство мне путь облегчало, жизнь меня улыбкой встречала, племя знатное меня опекало. Но судьба меня богатства лишила, по белу свету бродить пустила. Птенцы мои чередою тянутся вслед за мною, жалкие и несчастные, зобы у них от голода красные.

К ним подойдешь — они тебя укусят,
Как змеи жертву жалят смертным ядом.

Птенцы гурьбою ждут моей добычи,
Раскрывши рот, блестя голодным взглядом.

Когда же в путь отправимся — кто едет
На мне верхом, кто ковыляет рядом.

Восстают против нас белые, не слушаются нас желтые, кусают нас черные, разбивают нас красные[48]. Схватил нас Абу Малик[49], а Абу Джабир[50] встречается нам только тогда, когда мы настолько слабы, что не можем его принять.

Вода в этой Басре голод у всех возбуждает, а голодный бедняк — это первый, кого съедают. Одинокий может найти себе пропитание и улучшить свое состояние, а каково тому,

Кто всюду бродит, отдыха не зная,
Оставив позади гнездо с птенцами,

Голодными, одетыми в лохмотья,
Растрепанными, с тощими животами.

С утра они следят за отцом — живым мертвецом, глазами кругом обводят свой дом, что совсем не похож на дом, руки ломают, просьбы горькие повторяют, рыданья им грудь разрывают, потоки слез они проливают, печали друг другу поверяют.

Знай, что бедность — честности верный знак,
Когда подлецы в мире власть берут.

Если честный просит униженно —
Это значит: близится Страшный суд.

Свой выбор вы сделаете без труда: звезды счастья меня привели сюда. Клянусь, вы достойные люди, к нам спасенье от вас прибудет. Найду ли я среди вас героя, кто накормит их ужином и укроет? Найдутся ли мужи благородные, что их оденут и не оставят голодными?

Говорит Иса ибн Хишам:

Клянусь Богом, никогда не просили разрешения проникнуть сквозь завесу моих ушей слова более удивительные, более тонкие и поразительные, чем те, что я услышал от него. И конечно мы опустошили свои кошельки, вытрясли рукава и вывернули карманы. Я снял с себя плащ и отдал ему, а остальные последовали моему примеру, говоря: «Иди к своим детям!»

И ушел он от нас, восхваляя огромность наших щедрот и благодарностью наполняя свой рот.

ФАЗАРИЙСКАЯ МАКАМА (четырнадцатая)

Рассказывал нам Иса ибн Хишам. Он сказал:

Как-то раз в тех местах, где кочует племя Фазара, проезжал я на верблюдице отменной и вел в поводу для нее верблюдицу сменную, и они по очереди плавно несли меня. Я задумал отправиться на родину, и на пути домой меня не пугали ни мрак ночной, ни пустыни своей длиной. Сбивал я палкой пути листья с деревьев дня, а ноги моих животных в моря ночей погружали меня. Однажды, в такую темную ночь, когда нетопырь, ничего не видя, кружит в тревоге и птицы ката[51] в гнездо не найдут дороги, несла меня верная верблюдица, словно поток воды. Посмотришь направо — только львы там рычат, посмотришь налево — одни лишь гиены визжат. Но вдруг в отдалении появился всадник в полном вооружении. Расстоянье меж нами все сокращалось, дорога, как лента, свивалась. Я был безоружным и испугался, но сдержался и крикнул всаднику:

— Здесь тебе не пройти: колючки копий и острый меч пред тобой на пути. И сильный противник двинуться дальше не даст — пылкий и храбрый, как воин из племени азд[52]. Захочешь — пойду на тебя войной, захочешь — обойду стороной. Отвечай мне, кто ты такой?

Он сказал:

— Войны не хочу я, нет!

Я отозвался:

— Хороший ответ! Но кто ты?

Он сказал:

— Я могу советчиком быть полезным, могу — собеседником любезным. На имя мое завеса упала, никакие намеки не сдвинут с него покрывала.

Я спросил:

— А чем ты кормишься?

Он ответил:

— Я брожу по странам, пока не найду щедрого человека, чтобы он выставил мне еду. Язык мой и сердце между собою дружат, а

красноречию пальцы служат. Цель моя — встретить благородного человека, который для меня вьюк с верблюда своего снимет и мешок свой дорожный скинет, — как сын благородной, который вчера на рассвете, как солнце, явился, ушел на закате, но не забылся. Память о нем меня повсюду сопровождает, а то, что на мне надето, лучше всего о нем сообщает. — И он указал на свою одежду.

Я подумал: «Примечай-ка! Клянусь господином Каабы[53], он опытный попрошайка, до предела освоивший свое дело. Такому никак не откажешь: хочешь не хочешь, а милость окажешь». Я сказал ему:

— Ушам приятен речей твоих звон. А в стихах ты так же силен?

Он ответил:

— До моих стихов далеко моим самым звонким речам. Если хочешь — сейчас убедишься сам.

И заговорил он голосом львиным, заполнившим всю долину:

О всадник достойнейший, тебя привели ко мне
Пустыня, и ночь, и конь, как вздохи, взлетающий.

Огонь твоих доблестей струит благовонный дым,
О знатности родичей твоих возвещающий.

Я деньги твои пытался выманить — выманил!
И дар получил я, твой карман облегчающий.

Когда мы сошлись, мою ты речь похвалил и стал
Стихами испытывать талант мой блистающий

И понял, что я побью любого противника,
Как меч полированный, секущий, сверкающий.

И ты, и твой быстрый конь — кровей благороднейших,
Звездою отмечены, как солнце, сияющей.

Я сказал ему:

— Выбирай, что понравится — себе забирай.

Он сказал:

— Дорожный мешок и то, что внутри, беру наудачу.

Я добавил:

— И верблюдицу, ту, что его несет, — в придачу.

Затем я ухватился за него всей пятерней и сказал:

— Нет, клянусь тем, кто конец руки на пять разделил и этой пятерке осязание подарил, ты не ускользнешь от меня, пока я не узнаю, кто ты.

Он отодвинул покрывало с лица, и оказалось, что это наш шейх Абу-л-Фатх Александриец. И я тут же сказал:

О Абу-л-Фатх, нацепивший меч,
Поверь, в мече тебе проку нет!

Ведь ты не воин и не герой,
Прими-ка добрый мой совет:

Из украшений того меча
Отлей ты себе ножной браслет!

ДЖАХИЗОВСКАЯ МАКАМА (пятнадцатая)

Рассказывал нам Иса ибн Хишам. Он сказал:

Однажды меня позвали с друзьями на пир, и я, согласно известному хадису[54] Посланника Божьего, да благословит его Бог и да приветствует, откликнулся на приглашение: «Если б меня пригласили на трапезу из берцовой бараньей кости, я бы согласился; если б мне подали кость от предплечья, я бы принял».

И пришли мы в некий дом —

С красотой наедине он оставлен,
Все, что хочет, из нее выбирает.

Но добавить просит он постоянно,
Ибо всех он красотой одаряет.

Полы в этом доме были устланы коврами, подушки разложены рядами и угощение расставлено. У гостей глаза прохлаждались, ароматом рейхана и роз они услаждались, и под звуки ная и уда[55] истекали кровью золотые сосуды.

Хозяева вышли нам навстречу, и войдя, мы не могли уж отойти от столов, пестревших, точно весенний луг, уселись в круг, в ряд стояли блюда несметные, лежали яства на них разноцветные — черные, словно уголь, белые, словно лед, красные, словно рубин, желтые, словно мед. Вместе с нами сидел незнакомец, рука его по столу путешествие совершала и спор разноцветья разрешала, румяные щеки лепешек хватала, глаза у тарелок выдирала и пальцы свои по земле соседей пастись пускала. Она взад и вперед по тарелкам ходила, словно ладья по шахматным клеткам бродила, так что кусок вытеснял кусок, а глоток подгонял глоток. И при этом он не говорил ни слова, а мы вели разговор и среди этого разговора помянули ал-Джахиза[56] и

его речения, Ибн ал-Мукаффу[57] и его остроумные поучения, и так случилось, что этого разговора начало с окончанием пира совпало.

Тогда наш сосед спросил:

— На чем вы остановились в разговоре?

Тут мы стали слова ал-Джахиза повторять и пути его красноречия восхвалять.

Он сказал:

— О люди! Для каждого дела есть свои исполнители, для каждой темы — свои сочинители, для каждого дома — подходящие жители и для каждого времени — свой ал-Джахиз. И если бы вы не жалели силы на размышления, ясно увидели бы свои заблуждения.

Тут каждый из нас обнажил клыки своего неодобрения и шмыгнул носом, выражая презрение. Я не мог понять на ходу, что он имел в виду, а потому улыбнулся и сказал:

— Продолжай, не тяни, мысль свою поясни.

Он сказал:

— Поистине, ал-Джахиз одной ногой вперед бежит, а другой — на месте стоит. Пусть каждый из вас поймет: красноречивым считается тот, чья поэзия прозу не затмевает, а проза поэзию не унижает. Вы встречали у ал-Джахиза блестящие стихи?

Мы ответили:

— Нет.

Он сказал:

— Обратите внимание на его речи: глубокие мысли простыми словами он излагает, к иносказаниям не прибегает. Он не любит запутанных выражений, смысла неясных отражений. Попадались ли вам у него реченья туманные, слова неестественные и странные?

Мы ответили:

— Нет.

Тогда он обратился ко мне:

— А хочешь услышать речь — облегчение твоих плеч и раскрытие тайн твоей руки, даже если они велики?

Я ответил:

— Да, клянусь Богом.

Он сказал:

— В знак благодарности раскрой ладонь и щедрости разожги огонь.

Я отдал ему свой плащ, и он сказал:

Клянусь тем, кто сбросил с плеч свой плащ, чтоб одеть меня,
—
Тот плащ начинен сполна величьем и славою.

Скажу: проиграл он плащ своим добродетелям —
Не в мейсир[58], не в нарды, нет, не в игры лукавые.

Еще раз подумай о бедняге, которого
Судьба напоить готова горькой отравою.

Друзья твои явятся, как солнышко яркое,
А если в ночи — укажут сторону правую,

И щедрости смочат глотку даром нескаредным,
И денег поток прольют расплавленной лавою.

Говорит Иса ибн Хишам:

Стихи его слушателей привлекли, дары к нему так и потекли. Мы с ним почувствовали друг к другу симпатию, и я спросил:

— Где же место восхода этой луны?

И он ответил:

Ах, дом мой — Александрия,
Но я все время кочую,

И если я днем в Хиджазе,
То в Неджде я заночую[59].

СЛЕПЦОВСКАЯ МАКАМА (шестнадцатая)

Рассказывал нам Иса ибн Хишам. Он сказал:

Ездил я по городам Ахваза, стараясь побольше улавливать слов красивых и пополнять запас выражений красноречивых. В каком-то городе на одной из площадей я увидел толпу людей, собравшихся вокруг некоего человека. Они к чему-то прислушивались; я подошел и увидел, что этот человек ударяет палкой о землю, и из мерных ударов получается музыка. Мне захотелось эту мелодию уловить, а быть может, и редкостных слов раздобыть, и я врезался в толпу — одного оттолкнул, другого отпихнул, добрался наконец до музыканта и вижу: коротышка, толстяк, на жука похожий, совсем слепой, в грубой одежде шерстяной, вертится, как шальной. Бурнус на нем длинный, с чужого плеча, а палка увешана колокольчиками, и когда он ею о землю стучит — мелодия нежная звучит. Сам же он в такт стихи распевает, грудь свою надрывает:

Согнулась от долгов спина,
И денег требует жена.

Ушло богатство, пуст котел,
И ночь в пустыне холодна.

Найдется ли достойный муж,
Чья помощь бедняку нужна?

Терпенье кончилось мое,
И всем беда моя видна.

Где золото, где серебро?
Нужда все выгребла до дна.

Ючусь в лачуге, всем чужой,

Одежда — рвань, еда скудна.

Ах, был бы добр ко мне Господь,
Была бы помощь мне дана.

О, кто из вас поможет мне,
Господь воздаст тому сполна,

Коль благодарность от меня
Ему покажется бедна.

Говорит Иса ибн Хишам:

Клянусь Богом, сердце мое смягчилось и глаза мои утонули в слезах. Я дал ему золотую монету — динар, который был у меня в кошельке. И он тут же сказал:

Красавец, словно солнцем осиянный,
И тонкий он, и круглый, и чеканный!

Ты скажешь: сок его вот-вот закаплет,
Он — плод высоких помыслов желанный

Души, в которой поселилась щедрость,
Распоряжаясь ею постоянно.

О славный муж! В сравнении с тобою
Ничтожен дождь похвал благоуханный,
Но Божья милость снизойдет нежданно.

Пусть щедро Бог того наградит, кто красавца одинокого подкрепит — с братом соединит.

Люди дали ему кто сколько мог, и он ушел от них, а я последовал за ним, уверенный, что он только притворяется слепым — уж слишком быстро он распознал динар, который я ему дал. Когда мы остались одни, я схватил его за руку и сказал:

— Тайну свою мне открой, а не то выдам тебя с головой.

Он тут же раскрыл глаза — здоровые, как пара крепких миндальных зернышек, а я сдернул покрывало с его лица — и вот, клянусь Богом, это был наш шейх Абу-л-Фатх Александриец! Я воскликнул:

— Ты Абу-л-Фатх?

Он ответил:

Нет, Абу Хамелеон я,
Все время я цвет меняю.

Я нищий и о доходах
Высоких не помышляю.

Судьбу толкай осторожно —
Ослица она тупая.

Разумный совет отвергни,
Ведь разум — глупость большая!

БУХАРСКАЯ МАКАМА (семнадцатая)

Рассказывал нам Иса ибн Хишам. Он сказал:

Однажды в Бухаре я пришел в соборную мечеть вместе с друзьями — мы были словно звезды Плеяд, нанизанные на одну нить. Когда мечеть наполнилась народом, к нам подошел какой-то человек, одетый в рубище, пустой котомкой он плечи свои прикрыл, мальчишку голого за собою тащил. По виду он бедами был изможден, холодом удручен; от стужи и дрожи не имел он защиты, кроме собственной кожи. Остановившись перед нами, он сказал:

— Пусть на этого мальчика взглянет тот, кто блага от Бога ждет! Пусть его нищету пожалеет, кто за своих детей болеет. О вы, счастливой долей согретые, в золотые платья одетые! Владельцы роскошных домов и высоких дворцов! Может судьба против вас обернуться, да и наследники всегда найдутся. Спешите творить добро, пока вы в силах, пока судьба вас горем не поразила! Богом клянусь, бывало, угощались и мы на пирах, гарцевали на лучших скакунах, расхаживали в парче и в шелках, по цветущим садам гуляли, на подушках вечером возлежали. Но коварный рок пошел против нас войной и свои щит повернул к нам наружною стороной. Взамен скакунов появились клячи у нас колченогие, взамен шелков — лохмотья убогие. И так продолжалось, пока я не дошел до того состояния и того одеяния, какое вы видите. Мы сосём иссохшую грудь судьбы и едем верхом на черной спине нужды, протягиваем руки должника — как противна заимодавцу эта рука! Найдется ли человек благородный, кто рассеет потемки этих несчастий и зазубрит клинок этих злобных напастей?

Затем он сел на возвышение и сказал ребенку:

— Скажи теперь ты о себе и своих делах!

Мальчик откликнулся:

— Что я могу сказать? От слов, которые люди слышали, замерзло бы море и скала раскололась бы в горе. Сердце, которое не обожжено тем, что уже сказано, — сырое мясо. О люди, вы нынче узнали то, чего до сих пор не слыхали. Кто за своих детей боится, пусть руки заставит

расщедриться — ведь завтра и с вами может такое случиться. Поддержите меня — я вас поддержу, одарите меня — я вам угожу.

Говорит Иса ибн Хишам:

У меня с собой не было денег — единственным спутником моим был перстень, который я и надел мальчику на мизинец, а он тут же стал описывать этот перстень в стихах:

Он словно пояс из ярких звезд —
Сестер в созвездии Близнецов!

Как с любимым в тесном объятье слит,
Он не может сбросить любви оков.

Он чужого племени — но всегда
От превратностей защитить готов.

Хоть в глазах людей он высок ценой,
Но дарящий выше своих даров!

Клянусь, людская хвала — слова,
А ты поистине сущность слов!

Все дали просящему сколько у них было с собой, и он пошел прочь, громко восхваляя нас, а я последовал за ним. Наконец уединение позволило ему открыть лицо — и оказалось, что это, клянусь Богом, наш шейх Абу-л-Фатх Александриец, а этот газеленок — его отпрыск. Тогда я спросил его:

Старик Абу-л-Фатх, отчего ты молчишь,
Ни слова приветствия не говоришь?

Он ответил:

Любезен, как друг, я в гостях у друзей,
Зато на дороге я тих, словно мышь.

И я понял, что он не хочет со мною разговаривать, отстал от него и удалился.

КАЗВИНСКАЯ МАКАМА (восемнадцатая)

Рассказывал нам Иса ибн Хишам. Он сказал:

К границам Казвина вместе с другими отправился я в поход, шел тогда семьдесят пятый год[60]. Дорога то подымала нас на вершину, то опускала в низину, пока наконец не привела в одно селенье. Полуденный зной заставил нас укрыться в тени кустов тамариска, где протекал ручей — словно лента блестящей парчи, чистый, как язычок свечи; он по камням струился, змейкой вился. Мы поели сколько могли, в тени устроились и отдохнуть прилегли. Но не успел овладеть нами сон, как мы услышали голос противней, чем крик осленка, и шорох шагов легче шагов верблюжонка, а вслед за этим раздались звуки барабана громкие, словно львиный рык, — тут уж все встрепенулись и проснулись.

Я широко раскрыл глаза, стараясь разглядеть пришельца, но его скрывали от меня деревья. Я прислушался — и вот какие стихи произносил он в такт барабанному бою:

Я прибегаю к помощи Аллаха,
И к области обширной, плодородной,

И к райскому возвышенному саду,
Где спелые плоды висят свободно.

О люди! Я неверие отринул
И бросил край, Аллаху неугодный.

А сколько дней я был далек от веры,
Как я грешил, язычник сумасбродный!

Я пил вино, я жадно ел свинину[61],
Был чревом сыт, но дух мой был голодный.

И Бог меня на верный путь направил
И прочь увел из пустоши бесплодной.

Читал тайком от родичей молитвы,
Стараясь жизнь вести богоугодно.

К Каабе не решался повернуться —
Боялся разбудить я гнев народный.

Измученный дневною суетою,
Молился я тогда в ночи холодной:

«О Боже, забери меня отсюда,
Я им чужой, ни с кем из них не сходный!»

От них бежал я ночью, а со мною —
Одна решимость да мешок походный.

Младенцы поседели бы от страха
Там, где я шел пустынею безводной.

И наконец обрел покой душевный —
Я прибыл в царство веры благородной!

Теперь я возношу хвалу усердно:
Прозренье — дар от Бога превосходный.

О люди! Не любовь земная сюда меня привела, не бедность меня доняла, нет, я покинул виноградники и сады, и дев удивительной красоты, и родню, и верных рабов, объезженных скакунов, шелка разноцветные, богатства несметные — все оставил, что прежде любил, руку правую с левой соединил[62], ушел незаметно, как змея из норы выползает, как птица из гнезда вылетает. Предпочел я веру благам земным и в пути дневной переход сочетал с ночным.

О, если бы искры костра могли его загасить, а камни города нечестивого могли его развалить! В походе на Византию мне помогите и по мере сил поддержите. К лишним тратам себя не принуждайте, сколько можете, столько и дайте. Если кто из праведников богат и даст мне тысячу или десять тысяч динаров, я буду рад, но приму и даник[63], не отвергну и финик. Для каждого из вас у меня будет две стрелы: одну из них я приберегу для встречи с Господом, у другой же я кончик заострю, древко расщеплю, лук молитвы во тьме ночной натяну и, в небо пуская стрелу, каждого из вас помяну.

Говорит Иса ибн Хишам:

Его удивительные слова взволновали меня, я покровы сна с себя стряхнул и к остальным примкнул. Пригляделся — и, клянусь Богом, это наш шейх Абу-л-Фатх Александриец стоит и размахивает обнаженным мечом! Правда, внешность свою ухитрился он так поменять, что его очень трудно было узнать. Увидев меня, он подмигнул и сказал:

— Да снизойдет милость Божья на того, кто от длинного шлейфа нам кое-что уделил и нас по возможностям своим одарил.

Затем он взял то, что ему было дано, и ушел, я — за ним, а когда мы остались наедине, спросил:

— Ты набатейского рода[64]?

Он ответил:

Все зависит от времени —
Неужель до сих пор не знал?

По его повелению
Я свой род на другой сменял.

Набатеем был с вечера,
А наутро арабом стал.

САСАНСКАЯ МАКАМА (девятнадцатая)

Рассказывал нам Иса ибн Хишам. Он сказал:

Любовь к путешествиям меня привела в Дамаск. Вот как-то раз подхожу я к дому — и вдруг предо мной люди из Бану Сасан[65] шумной толпой встали стеной, у всех одежда окрашена охрой, голова обвита чалмой. Они под мышкой камни держали и оттуда их доставали, когда принимались милостыню просить, чтобы в грудь себя ими бить. А когда предводитель их к ним обращался, каждый в лад ему откликался. Он взывал — и каждый ему отвечал. Увидев меня, предводитель сказал:

Хочу я лепешку свежую,
Как следует пропеченную,

К лепешке — зелень отборную,
И соль, хорошо измельченную,

И уксус, крепко настоенный,
А с ним — и мяса вареного:

Ягненка или козленочка,
От груди едва отлученного.

И дай мне воды холодной
В красивом кубке точеном,

Кувшин вина принеси мне —
Хочу уснуть опьяненным.

И нужен мне виночерпий —
Красавец, радость влюбленному.

Хочу я рубаху с джуббой[66]
И с чалмой удлиненною,

Хочу я сандалии прочные —
Ходить в места отдаленные,

Хочу я гребень, и бритву,
И ковш, и мочалку крученую.

Иль стань хозяином щедрым,
А я — к тебе приглашенным.

Мне хватит — разве я буду
Попрошайкой бесцеремонным?

Я ему дирхем дал и сказал:

— Вот тебе наше приглашение, а нам предстоит подготовиться и собрать снаряжение, поусердствовать и укрепить положение. Мы дали тебе обещание, а этот дирхем пусть послужит напоминанием. Прими его как подношение и ожидай исполнения обещанного решения.

Он принял дирхем и поспешил навстречу другому прохожему. Я подумал, что он сейчас обратится к нему с той же речью. Но он заговорил так:

О славный, стройный, как пальма,
Чьи ветви тянутся в небо!

Возжаждали зубы мяса —
Но с них довольно и хлеба.

Хоть что-нибудь дай, не скупись,
Но с даром поторопись.

Ты милость мне окажи

И кошелек развяжи.

Прижми свою руку к боку[67],
Как сказано было Пророку.

Говорит Иса ибн Хишам:

Слова эти поразили мой слух, и я понял, что он далеко еще не исчерпал запасы своего красноречия. Тогда я вслед за ними пустился, возле дома их очутился и незаметно там притаился. Тут хозяева сняли с лиц своих покрывала, и теперь уж ничто не скрывало — Абу-л-Фатх Александриец был у них запевалой. Я взглянул на него и воскликнул:

— Горе тебе! Что это за хитрость такая?

А он ответил стихами:

Наши дни — сплошное злополучие,
Беды их и точат нас, и мучают.

Глупость нынче на почетном месте,
Ум считается пороком и бесчестьем.

А богатство — призрачная птица,
Лишь над недостойными кружится.

ОБЕЗЬЯНЬЯ МАКАМА (двадцатая)

Рассказывал нам Иса ибн Хишам. Он сказал:

По дороге из Мекки я заехать был рад в Город мира[68] — Багдад. По берегу Тигра иду не спеша, и приятной прогулке радуется душа. Я диковинки города обозреваю: постою, полюбуюсь — и снова путь продолжаю. Вдруг вижу: толпа, все тянут шеи вперед, хохот им разрывает рот, а мне любопытно: что сюда согнало народ?

И вот я в толпу врезаюсь, толкаюсь, вперед продираюсь — голос слышу, лица не вижу. Оказалось, там обезьянщик свою обезьянку заставил плясать, а людей — во все горло хохотать. Тут и я заплясал, словно собака цепная, кое-как продвигаясь, подскакивая и хромая, перешагивая через головы сидящих, расталкивая стоящих, чье-то плечо бросало меня вперед на чей-то живот. Наконец я пробился куда хотел, на чью-то бороду сел, отягченный давкой и теснотой, и от стыда подавился слюной.

Когда ж обезьянщик завершил свое дело, а толпа иссякла и поредела, вскочил я, охваченный сомнением, и на него посмотрел с изумлением — Богом клянусь, это был Абу-л-Фатх Александриец!

Воскликнул я с огорчением:

— Горе тебе! Откуда такое унижение?!

А он продекламировал в ответ:

Виноват не я, а судьба моя,
Что теснит меня и гнетет меня.

Но фиглярство мне принесло доход,
И в шелках теперь щеголяю я!

МОСУЛЬСКАЯ МАКАМА (двадцать первая)

Рассказывал нам Иса ибн Хишам. Он сказал:

Когда из Мосула мы возвращались и мыслями к дому уже обращались, разбойники на наш караван напали, верблюдиц угнали и седла отняли. Я пришел в одно из мосульских сел, едва держась на ногах, и был со мною при этом Абу-л-Фатх Александриец. Я спросил его:

— Ну, как искусны мы в плутовских делах?

Он ответил:

— Нам поможет Аллах.

В доме, где умер хозяин, вскоре мы оказались. Там уже плакальщицы собирались, дом был полон людей, чьи сердца обжигало страдание, а одежды разрывало отчаяние. Женщины волосы распустили и горестно в грудь себя били, ожерелья свои порвали и себя по щекам хлестали.

Александриец сказал:

— Есть для нас пальма средь этого сада и ягненок средь этого стада.

Он вошел в дом, чтобы взглянуть на покойного: его подбородок уже подвязать успели, воду для омовения согрели, носилки погребальные смастерили, саван сшили и могильную яму рыли. Увидев это, Александриец за горло его схватил, жилу нащупал и проговорил:

— Люди, побойтесь Бога! Не хороните его — он жив! Он всего лишь сознание потерял и в беспамятство впал. Я сумею его исцелить — дня через два он сможет глаза открыть.

Они спросили:

— Откуда тебе известно такое?

Он ответил:

— Когда человек умирает, зад у него остывает. А этого я осмотрел и понял, что жив он и цел.

Они тоже пощупали его зад, потеребили и наконец заключили:

— Верно, так все и обстоит — сделаем, как он повелит.

И тогда Александриец встал, подошел к мертвецу, одежду с него сорвал, на голову накрутил тюрбан и на шею повесил талисман. Затем он в рот ему масла немного влил, место вокруг него от столпившихся освободил и сказал:

— Оставьте его и не мешайте, услышите стоны — не отвечайте!

Едва Александриец вышел от него, как кто-то уж слух пустил, будто он мертвеца оживил. Нам стали нести подношения из всех дворов, соседи на нас обрушили потоки своих даров. Вскоре от золота и серебра раздулись у нас кошельки, финиками и сыром переполнились наши мешки. Мы искали удобного случая, но сбежать нам не удалось и в конце концов за обман отвечать пришлось.

Настал назначенный час — и обещанного потребовали от нас. Александриец спросил:

— Быть может, послышались от больного какие-то звуки или слегка шевельнулись его руки?

Они ответили:

— Нет.

Абу-л-Фатх сказал:

— Если он до сих пор ни звука еще не издал, значит, срок не настал. До завтра надо его оставить, а если услышите голос, значит, он жив, можете Бога славить. Тогда зовите меня — я займусь его исцелением и устранением того, что мешает выздоровлению.

Они сказали:

— Пусть это будет завтра, но не позднее!

И он подтвердил:

— Не позднее!

Когда улыбнулись уста рассвета и расправились крылья света, устремились к нему мужчины толпой и женщины двинулись гурьбой. Они сказали:

— Мы хотим, чтобы ты его исцелил, наконец слово с делом соединил.

Александриец сказал:

— Пойдемте к нему.

Он талисман с умершего снял, тюрбан размотал и сказал:

— Положите его вниз лицом! — И они положили.

Затем он приказал:

— Распрямите его и поставьте на ноги! — И они его распрямили и поставили.

Наконец он сказал:

— Отпустите руки! — И тогда мертвец, не сгибаясь, упал.

Александриец воскликнул:

— Фу! Ведь он мертв! Как же я его оживлю?

Тут люди набросились на него, и стар и млад, ударов посыпался град: едва одна рука поднималась, тут же другая на него опускалась.

Потом люди стали готовиться к погребению, а мы ускользнули и бежали, пока не достигли другого селения. Оно стояло на берегу, который воды реки размывали и своим течением разрушали. Жители селения горевали, глаз по ночам не смыкали и в страхе потопа ждали. Александриец сказал:

— Я вас избавлю от этой воды и от страшной беды. Я отведу от селения грозящее наводнение. Только вы мне подчиняйтесь, а сами делать ничего не пытайтесь.

Они спросили:

— Что прикажешь?

Он сказал:

— Корову рыжую в жертву реке принесите, девушку невинную ко мне приведите и два раката[69] молитвы со мной сотворите. Тогда Бог вас от потока избавит и в пустыню его направит. Если вода не поменяет направления, кровь моя станет для вас дозволенной.

Они сказали:

— Так мы и сделаем, — и в жертву корову принесли и девушку в жены ему привели.

Тогда он встал, чтобы сотворить два раката, и сказал:

— Люди, за собою следите: чтобы никто из вас не споткнулся, когда нужно вставать, не упал, когда нужно на коленях стоять, не поскользнулся, когда нужно поклониться, не ошибся, когда нужно садиться. Ведь если мы допустим оплошность, наши просьбы останутся безответными, а старания — тщетными. Будьте же во время этих молитв осмотрительны: они весьма продолжительны.

Он встал и, как пальмовый ствол, распрямился, а они так старались, что каждый от боли в ребрах скривился. Затем он в земном поклоне склонился, и все подумали, что он задремал, но головы никто не поднял, пока он «Аллах велик!» не сказал. Лишь приступив ко

второму поклону земному, он подал мне знак — и мы ринулись вниз по склону, молящихся позади оставляя и об участи их не гадая.

Абу-л-Фатх произнес:

Аллах меня защитит —
Где такого еще найти!

Я столько смешных глупцов
Доил на своем пути!

Всегда в обмен на обман
Добычу умел унести.

МАДИРСКАЯ МАКАМА (двадцать вторая)

Рассказывал нам Иса ибн Хишам. Он сказал:

Я был в Басре, и со мною — Абу-л-Фатх Александриец, повелитель красноречия: прикажет ему — и оно подчинится, скомандует — и оно покорится. Мы пришли в гости к одному из купцов, и нам была подана мадира, оседлых жителей прославляющая[70], о здоровье едоков ее возвещающая, на блюде она слегка подрагивает, законность власти Муавии доказывает[71]. Эти блюда слепят любой самый острый взгляд и красотою к себе манят. Когда заняла мадира место свое на столах и в наших сердцах, вдруг стал Абу-л-Фатх ее и хозяина нашего проклинать, того, кто приготовил ее, ругать, и тех, кто ест ее, укорять. Мы подумали: это шутки его обычные, трюки привычные. Но Абу-л-Фатх не шутил: от стола отвернулся, вскочил, даже о дружеской беседе забыл.

Мы доели мадиру, но за ней потянулись наши сердца, и отправились вслед глаза, и рты наши были полны сладкой слюны, языки облизывали губы и зубы, желудки желанием горели, и души за нею летели. От мадиры уже отлученные, разлукой с ней удрученные, по окончании пира спросили мы Абу-л-Фатха: что ему сделала мадира? Он ответил:

— Без преувеличения, история такая же длинная, как мое огорчение. И если бы я стал ее пересказывать, вам было бы время терять обидно, а мне за то перед вами стыдно.

Но мы закричали:

— Рассказывай, нам любопытно!

И Абу-л-Фатх начал свой рассказ:

Когда я был в Багдаде, позвал меня один купец на мадиру, приставал он ко мне, как кредитор, суровый сверх меры, как собака к «людям пещеры»[72], — и я наконец согласился. И пока мы шли к его дому, он все время жену свою восхвалял и кровь свою отдать за нее обещал. Он описывал, как в домашней работе она искусна, как стряпает вкусно, и говорил:

— О господин мой, если б ты видел, как она в переднике по дому летает, везде поспевает — в печку горшки сажает, ртом огонь раздувает, рукою приправы размельчает! Если бы ты увидел ее прекрасное лицо, жаром разгоряченное, дымом слегка закопченное, — ты бы увидел зрелище ослепляющее. Я люблю ее, потому что она любит меня. Счастье для мужа помощница-жена, когда она ласкова и верна, весела и ровна, пригожа, нравом на мужа похожа — ведь она дочь моего дяди. Ее природа — моя природа, ее порода — моя порода, ее родня — моя родня, ее семья — семья для меня. Характером, правда, она терпеливей, да и лицом красивей.

Всю дорогу без умолку он о жене болтал, пока наконец не пришли мы в его квартал. Тогда он сказал:

— Господин мой, ты видишь этот квартал? Это самый почетный из кварталов Багдада, лучшие люди спорят, кому из них тут поселиться, и каждый великий сюда стремится. Живут здесь купцы, а так уж ведется, что человек по соседям своим познается. Мой дом — середина в ожерелье квартала, словно чья-то рука здесь круг описала. Как бы ты оценил, господин мой, стоимость каждого дома, расположенного здесь? Может быть, угадаешь, если точно не знаешь?

Я ответил:

— Много!

Он усмехнулся:

— Слава Богу, где тебе угадать! Сказать «Много!» — все равно что ничего не сказать. Хвала тому, кто обо всем знает и в тайные помыслы проникает!

Мы подошли к дверям его дома, и он сказал:

— Это мой дом. Сколько, ты думаешь, я за это окно заплатил? Я потратился на него сверх запасов своих и сил. Богом клянусь, скажи: ты когда-нибудь видел такое — красиво отделанное, резное? Посмотри на тонкость его отделки, полюбуйся на линии его закругленные, словно циркулем проведенные! Взгляни на искусство плотника, который изготовил эту дверь, сколько досок он для нее взял? Скажешь: «А откуда мне знать?» Смотри, она сделана из одного куска — это дерево садж[73], не тронутое червем и не испорченное влагой. Когда эту дверь открываешь, она скрипит, постучишь по ней — она звенит. А кто ее изготовил, господин мой? Изготовил ее Абу Исхак ибн Мухаммед ал-Басари, а это, господин мой, человек спокойный,

пристойный, мастер достойный, руки его ловки, в работе легки. Если двери захочешь заказать, искуснее никого не сыскать.

А видишь это дверное кольцо[74]? Я его на рынке старинных вещей у мастера Имрана купил, три динара муиззовских[75] заплатил. А сколько в нем, господин мой, меди — в нем, если хочешь знать, шесть ратлей[76], и оно поворачивается пружиной, с Богом ее вращение! Ты по нему постучи и на него посмотри! Клянусь жизнью, ты не будешь покупать колец ни у кого другого, ведь он продает только ценные вещи!

Затем он постучал в дверь, мы вошли в сени, и он воскликнул:

— О жилище мое! Пусть Бог твою жизнь продлит и стены твои укрепит! Как основа твоя прочна! Как опора твоя сильна! Посмотри, ради Бога, как покои в нем убраны и ухожены, где входы и выходы расположены. Спроси меня: как ты его заполучил, сколько хитростей ты употребил, чтобы закрепить его за собой?

Был у меня сосед в нашем квартале по имени Абу Сулейман. От денег ломились у него сундуки, от золота лопались мешки. Умер он, да помилует его Бог, и оставил наследника, который весь его капитал на пирушки веселые промотал, в карты и нарды проиграл. Я подумал, что скоро с ним случится беда — придавит его нужда, и дом он продаст кому ни попало, денег выручит мало или даст дому совсем пропасть. И если я сам купить его не успею, то очень об этом пожалею. Тогда я взял одежду, которая на рынке не шла, принес ему и сговорился, что он купит ее в рассрочку. А тому, у кого дела не вяжутся, любая рассрочка подарком кажется.

Я попросил у него бумагу на сумму, равную цене того, что я ему дал, он составил бумагу и подписался. Я не стал требовать от него уплаты долга до тех пор, пока подол его положения изрядно не пообтрепался. Вот тогда я пришел к нему за деньгами, а он уговорил меня подождать, и я снова дал ему отсрочку. Он еще для продажи кое-что у меня попросил, я согласился, но объяснил, что мне получить от него ручательство надо — дом его в качестве заклада. Потом я постепенно стал склонять его к продаже дома, и в конце концов достался мне этот дом во владение — помогло мне везение, купеческое умение — да, нередко бывает нам выгодно чужое стремление. Не стала преградой мне никакая помеха, и, действуя правильно, я, слава Богу, добился успеха. А чтобы ты понял, как я привык поступать,

достаточно рассказать, что несколько ночей назад, когда я и все, кто были в доме, уже легли спать, вдруг к нам постучали, и я спросил: «Что это за непрошеный ночной гость?» Вошла женщина, и в руках у нее — ожерелье из нежных, как облако, жемчужин, а подобный товар купцу хорошему нужен, и я по дешевке ожерелье купил, считай что даром его получил! Сделка вышла хорошая, ненакладная, и мне от нее прибыль была изрядная с помощью Божьей и по Его велению.

Я тебе рассказал эту историю только для того, чтобы ты знал, какой я купец задачливый, в торговле удачливый — а ведь удача может высечь воду из камня! Господь велик! Правдивей всех сам человек о себе расскажет, а дела его вчерашний день лучше всего покажет. Взгляни-ка: на распродаже я купил этот мат, а попал он туда из дома семьи ал-Фурат[77], унесен был во время набегов и нападений, волнений и потрясений. Я искал подобный уже давно, но не находил, а время — беременно, неизвестно ведь, что родит. Однажды случилось так, что был я у Баб ат-Так, а этот мат тогда же выставили для продажи. И я отвесил за него столько-то и столько-то динаров, ибо он очень ценный! Полюбуйся, ради Бога, на его тонкость, мягкость, отделку и цвет — такого нигде ты не встретишь, нет! Если ты слышал об Абу Имране, ковровщике, то это его работа. У него есть сын, который унаследовал дело отца и его лавку; самые лучшие ковры и маты — только у него. Клянусь своей жизнью, я покупаю все это только в его лавке. Послушай меня, мусульманин всегда добрый совет дает, особенно тем, с кем вместе он ест и пьет.

Однако настал для мадиры черед — ведь время уже к полудню идет! Эй, мальчик, подай таз и воду!

Я сказал про себя: «Великий Боже, кажется, радость приближается и выход из затруднения облегчается!»

Явился слуга, и хозяин сказал:

—Ты видишь этого слугу? Он румиец родом, а вырос в Ираке. Подойди, мальчик, голову обнажи, подол подыми, ноги свои покажи! Рукава засучи, руки свои покажи, улыбнись, зубы свои покажи! Повернись задом и передом!

И слуга все это проделал. А купец продолжал:

— Клянусь Богом, знаешь, кто его купил? Купил его Абу-л-Аббас, а продал ему Наххас. Мальчик, поставь таз и подай кувшин!

Слуга поставил таз, купец взял его, перевернул, обвел взглядом, потом постучал по нему и сказал:

— Посмотри на эту медь — как уголь она пылает, как червонное золото сияет. Это медь дамасская, а работа иракская, не на свалке я его подобрал — этот таз в царских дворцах побывал. Полюбуйся на его красоту и спроси, когда я его купил. Я в голодный год его купил и до этого времени хранил. Мальчик, подай кувшин!

Он подал кувшин, купец взял его, стал поворачивать, потом сказал:

— Он выточен из цельного куска! Ты посмотришь и скажешь сразу: этот кувшин подходит только к этому тазу, ну а таз сочетается ловко со всей обстановкой, обстановка подходит к этому дому и ни к какому другому, дом же хорош только с этим гостем!

Мальчик, воду подай скорей — на руки Абу-л-Фатху полей! Клянусь Богом, видишь ты эту воду? Она голубая, словно глаза котенка, чистая, словно слеза ребенка или как свечи язычок, прозрачная, как хрусталя кусок. Для питья из Евфрата она берется, и осадка в сосуде не остается, но дело не в водоеме тут — посмотри внимательно на сосуд: если в сосуде прозрачна вода, его чистота заметна тогда!

А это полотенце, спроси меня об его истории! Оно из ткани джурджанской, выделки арраджанской[78]. Попалась мне эта материя, и я купил отрез. Жена себе от него двадцать локтей на шаровары взяла, остальная часть на полотенце пошла, и этот остаток я вырвал у нее силой, сколько она ни просила, и вручил его вышивальщику, чтобы он вышил узор, ласкающий взор, и обшил его пышной бахромой. Потом я принес его домой и в сундуке до сих пор держал — гостя достойного поджидал, чтобы руки простонародья его своей грубостью не унижали и женщины, вытирая глаза, сурьмой его не марали. Для всякой утвари — свой народ, для всякой радости — свой черед.

Ну-ка, мальчик, тащи сюда стол, час для мадиры давно пришел! Надо ей оказать уважение, а то затянулось наше сражение. Надо все подать для обеда, а то слишком долгой была беседа!

Мальчик тут же стол притащил, купец его установил, постучал по нему тихонько, зубами попробовал легонько и сказал:

— Да сохранит Бог город Багдад, какие здесь вещи отменные и мастера несравненные! Полюбуйся, ради Бога, на этот стол, какая на

нем доска, насколько она прочна и легка и какой красивой формы!

Я ответил:

— Красивая форма, согласен, да, но когда же еда?!

Он отозвался:

— Сейчас! Поторопись, мальчик, принеси кушанье! Но обрати внимание: стол и его ножки — все сделано из одного куска!

*А*бу-л-Фатх продолжал:

Тут вскипела моя душа, и я сказал:

— Еще осталось поведать, как и где этот хлеб выпекали, какую посуду брали, где пшеницу для него покупали, где носильщика для нее нанимали и молоть возили в какое место, в какой квашне заквасили тесто, какую печь для него разжигали, какого пекаря взяли. Ты еще не сказал о дровах и откуда их доставляли, как привозили, рядами клали, как сушили и как убирали. Остался пекарь и его восхваление, ученик и его изображение, мука и ее описание, тесто и его закисание, соль и тонкость ее помола. Еще не сказано про эти блюда и как они попали сюда, кто их изготовлял и кто их употреблял, и про уксус, как для него виноград отбирали и финики покупали, как из них косточки вынимали, как раствором извести пресс покрывали, как чан для него смолили и сколько уксуса в бочку влили. Еще мы про овощи не сказали, как при покупке их выбирали, в каком огороде собирали, как от грязи их очищали. Остается еще мадира — как для нее покупали мясо и сколько на нем было жира. Мы еще не сказали, как воду в котел наливали, как огонь разжигали, как приправы для нее размельчали и какой наварился крепкий бульон. Поистине, горе это будет нагромождаться и дело до бесконечности продолжаться!

Тут я встал, а он спросил:

— Куда ты?

Я ответил:

— По нужде!

Он воскликнул:

— Господин мой! Хочешь ли ты зайти в отхожее место, которое своим убранством посрамит весенний дворец эмира и осенний дворец вазира? В нем гипсом покрыта верхняя часть, известкой — нижняя часть, крыша плоская, а пол одет мрамором, так что муха на нем поскользнется, а муравей со стены там сорвется. Дверь туда — из дерева садж, драгоценная, слоновой костью отделанная. Они так

красиво сочетаются друг с другом, что если гости туда завернут, обратно они уже нейдут и ждут, когда им туда обед подадут.

Я сказал:

— Вот сам и обедай там, коли охота, а мне не хочется что-то!

Тут же к двери я устремился и дом купца покинуть поторопился, бежать пустился, а он бросился за мной, крича:

— О Абу-л-Фатх! А мадира?!

А уличные мальчишки подумали, что «Мадира» — мое прозвище, и стали громко кричать: «Мадира! Мадира!»

Разозленный до крайности, изо всех своих сил я камнем в мальчишек запустил, а камень в прохожего угодил — неповинному голову разбил. Тут полетели в меня сандалии, старые и новые, и посыпались пощечины, легкие и тяжелые. Но этим не кончились мои невзгоды: отсидел я в тюрьме целых два года — и дал обет больше никогда в жизни не есть мадиры. Скажите, соплеменники, разве я не прав?

Говорит Иса ибн Хишам:

Приняли мы его оправдание, дали такое же обещание и сказали:

— Издавна мадира благородным вредила, к подлым она благоволила, добродетельных — не любила.

АМУЛЕТНАЯ МАКАМА (двадцать третья)

Рассказывал нам Иса ибн Хишам. Он сказал:

Заехал я в Дербент, на чужбину, и не чаял, когда же его покину. Переплыть я решился бурное море на утлом суденышке, сулящем горе, чтобы с благословения Бога добраться до родного порога. Вместе с попутчиками я на корабль спустился и в опасное плаванье пустился.

Когда кораблем овладело море могучее и опустилась ночь, накрыли нас черные тучи, веревки дождя протянулись к нам, а волны вставали подобно горам. Ветер их до самого неба вздымал и толпы туч по небу гонял. Снизу гибель несли нам потоки морские, а сверху — потоки дождевые. Только в молитве мы искали спасения, в слезах — от печали облегчения, в надежде — от гибели избавления.

Провели мы, как Набига, бессонную ночь[79], причитали и плакали, не в силах горю помочь. А наутро видим: один из нас словно себя уже от гибели спас — глаза у него сухие и ясные, веки от слез не красные, ходит он беззаботный и радостный, спокойный и благостный. Богом клянусь, мы удивились очень и спросили:

— Неужели ты гибелью не озабочен?

Он ответил:

— От потопления и прочих бед меня охраняет амулет. Стоит мне только пожелать, такой амулет я каждому мог бы дать.

Тут все его обступили сразу, надеясь, что им не будет отказу. Он сказал нам:

— За мой товар пусть каждый выложит мне динар, а если судьба нас от смерти избавит, потом еще по динару добавит.

Говорит Иса ибн Хишам:

Сколько просил он — столько мы ему дали и столько же обещали. Тогда он вынул резную шкатулку кости слоновой, обернутую парчою лиловой, кусочки пергамента оттуда достал и всем по листочку раздал. А когда, минуя глуби и мели, добрался корабль до цели, наш спутник напомнил нам обещание и от каждого получил воздаяние. Когда ж до меня дошел черед, я сказал:

— Дело так не пойдет! Ты не получишь от меня золотой, пока не откроешь мне, кто ты такой.

Он ответил:

— Я из Александрии.

Я спросил:

— Скажи, почему терпенье в опасности нас покинуло, а тебя не отринуло?

Тут он продекламировал:

Кабы не мое терпенье,
Не добиться мне везенья!

Малодушие — причина
Нищеты и униженья.

Мне совсем не помешало
Щедрое вознагражденье

За листочки с письменами,
Не внушавшими сомненья.

Я дела свои поправил
И упрочил положенье.

А когда б мы все погибли —
Кто спросил бы возмещенья?

МАРИСТАНСКАЯ МАКАМА (двадцать четвертая)

Рассказывал нам Иса ибн Хишам. Он сказал:

Зашел я в Басре в маристан[80], а со мной был Абу Дауд, мутакаллим[81]. Я увидел одного сумасшедшего, который мельком взглянул на меня и сказал:

— Птицы говорят правду — вы чужие.

Мы сказали:

— Да, так оно и есть.

Он спросил:

— А кто вы, Богу принадлежит ваш отец?

Я ответил:

— Я Иса ибн Хишам, а это Абу Дауд, мутакаллим.

— Ал-Аскари?

— Да.

— Да будут обезображены лица и их владельцы! Поистине, Бог всеми делами распоряжается, раб не имеет выбора, он подчиняется. И вы, маги[82] этой общины, живете по предопределению и умираете по принуждению и насильно гонимы к тому, что совершается по Божьему повелению. Если бы вы были в своих домах, то те, кому предписано убиение, вышли бы к местам своего падения[83]. Что же вы неправду творите, если все обстоит так, как вы говорите?

Вы говорите: творец притеснения — притесняющий, почему же вы не говорите: творец гибели — гибнущий? Понятно ль вам в полной мере, что вы хуже дьявола в вашей вере? Он сказал: «Господи мой! За то, что Ты сбил меня...»[84] Он признал, а вы отрицаете, он уверовал, а вы отвергаете! Вы говорите: рабу дано выбирать, и он выбирает. Но нет! Поистине, тот, кому дано выбирать, живот себе не вскрывает, глаз свой не вырывает и сына своего с высоты не свергает. Пусть подскажет тебе твое зрение: в жизни все — принуждение: порой тебя разум понуждает, а порою — кнут погоняет. И пусть вам будет стыдно, что Коран у вас ненависть пробуждает, а хадис у вас ярость вызывает. Когда вы слышите: «Кого сбивает с пути Аллах, тому нет

водителя»[85], вы это извращаете; а когда слышите: «Земля расстелена передо мной, и мне показаны ее восходы и заходы»[86], это вы отрицаете. И если вы услышите: «Открыт передо мной рай, так что я хочу сорвать его плоды, и открыт передо мной огонь, так что я рукой защищаюсь от его жара»[87], вы вертите головами и отмахиваетесь руками. Если скажут при вас «наказанье могилы», вы дурным предзнаменованием это считаете, а если произнесут слово «сират»[88], вы друг другу мигаете. Если при вас упомянут весы[89], вы скажете: «Их чаши — воображение», а если при вас упомянут Книгу, вы скажете: «Из кожи ее снаряжение»[90].

О враги Книги и хадисов[91], в чем вы сомневаетесь? Неужели вы над Аллахом, его чудесами и Посланником его насмехаетесь? Отступили от веры отступники, это ржавчина отвратительная, но ваше отступничество — более грязное и омерзительное. О вы, мужеложники из хариджитов[92]! Вы отстаиваете свое мнение и готовы сражаться за него!

А ты, Ибн Хишам, одну часть Писания ты принимаешь, другую же — отвергаешь! Я слышал, что ты приглядел из них дьяволицу и женился на ней. Разве не запретил вам Бог великий и славный брать из них себе близких друзей? Горе тебе! Неужели не мог ты сделать хороший выбор для своего семени и позаботиться о своем племени?

Потом он сказал:

— О Боже! Замени мне этих лучшими, чем они, и помести меня среди твоих ангелов!

Говорит Иса ибн Хишам:

Ни я, ни Абу Дауд не могли ничего ответить, мы ушли от него расстроенные, и мне казалось, что Абу Дауд огорчен своим поражением. Когда мы собирались расставаться, он сказал:

— О Иса! Клянусь твоим отцом, ну и разговор! А кого он имел в виду, упоминая о дьяволице?

Я сказал:

— Нет, клянусь Богом, я действительно думал посвататься к одной из них, но уверен, что никому не говорил об этом. Клянусь Богом, я этого не сделаю никогда!

Абу Дауд сказал:

— Богом клянусь, это не кто иной, как шайтан, упрятанный в маристан!

Мы воротились, нашли его и к нему обратились, желая все о нем разузнать, и стали вопросы ему задавать.

Он сказал:

— Может быть, вы предпочитаете выяснить мои взгляды на то, что вы отвергаете?

Мы ответили:

— Раньше ты был хорошо осведомлен о наших делах, а теперь не знаешь, что у нас на сердце. Объясни нам, кто ты, и открой нам свою тайну.

Он сказал:

Чудеса творить я мастер
И хитрец я беспримерный,

Я для правды — гроб надежный,
Я для лжи — загривок верный.

Ал-Искандари я родом,
Путешественник усердный.

ГОЛОДНАЯ МАКАМА (двадцать пятая)

Рассказывал нам Иса ибн Хишам. Он сказал:

Как-то в Багдаде в голодный год я увидел компанию — точно звезды, озаряющие небосвод, и решился к ним завернуть — попросить поесть что-нибудь. Среди них был юноша шепелявый, щербатый, вертлявый. Он спросил:

— Что с тобой случилось?

Я ответил:

— Два обстоятельства сильно мешают мне жить: я бедняк, которого голод гложет, и чужеземец, который вернуться домой не может.

Юноша спросил:

— Какую из этих двух брешей ты предпочитаешь заткнуть сначала?

Я сказал:

— Голод, ибо он замучил меня изрядно.

Он спросил:

— Что ты скажешь, если на стол мы поставим всего понемножку: хлеба лепешку, крепкий уксус, который щиплет язык, свежие овощи, сочный шашлык с острой горчицей и вареную чечевицу, а к этому будет тебе дано финиковое вино. Подаст тебе все это тот, кто не будет затягивать обещание и испытывать твое терпение. Потом напоит он тебя вторично — виноградным вином отличным.

Или ты предпочитаешь компанию, где все приятны друг другу и кубки ходят по кругу, сласти и фрукты к себе манят, подушки покой сулят, повсюду светильники точеные, золоченые, музыкант по струнам ударяет искусно, глаза у него газельи, грустные.

Если же не захочешь ни того ни другого, что скажешь о мясе дичи степной, о рыбе речной, жареных баклажанах, приправах пряных, о нектаре кутруббульского винограда[93], о свежих яблоках прямо из сада, о мягком ложе у самой реки бурливой, шумливой и говорливой.

Я ответил:

— Я — раб всех троих!

— Я тоже стал бы им слугой, если б они существовали.

Я воскликнул:

— Да накажет тебя Бог! Страсти, отчаянием умерщвленные, ты оживил и снова их придушил. Из каких же скверных трущоб ты появился?

Он ответил:

Александрия — мой дом родной,
Чистотою род наш всегда блистал,

Но нынче глупость везде царит —
Вот и я коня ее оседлал!

ПРОПОВЕДНИЧЕСКАЯ МАКАМА. (двадцать шестая)

Рассказывал нам Иса ибн Хишам. Он сказал:

Однажды, когда я разгуливал по Басре, гордый и довольный собой, дорога привела меня на площадь, где было полно народу. Все столпились вокруг проповедника, который говорил так:

— Вы не брошены, люди, без наблюдения, день последний грядет без промедления! Все вы войдете в могилу, так что готовьтесь, сколько позволят силы. Поистине, после жизни наступит возвращения час, вы собирайте к нему запас. Извинения нет, широкая вам открыта дорога, и против вас есть свидетельство строгое. С неба послано вам откровение, а в земных делах дано вам предупреждение. Ведь тот, кто по воле своей создал людей, — по своему повелению он истлевшие кости поднимет в День Воскресения. Жизнь земная — только стоянка на вашем пути и мост, который следует перейти. Кто разумеет, пройдет по нему и уцелеет, а кто на этом мосту медлит и прохлаждается, тот раскается. Вам ловушки расставлены и зерна рассыпаны — с обольщением надо бороться: кто соблазнится, тот попадется; тот, кто приманку подберет, — пропадет!

О, поистине, бедность — одежда Пророка вашего, вы ее надевайте, а богатство — наряд тиранов, его поскорее снимайте! Отступники высказывают сомнения ложные, мысли безбожные и обратили Коран в части[94]. После жизни — могила, поразмыслите здраво, ведь созданы вы не ради забавы. Остерегайтесь жара геенны, спешите к райской награде — она неизменна. Знание выше любых наслаждений, невежество — сквернейшее из всех положений. Поистине, хуже всех вы живете, если ученые у вас не в почете. Подчиненье имаму вас защитит — вы спасетесь, это надежный щит.

Есть два вида людей: учитель, который, как пастух, надзирает, и ученик, который трудности знания постигает. Остальные, как страусы, прячут голову под крыло, как животные, радуются, что с добычей им повезло. Горе высокому, которого низший одолевает, горе ученому, которым невежда повелевает.

Я слышал, что Али ибн Хусейн[95] стоял, проповедуя людям, и говорил: «О душа, доколе ты будешь земным наслаждениям предаваться, благами и радостями ее насыщаться? Неужели, эти блага любя, не думаешь ты о тех, кто ушел до тебя, о тех друзьях, которые скрыты землей, о тех родных, кто был оплакан тобой?»

В могилу сошли они, земля поглотила их,
И тлеют тела их в этом чреве безжалостном.

Дворы опустели, и дома их заброшены,
Гнала их судьба на смерть гонением яростным.

Покинули мир и все, что было накоплено,
Могила связала их союзом безрадостным.

Людей похищает судьбы рука, так бывало во все века. Сколько славных мужей сошло в могилу — как их тление изменило!

Усердно печешься ты о жизни сегодняшней.
Богатства побольше захватить ты стараешься.

Когда бы ты мог понять в своем неразумии,
Какой ты опасности при том подвергаешься!

И если в погоне за благами не думаешь
О будущей жизни — непременно раскаешься!

Поразмысли ты о народах сгинувших, о царях, эту землю покинувших, как времена их искоренили и превратности жизни погубили. Ты следов от них уже не увидишь, только рассказы о них услышишь.

Их кости истлевшие в земле обретаются,
Дворцы опустели их, жилища заброшены.

Покинули мир они и все, что накоплено,
И лишь терпеливому дано, что положено.

В подземном жилище нет меж ними общения:
От близких могилами они отгорожены.

А ветер безжалостный стирает следы могил:
Стоят, сиротливые, песком запорошены.

Был у этих людей почет и власть была, и друзей и помощников — несть числа. Было у них в жизни земной могущество, в решениях — преимущество. Дома они строили и крепости, собирали деньги и драгоценности —

Но разве спасут от смерти эти сокровища —
Ведь руку судьбы не отведешь ты подарками!

Не спрячут от гибели надежные крепости
С глубокими рвами и высокими арками.

Судьбу не отгонят ни уловки, ни хитрости,
Ни войско могучее атаками жаркими.

Бегите от жизни земной, от ее оков, от расставленных ею силков! Красотой она соблазняет вас, свои прелести выставив напоказ.

Ты видишь коварство этой хитрой красавицы,
И слышишь ты праведный призыв к отречению.

Трудись добродетельно, беги от беспечности,
Ведь к смерти ты движешься, плывешь по течению.

К земным не стремись благам, презренным и суетным, —
Лишь вред принесет тебе такое стремление!

Как может стремиться к земным благам человек разумный, как он может им радоваться бездумно, когда он уверен в их бренности?! Как удивителен тот, кто знает, что смерть неизбежно грядет, но, о ней не думая, набивает себе живот?!

Забыв про опасность, мы пустым отвлекаемся
И душу нестойкую ведем к заблуждениям.

Мы знаем: расплата ожидает небрежного,
Но жаждем, как дети, получить наслаждение.

Как будто в могиле мы навек упокоимся,
Как будто в конце пути не ждем воскресения!

Сколько обманывал мир земной ищущих наслаждения! Скольких убил без отмщения! Упавшего — на ноги не поставил, никого от гибели не избавил, от болезни не излечил, мучений не облегчил.

Судьба увела его от славы и почестей
На злой водопой, откуда нет возвращения.

Когда он увидел, что бессильны заступники
И нет никому от лютой смерти спасения, —

Раскаялся горько и заплакал в унынии,

Но разве раскаянье дает избавление?

Заплакал он о ранее совершенных грехах и сожалел об оставляемых в мире благах, когда уже не было пользы от слез и молений, а извинения не принесли облегчения.

Сдавили кольцом его печали несметные,
И он горевал — не мог найти утешения.

И нету помощника в час жуткий и тягостный,
И нету защитника, и нет избавления.

Как сор на воде, душа всплывает в последний час
И вновь опускается в предсмертном мучении.

До каких же пор ты будешь земные нужды заплатами будущей жизни латать и собственные желания как верблюда седлать? Я вижу, ты в своих убеждениях слаб, жизни земной покорный раб! Неужели такой приказ был тебе Богом дан? Неужели это заповедал святой Коран?

Ты вечное рушишь и возводишь непрочное —
Дохода от этого не жди, не получится.

Коль ты не творил добра, найдешь ли в предсмертный час
Того, кто за грешника пред Богом поручится?

Согласен ты жизнь прожить в богатстве и почестях,
Оставивши душу от безверия мучиться?

Говорит Иса ибн Хишам:

Я спросил у одного из присутствовавших:

— Кто это?

Он ответил:

— Чужеземец, который явился неизвестно откуда, и я его не знаю. Впрочем, не следует торопиться: к концу его речи, может быть, все прояснится.

Я стал ждать, а проповедник тем временем подошел к концу речи и завершил ее так:

— Украшайте знание делом, благодарите Божье могущество за прощение и придерживайтесь чистоты ради спасения. Оставьте тревоги, Бог простит мне и вам.

Затем он хотел уйти, а я пошел за ним и спросил:

— Кто ты, о шейх?

Он ответил:

— Хвала Богу, мало того, что ты считаешь, будто внешность моя переменилась, так ты еще делаешь вид, что мы незнакомы! Я — Абу-л-Фатх Александриец.

Я сказал:

— Храни тебя Бог, откуда эти седины?

Он ответил:

Зловредные, но молчаливые гости,
Они нас о будущем предупреждают,

Предвестники старости, тлена и смерти,
Не могут уйти они — нас поджидают!

АСВАДСКАЯ МАКАМА (двадцать седьмая)

Рассказывал нам Иса ибн Хишам. Он сказал:

На меня пало подозрение в краже денег, и бежал я — изгой отныне, — долго скитался по пустыне и вдруг на месте ровном и гладком увидел палатку. Мальчишки у самой палатки играли — кучки песка разгребали. Один из них то и дело произносил стихи, подходящие к случаю, но так хорошо отделанные, что не верилось, будто мальчик их тут же придумывает сам. Мне показалось, он не таков, чтобы сразу столько соткать стихов, и я спросил его:

— Эй, мальчик, ты сам стихи сочиняешь или чужие на память читаешь?

В ответ он продекламировал:

Считаешь, для таких стихов я молод,
И на меня глядишь ты удивленно,

Но мой шайтан — эмир всех прочих джиннов[96],
В поэзии изрядно искушенных,

Все тонкости ее он преподал мне.
Иди себе, ответом умудренный.

Я сказал:

— О сын арабов! Меня привел сюда страх. Можно ли найти здесь убежище или угощение?

Он ответил:

— Ты пришел в дом, где путника защищают и хорошо угощают.

Тут он встал, потянул меня за рукав, повел к палатке, завеса которой была спущена, и позвал:

— Эй, сестрица, выйди сюда! Вот сосед наш, который родными отринут, близкими кинут, властями обижен и унижен. Весть о нас до него дошла, наша добрая слава сюда привела. Окажи ему покровительство!

Девушка откликнулась без промедления:

О ты, горожанин, успокойся и радуйся:
Ты в доме ал-Асвада[97] — конец всем скитаниям!

У самого славного в маадде и в ярубе[98]
И самого верного своим обещаниям.

Соседу поможет он копьем и мечом своим,
Соседа поддержит он и щедрым даянием.

И смерть, и дары в его руках — как два облака,
Смиренно послушные его приказаниям.

Он йеменец племени старинного, знатного,
И лоб его светится чистейшим сиянием.

Войди же в палатку для гостей: там их семеро —
Дополнит до четного твое пребывание.

И мальчик ввел меня в палатку, на которую она указала. Я увидел там семь человек, и среди них тут же узнал Абу-л-Фатха Александрийца.

Я воскликнул:

— Горе тебе! Как это ты здесь оказался?

И он ответил стихами:

Ал-Асвад, сын Кинана, дал мне приют,
Все, что давно искал везде, — взял я тут.

Я им сказал, что я боюсь недругов,
Пообещавших, что мою кровь прольют.

Простится хитрость бедняку слабому,
Коль руку помощи за то подадут,

Коли оденут и накормят его
И отпечаток нищеты изведут.

Ты у судьбы бери дары чистые,
Пока ты жив, пока тебе их дают.

Пока хоть капля молока в вымени —
Дои верблюдицу, не трать зря минут!

Говорит Иса ибн Хишам:

Я сказал:

— Хвала Богу! Какими только греховными дорогами ты не ходил!

Потом мы прожили некоторое время в этом доме под покровительством хозяев, а когда почувствовали себя в безопасности, разошлись: он отправился на восток, я — на запад.

ИРАКСКАЯ МАКАМА (двадцать восьмая)

Рассказывал нам Иса ибн Хишам. Он сказал:

В погоне за адабом[99] по многим странам я скитался, пока в Ираке не оказался. Я изучил диваны всех поэтов и был уверен, что любая стрела из моего лука попадет в цель. Я осел в Багдаде и однажды, когда я проходил по берегу Тигра, мне попался на глаза какой-то юноша в лохмотьях. Он просил милостыню, но люди ему не подавали; меня же восхитило его красноречие. Я подошел к нему и спросил, откуда он родом и где его дом. Он ответил:

— Я из племени Абс, а родом из Александрии.

Я сказал:

— Какие прекрасные слышу речи я! Откуда такое красноречие?

Он ответил:

— От науки, верблюдиц которой я укрощал и моря которой переплывал.

— Какой же из наук ты украшен?

— У меня в каждом колчане есть стрела. Какую ты предпочитаешь?

— Поэзию.

Тогда он заговорил так:

— Скажи, есть ли у арабов какой-нибудь стих, который в прозу не превращается? И есть ли хвала, предмет которой скрывается? И есть ли у них такой стих, содержание которого неприлично, зато он скроен отлично? У какого стиха слезы не иссякают? Какой стих тяжело ступает? В каком стихе первое полустишие ранит, второе же — исцеляет? Какой стих не так опасен, как угрожает? В каком стихе песка больше, чем в пустыне?

Скажи, какой стих рот щербатый напоминает или зазубренную пилу заменяет? А в каком тебя обрадует начало и огорчит конец? В каком стихе то, что скрыто внутри, пощечиной тебя наградит, а то, что снаружи, обманет и удивит? А в каком стихе ты сомневаешься, пока до конца его не добираешься? Какого стиха нельзя касаться, а в каком полустишия могут местами меняться? Какой стих длиннее ему

подобных, словно они по размеру не сходны? Какой стих одною лишь буквой унижается, а заменишь ее — смысл его полностью преображается?

Говорит Иса ибн Хишам:

Клянусь Богом, я даже и не пытался выигрышную стрелу угадать и не надеялся ответами в цель попадать. Я твердил одну только фразу:

— Я не знаю.

Он усмехнулся:

— Вещей, которых ты не знаешь, на самом деле еще больше.

Я сказал:

— Твои достоинства заслуживают внимания — откуда столь жалкое существование?

Он ответил стихами:

Такое время настало — ты посмотри:
Его превратности давят со всех сторон.

Оно враждебно для каждого мудреца,
Как будто мудрость — погибель для всех времен!

Стал разглядывать я его старательно, присмотрелся внимательно, и оказалось — это Абу-л-Фатх Александриец! Я воскликнул:

— Да хранит тебя Бог и да подымет он твое положение после такого унижения! Объяснил бы ты мне свои загадки, изложил бы подробно все, что высказал кратко.

Он откликнулся:

— Вот тебе объяснение: что касается стиха, который в прозу не превращается, то таких много, а пример — стих ал-Аши[100]:

Все дирхемы наши вполне хороши,
Их вес проверять — только время терять!

Что касается хвалы, предмет которой скрывается, то таких строк тоже много, как, например, стихи одного хузейлита:

Не знаю я, кто своим плащом одарил его,
Но снят с человека он поистине славного!

Что касается стиха, содержанье которого неприлично, зато он скроен отлично, то это стих Абу Нуваса[101]:

Всю ночь пировали мы беспутной компанией,
Бесстыдно влачили мы подолы неверия!

Что касается стиха, у которого слезы не иссякают, то это слова Зу-р-Руммы[102]:

Зачем струится из глаз поток безудержных слез,
Как будто почки бойцу пронзили острым копьем?

Что касается стиха, который тяжело ступает, то пример этого — слова Ибн ар-Руми[103]:

Когда начинает он дарить — то без удержу
И просит меня сказать «Помедли!» его руке.

Что касается стиха, в котором первое полустишие ранит, второе же исцеляет, то пример этого — слова поэта:

К нему я бросился с машрафийским своим мечом[104],
Как тот, кто хочет руку мира ему подать.

А что касается стиха, который не так опасен, как угрожает, то пример его — слова Амра ибн Кулсума[105]:

С мечами мы накинулись друг на друга,
Как будто мечи — игрушки в руках мальчишек.

Что касается стиха, в котором песка больше, чем в пустыне, то пример этого — слова Зу-р-Руммы:

Бежал мой конь по песку, по раскаленным камням,
В смущенье солнце над ним и недвижим небосвод.

А что касается стиха, который рот щербатый напоминает или зазубренную пилу заменяет, то это слова ал-Аша:

Я в винной лавке засел с соседом славным с утра,
Сосед сосуды с вином опустошает до дна.

Что же касается стиха, начало которого радует, а конец огорчает, это — как слова Имруулкайса[106]:

Послушлив конь, и силен, и роста огромного,
Как будто потоком сверху сброшенная скала.

Что же касается стиха, в котором скрытое пощечиной награждает, а то, что снаружи, — удивляет, то это подобно словам сказавшего:

Я ее корил, она заплакала, говоря:
«Да спасет тебя Бог от моих упреков навсегда!»

Что касается стиха, в котором ты сомневаешься, пока до конца его не добираешься, то это как стих Тарафы[107]:

Увидев печаль мою, друзья остановятся
И скажут: «Будь стоек! Брось заботы тяжелые!» —

потому что слушатель может подумать, что ты декламируешь слова Имруулкайса.

А что касается стиха, до которого нельзя дотронуться, то он подобен словам ал-Хубзурузи[108]:

Рассеялись тучи ссоры, вышла любви луна,
Свет мира затеплился во мраке разладицы, —

или словам Абу Нуваса:

Насим[109] ароматный в водяном одеянии —
Как памятник свету на подставке из воздуха.

Что касается стиха, в котором полустишия могут местами меняться, это слова Хассана[110]:

Белолицые, благородные, родовитые,
Горделивые, достославные, именитые.

Что касается стиха, который длиннее ему подобных, то такова шутка ал-Мутанабби[111]:

Живи, веди, правь, знай, смотри, люби, казни, вещай, вели!
Стреляй, рази, руби, коли, страши, держи, бери, владей!

А что касается стиха, который одною буквой унижается, а заменишь ее — смысл его полностью преображается, то он подобен словам Абу Нуваса:

Померкнул мой стих на халифских дверях,
Как бусы померкли на шее Халисы.

Если в обоих полустишиях заменить глагол «померкнуть» на «сиять», то получится:

Сияет мой стих на халифских дверях,
Как бусы сияют на шее Халисы, —

и сатира превращается в восхваление[112].

Говорит Иса ибн Хишам:

Клянусь Богом, я подивился его словам и дал ему денег, надеясь, что мое подаяние поможет улучшить его положение и состояние. И на этом мы расстались.

ХАМДАНИДСКАЯ МАКАМА (двадцать девятая)

Рассказывал нам Иса ибн Хишам. Он сказал:

Однажды мы присутствовали на маджлисе у Сейфа ад-Даула ибн Хамдана[113]. Ему привели отличного скакуна, прекрасного с головы до ног; все присутствовавшие долго рассматривали его и не могли налюбоваться всеми его статями. Сейф ад-Даула предложил:

— Кто из вас лучше всех опишет коня, в подарок получит его от меня.

И каждый много усилий прикладывал, все, что есть у него, выкладывал. Потом один из придворных сказал:

— Да поддержит Бог эмира. Я видел вчера человека, который красноречие сандалиями попирал и слух людей привлекал, прося у них помощи, жалуясь на унижение, отчаянное положение. Если эмир прикажет его привести, он сможет своим ответом любого здесь превзойти.

Сейф ад-Даула приказал:

— Сразу ведите его ко мне, как он есть.

Слуги на поиски полетели и тотчас достигли цели, за собой его потащили, но зачем он понадобился — не сообщили. Вот его подвели к собравшимся: жалкое рубище едва его прикрывало — время одежду его сжевало. Увидев, что здесь собрался весь двор, поцеловал он ковер — и остановился.

Сейф ад-Даула сказал:

— Дошел до меня слух о твоем красноречии. Мастерство свое покажи — этого коня опиши.

Нищий ответил:

— Да поддержит Бог эмира! Как же я расскажу о нем своим языком, пока не проедусь верхом и не открою недостатки его потаенные и достоинства неосвещенные?

Сейф ад-Даула сказал:

— Садись на него.

Тот вскочил на коня, погнал его, а затем сказал:

— Да поддержит Бог эмира! Большие уши несет его голова, а МАЛЫХ у него два. Зад широкий у него, посмотри, а МЯГКИХ у него три. Таких твердых голеней больше не встретишь в мире, а СКРЫТЫХ он имеет четыре. Такого дыхания сильного у других не сыскать, а НЕЖНЫХ у него пять. На ляжках узкие впадины есть, а ТОНКИХ у него шесть. Острый слух у него на зависть всем, а ГРУБЫХ у него семь. Тонкий язык его мы превозносим, а ШИРОКИХ у него восемь. С длинной шеей он словно лебедь, а КОРОТКИХ у него девять. Рот широкий — не занавесить, а ПРОТЯЖЕННЫХ у него десять. Ногами передними лихо он землю толкает, задние ноги вперед бросает, бег его не удержит узда, на лбу его белая звезда, передние зубы вперед выдвигаются, как будто конь улыбается. Лицо земли он железным копытом бьет; вздымается, словно море, когда буря его взорвет, или словно поток бурлящий, когда ветер его несет.

Сейф ад-Даула сказал:

— Этот конь — твой, да благословит его Бог!

Нищий ответил:

— Пусть ты всегда будешь брать слова и дыхания в обмен на даяния!

Затем он ушел, а я последовал за ним, догнал его и сказал:

— Подарю я коню твоему богатую сбрую, но ответь мне, когда спрошу я, что твое описание означало?

Он ответил:

— Спрашивай хоть с конца, хоть с начала.

Я спросил:

— Что значат твои слова «десять ПРОТЯЖЕННЫХ»?

Он ответил:

— Зрение, шаг, четыре бедра, расстояние между глазами, промежуток между ноздрями, пространство между ногами, дальность пути на скачках.

Я сказал:

— Да не будет опозорен твой рот! А какой смысл твоих слов «девять КОРОТКИХ»?

— Шерсть, четыре голени и четыре лодыжки.

— Удивительно! А что такое «восемь ШИРОКИХ»?

— Лоб, спина, плечи, бока, грудь и загривок.

— Прекрасно! А «семь ГРУБЫХ»?

— Четыре копыта, корень хвоста, кожа на голове и спина.
— От Бога твое молоко! А что такое «шесть ТОНКИХ»?
— Веки, шея, губа, верхушки ушей.
— Хорошо сказано! А «пять НЕЖНЫХ»?
— Верхняя часть груди и четыре колена.
— Да продлит Бог твою жизнь! А «четыре СКРЫТЫХ»?
— Верхушки плеч и концы мускулов у предплечья.
— А что означает «три МЯГКИХ»?
— Место между плечом и ключицей, грива и рот.
— А «два МАЛЫХ»?
— Мало мяса на морде и мало мяса на хребте.
— А где выросло это непревзойденное красноречие?
— Внимательно посмотри — я из Омейядского пограничья, мой город — Александрия.
— Как же ты допускаешь подобное небрежение и столь жалкое положение?
А он ответил стихами:

Дурачь хорошенько время —
Допустит оно оплошку.

Скажи ему по-хозяйски:
«Добудь-ка ты мне лепешку!»

О гордости же не думай:
Добыче подставь ладошку.

РУСАФСКАЯ МАКАМА (тридцатая)

Рассказывал нам Иса ибн Хишам. Он сказал:

Я с Русафою распрощался и в столицу халифов[114] собрался, когда зноя палящего пыл, как гневное сердце, бурлил. Когда я к половине пути приблизился, зной усилился, терпенье мое иссякло, и я повернул к мечети, которая оказалась самой прекрасной на свете. Люди, кто был там, убранство ее созерцали и вакфы[115] ее обсуждали.

В конце концов речь зашла о ворах и их плутовстве, о жуликах и их мастерстве. Говорили о тех, кто умеет подделать печать, кто — руку в чужой карман запускать, кто меру не доверху наполняет, кто меж молящимися шныряет, кто с шумом и криком нападает, кто прячется в доме и удобного случая поджидает, о тех, кто монеты рассыпает, кто, словно в шутку, крадет и обратно не отдает, кто разговорами отвлекает, кто спорщиков обирает, кто деньги в меняльной лавке сметает, кто богатого усыпляет, кто с игрою в нарды надует, кто с обезьяной плутует, кто с помощью накидки, иглы и нитки добывает чужой кошелек, кто предлагает купить замок, кто подземный ход прорывает, кто людей гашишем отравляет, кто фокусами завлекает, кто в бане туфли свои на дорогие меняет, кто на веревке с крыши пожитки спускает, кто с мечом нападает, кто, как джинн, из колодца вылезает, кто караван сопровождает, кто носит суфийское одеяние[116], кто входит в любое собрание, кто от ночного караула скрывается, кто делает вид, что от опасности спасается, кто птиц в чужие дворы засылает[117], кто с ремнем поиграть зазывает[118] и уверяет, что никто от этого не пострадает, кто, стыдливость людей используя, их обирает[119], кто нарочно панику поднимает, кто от бессилия вылечить обещает, кто приходит с кувшином и наполнить его умоляет, кто в окна проникает, кто в дома высокие залезает, кто садовником нанимается, кто на крышу взбирается, кто украдкой с ножом на стену гладкую поднимается, кто к вам неожиданно с душистым букетом является, кто носит топор и охранником представляется, кто, вопя, сумасшедшим притворяется, кто делает вид, что ключами звенит, кто по ветру вату

пускает и за нею во двор забегает, кто в обличье гостя в дом проникает, кто случайным посетителем попадает, кто как нищий униженно придет, кто одежду купальщика крадет, кто палкой сверху вьюки подцепляет, кто придуманный долг вымогает, кто, оставляя залог, надувает, кто расписку поддельную предлагает, кто кошельки подменяет, кто фальшивые деньги сбывает, кто банкротом себя объявляет, кто свой рукав отрезает, прохожего обвиняет, а собравшимся говорит: «Смотрите и нас рассудите», кто встречному вырез на груди зашивает[120], кто истории со слов: «Разве ты не знаешь?» начинает, кто противника в драке за одежду хватает, кто деньги при счете подменяет, кто, оказавшись рядом со спящим, делает вид, будто ценное что-то спрятать спешит, и сообщникам шепчет: «Смотри, он не спит!»[121], кто вводит тебя в заблуждение, показывая тысячу в своем распоряжении, кто в оковах воровать умудряется, кто больным притворяется, кто туфлей ударяет, кто правду сомнению подвергает, кто кошельки разрезает, кто брешь в стене пробивает, кто добычи в погребе поджидает, кто ее крюком на веревке цепляет, — а потом разговор зашел о том, кто всех превзошел.

Здесь следует история об Абу-л-Фатхе Александрийце, которую мы опускаем за отсутствием пользы, тем более что она содержит слова, несовместимые с адабом[122] наших дней. В ней нет ничего, достойного упоминания, кроме описания лунной ночи, о которой говорится, что это «ночь в чужом одеянии»:

Мы видели: ночь была в чужом одеянии,
И полной луны сиянье лоб серебрило ей.

ВЕРЕТЕННАЯ МАКАМА (тридцать первая)

Рассказывал Иса ибн Хишам. Он сказал:

В Басре был я принят как человек известный и почитаемый, часто упоминаемый. Однажды явились ко мне двое юношей, и один из них сказал:

— Да поддержит Бог шейха. Этот человек пришел в наш дом и взял котенка пушистого, сноровистого, у которого от движения постоянного головокружение, как у пьяного, четко талия у него обозначена, кушаком вертящимся перехвачена, нежный голос он подает, возвращается быстро, когда убегает вперед, и длинный подол за собою влечет. Этот котенок слабогрудый, в талии тонок, ростом с морковку. Оседлую жизнь он предпочитает, но бывает — и в путешествие уезжает; что на хранение получает — всегда возвращает. Заставят его двигаться — бежит во всю прыть; когда попросят — тянет длинную нить. Костяной он и деревянный, всем полезный, для всех желанный, как во времени предыдущем, так и в грядущем.

А другой возразил:

— Это правда, пусть поддержит Бог шейха! Я поступил так потому, что он отнял у меня

Владельца множества сынов —
Отполированных зубов,

Счастливейшего из отцов —
Ведь каждый сын помочь готов!

С утра найдешь его в трудах:
Он то повиснет на усах,

А то гуляет в волосах,
В седых и в черных бородах.

Он тонок, ловок, деловит,
Что спутано — разъединит,

В кого он зубы ни вонзит —
Тот радостно благодарит.

Я сказал первому юноше: верни ему гребешок, тогда он вернет тебе веретено.

ШИРАЗСКАЯ МАКАМА (тридцать вторая)

Рассказывал нам Иса ибн Хишам. Он сказал:

Когда я возвращался на родину из Йемена, присоединился ко мне по дороге один спутник. Мы ехали вместе три дня, потом меня Неджд к себе потянул, а его глубокий дол умыкнул, я стал подниматься, а он спускаться, я на восток, а он на запад решил податься. Мной завладела дорога неровная горная, а им — дорога низинная торная. Богом клянусь, с этим спутником расставание принесло мне жестокие страдания: был красив он и строен — приятно взглянуть! — и своим совершенством скрашивал путь, и после его удаления я долго испытывал огорчение. Какие удары ни наносила бы мне судьба, я все время в мыслях его себе представлял и каждый миг его вспоминал.

Я не чаял, что рок его сохранит и опять нас соединит. Но когда однажды я приехал в Шираз, вошел ко мне пожилой человек — бедность лицо его запылила, время соки его иссушило, болезнь согнула его копье, нужда затупила острие, в его глазах отражалось ума помрачение, а в одежде — крайнее унижение. Съела нужда его зубы, высохли десны, обветрились губы, ноги запачканные, босые, руки потрескавшиеся, больные. Этот человек приветствовал меня; взору моему он был противен, но я ответил на его приветствие.

Он сказал:

— О Боже, помоги нам выглядеть лучше, чем мы кажемся с первого взгляда!

При этих словах я постарался разгладить морщины своего лица, раскрыл ему свои уши и сказал:

— Ну, продолжай!

И он продолжил речь:

— Мы с тобою ведь вскормлены грудью одной и связаны крепкой уздой. Ибо кто тебя любит — тот и родной; узнавать же друг друга — обычай святой!

Я спросил:

— Мы с тобой из одного города или одного племени?

— Нас чужбина соединила, дорога сроднила и подружила.

— Какая же нас дорога связала, на единую нитку нанизала?

Он помолчал немного и ответил:

— Йеменская дорога.

Я воскликнул:

— Так ты Абу-л-Фатх Александриец?

— Да, это я.

— Я тебя не узнал, не скрою. Как ты похудел! Что случилось с тобою? Расскажи мне все о твоем положении — быть может, найдем решение для его улучшения?

И он поведал мне:

— Я женился на женщине красивой, но злой; она — как навозная куча, поросшая сверху травой. Я дочь от нее имею, о ней горюю, ее жалею. Мое имущество жена погубила дотла и воду юности моей пролила.

Я спросил:

— Что же ты не дал ей развод, чтоб отдохнуть от этих невзгод?

Говорит автор макам:

Он сделал непонятный мне знак и прочел стихи, которые я запомнил, но здесь не привожу.

ХУЛЬВАНСКАЯ МАКАМА (тридцать третья)

Рассказывал нам Иса ибн Хишам. Он сказал:

Когда из хаджжа возвращался я в караване и сделали мы остановку в Хульване, я сказал своему слуге:

— Надо с дороги голову мне побрить и тело помыть. Подыщи-ка баню, куда нам пойти, и цирюльника постарайся найти. Пусть баня будет изрядная, просторная и опрятная, пусть дух в ней будет не спертый, а свежий, и вода пусть кожу не жжет, а нежит. Пусть у цирюльника будет рука легка, бритва остра, одежда чиста и язык не слишком болтлив.

Слуга мой долго по Хульвану бродил, наконец явился и доложил, что нашел он баню, как я просил. Мы пришли туда и увидели, что баня вовсе не так уж хороша и просторна, но я вошел в нее, а вслед за мной — какой-то человек. Внезапно он схватил кусок глины, обмазал ею мне лоб, а остальное бухнул мне на голову. Потом он вышел, а на меня набросился другой человек и стал тереть мне тело так сильно, что чуть не дотер до костей. Он мял меня и давил, чуть не переломал все мои суставы, и при этом громко свистел, брызжа слюной. Затем он принялся за мою голову, стал скрести ее изо всех сил и горячую воду на нее лил. Но тут же явился первый, приветствовал его тумаком по шее, так что у него аж зубы застучали, и закричал:

— Эй, мерзавец, не трогай эту голову, она моя!

Тогда второй повернулся и тоже стукнул его кулаком, стараясь показать, что он сильнее, и заявил:

— Нет, эта голова — мое право и моя собственность, она в моих руках!

И тут они начали биться смертным боем, а выдохшись и все-таки оставшись в живых, решили: пусть их рассудит старший банщик.

Первый сказал:

— Эта голова принадлежит мне, ведь я израсходовал на нее глины целый кусок, намазал и лоб ему, и маковку, и висок!

Второй сказал:

— Нет, она принадлежит мне: тело, на котором она сидит, ведь я растирал и все суставы его разминал.

Тогда старший банщик потребовал:

— Приведите мне владельца головы, я спрошу его, кому из вас двоих она принадлежит.

Они пришли за мной и сказали:

— Ты должен быть свидетелем в нашем деле, возьми это на себя!

Волей или неволей пришлось мне пред ним предстать и за других ответ держать. Банщик обратился ко мне:

— Эй, человек, только правду ты должен говорить, только истину должен мне открыть. Скажи, кому из них принадлежит эта голова?

Я ответил:

— Да простит тебя Бог! Это моя голова, она всюду меня сопровождала, вместе со мною вокруг Священного Дома обход совершала[123], и я не сомневаюсь в том, что она принадлежит мне.

Он закричал:

— Молчи, болтун!

Потом обратился к спорщикам и сказал:

— Долго ли будете спорить вы из-за этой дурацкой головы?! Она пуста и ничтожна по сравнению с гневом Божьим и адским огнем! Допустим, что она и рядом тут не была и что мы никогда не видали того козла!

Говорит Иса ибн Хишам:

Я испугался и устыдился, одеться поторопился и поскорей ускользнуть решился. Дома я изругал слугу дурными словами и побил его кулаками, потом велел другому слуге:

— Приведи мне цирюльника, который избавит меня от этой тяжести на голове.

И он привел мне человека, стройного станом, лицом пригожего, на резную фигурку похожего. Я обрадовался ему, а цирюльник, войдя, сказал:

— Мир тебе! Из какого ты города?

Я ответил:

— Из Кума.

Он продолжал:

— Да приветствует тебя Бог! Ты пришел из страны благоденствия и процветания, из города людей сунны и согласия общины — да

продлится ее преуспеяние[124]! Я как-то был там в месяц рамадан в соборной мечети, когда светильники уже зажигались и ночные молитвы читались. А тут вдруг Нил воды свои разлил и светильники чуть не утопил. Но Бог даровал мне сапоги, которые я надел влажными, но рукава у них не были вышитыми. И мальчик вернулся к своей матери, после того как я свершил вечернюю молитву и тень выпрямилась.

А каков был твой хаджж? Все ли ты выполнил предписания, какие требуются? И они закричали: «Чудо! Чудо!» Тут посмотрел я ввысь — как приятна война для людей, что посмотреть на нее собрались! Я увидел, что хариса находится в том же положении, и понял, что дело свершается по решению Бога и его предопределению. До каких же пор будет длиться эта тоска? Ни сегодня, ни завтра нет спасенья — то суббота, то воскресенье. Я не хочу затягивать споры — к чему эти разговоры?

Однако нужно, чтобы ты знал: ал-Мубаррад в грамматике остер, как бритва, и не занимается словами черни. Если бы возможность возникала прежде действия, я бы уже побрил тебе голову. Не хочешь ли ты начать?

Говорит Иса ибн Хишам:

Его бредовые рассуждения меня привели в смятение. Я испугался, что он задержится тут, и сказал:

— Отложим на завтра, если Богу будет угодно.

А потом спросил о нем у тех, кто при этом присутствовал. Они сказали:

— Этот человек из пределов Александрии. Наша вода ему не подходит, желчь у него разливается и с ума его сводит. И он целый день бредит, как ты видишь, а на самом деле у него много достоинств.

Я сказал:

— Да, я слышал о нем, и меня огорчает его безумие.

И закончил стихами:

Дам обет я перед Богом,
Поклянусь — и вы поверьте:

Брить я голову не буду

Ни за что до самой смерти!

ЖИРНАЯ МАКАМА (тридцать четвертая)

Рассказывал нам Иса ибн Хишам. Он сказал:

Как-то раз вместе с друзьями я подошел к одной палатке в надежде, что ее обитатели чем-нибудь нас угостят. К нам вышел пузатый человечек невысокого роста и спросил:

— Вы кто?

Мы ответили:

— Гости, которые вот уже три дня как не ели ни крошки.

Он откашлялся и предложил:

— А что вы скажете, друзья, если вам подадут на широком блюде кусок жира, собранного с целого стада овец и скатанного в ком вроде лысой головы, а сверху будут положены лучшие хайберские финики с высокой и густой пальмы? Один такой финик может наполнить рот любого из компании жаждущих и голодных, три дня не пивших и не евших. Зубы тонут в его мякоти, а косточки в нем — как птичьи язычки. К этому подадут огромную чашу свеженадоенного молока тучных верблюдиц, вскормленных хармом и раблом[125]. Не хотите ли такого угощения, друзья?

Мы обрадовались:

— Да, Богом клянемся, хотим!

Старик захохотал и сказал:

— Ваш дядя тоже не против!

Потом он спросил:

— А что вы скажете, друзья, если перед вами на круглом куске кожи, пахнущей каразом[126], насыпят кучку муки, белой, как серебряная пыль. Пусть возьмется за нее один из вас, молодец не вздорный, искусный и проворный, сделает тесто и начнет его прилежно месить, но не слишком трясти, не бить, до полной мягкости не доводить, молока пусть добавит потом, тесто свернет кольцом и положит на горячие камни. Когда тесто забродит, но не успеет затвердеть, пусть он возьмет ветки гады[127] и подожжет их. Когда же они догорят, пусть он разровняет горячую золу и, приплюснув тесто,

разложит его на золе и закроет. Когда тесто поднимется и затвердеет сверху, пусть положит на него нагретый камень и прикроет крышкой — тогда тесто будет греться и сверху и снизу. Когда тесто растрескается немножко и корка его станет похожей на тоненькую лепешку, а румянцем своим напомнит знаменитые хиджазские сорта умм ал-джарзан или изк ибн таб, то лепешку поливают медом, белым как снег, — он пропитает мякоть лепешки и затвердеет на ее румяной корочке. После того вы заглотаете ее, как Джувайн или Занкал[128]. Не хотите ли такого угощения, друзья?

Говорит Иса ибн Хишам:

Пока старик объяснял это, каждый из нас, вытянув шею, стремился не упустить ни слова; у всех потекли слюнки, каждый облизывался и причмокивал. И мы сказали:

— Да, Богом клянемся, хотим!

Старик захохотал и сказал:

— И ваш дядя, клянусь Богом, тоже не против!

Потом он спросил в третий раз:

— А что вы скажете, друзья, о дикой козочке, молоденькой, жирненькой, неджди́йской, ульвийской, которая плодами арака, шихом, кайсумом и сухою травою вскормлена, холодной водою вспоена, касисом наполнена, кости ее мозгом набиты, брюхо жиром покрыто. Подвесят ее головой вниз над огнем, чтобы она поспела, но не сгорела, подрумянилась, но не пережарилась, а потом надрежут румяную кожу, чтобы виден был белый жир, и подадут ее вам на стол, заваленный лепешками, словно устланный белым коптским полотном или красно-желтыми кухистанскими платьями[129], и по всему столу будут расставлены сосуды с горчицей и другими приправами. А козочка будет истекать потом и соком. Не хотите ли такого угощения, друзья?

Мы ответили:

— Да, Богом клянемся, хотим!

Он откликнулся:

— Клянусь Богом, ваш дядя готов плясать перед этой козочкой!

Тут один из нас подскочил к нему, замахнулся мечом и закричал:

— Мало того, что мы умираем с голоду, так ты еще смеешься над нами!

Тогда дочь старика поднесла нам блюдо, на котором был кусок сухого хлеба, остатки жира и какие-то объедки, и обошлась она с нами

почтительно. Мы ушли, ее восхваляя, старика же ругательствами осыпая.

ИБЛИССКАЛ МАКАМА (тридцать пятая)

Рассказывал нам Иса ибн Хишам. Он сказал:

Потерялось у меня стадо верблюдов, я пошел их искать, углубился в долину, поросшую зеленой травой, — и вот предо мной ручьи, потихоньку текущие, деревья, высоко растущие, зрелые плоды, пестрые цветы, расстеленные ковры, а на одном из них восседает неизвестный мне шейх. Я испугался, как обычно пугаются люди, сталкиваясь с незнакомцем один на один, но он сказал:

— Не бойся, ничего дурного с тобой не случится!

Я приветствовал его, он приказал мне сесть, и я послушался. Он о делах моих расспросил, я ему обо всем сообщил, и он сказал:

— Ты встретил того, кого тебе нужно, считай, что стадо твое обнаружено. А знаешь ли ты стихи каких-нибудь арабских поэтов?

Я ответил «да» и прочел ему кое-что из Имруулкайса и Абида, Тарафы и Лабида[130]. Он выслушал все это равнодушно и сказал:

— Я прочту тебе из своих стихов.

Я согласился, и он стал читать:

Откочевали друзья, веревки дружбы порвав,
Я подчиняться не стал — и оказался один, —

пока не дошел до конца касиды[131].

Я воскликнул:

— О шейх! Это касида Джарира[132], которую даже дети знают и женщины повторяют! Ты услышишь ее и в бедуинском шатре, и при халифском дворе!

Он возразил:

— Не приставай! А помнишь ли ты какие-нибудь стихи Абу Нуваса[133]? Прочти мне!

И я прочел:

Не буду оплакивать кочевье весеннее,
Верблюдов и колышки палатки изношенной!

И что горевать мне над жилищем покинутым —
Ведь сколько уж лет оно любимыми брошено!

О, как пировали мы с друзьями под звездами,
И каждый из них валился, хмелем подкошенный.

Вино подносил нам газеленок крестящийся,
Глазастый, в зуннаре[134], соблазнительно сложенный.

Срывал с его губ слюну, из рук вырывал кувшин —
Как праведник с виду, но к греху расположенный.

Друзья опьяневшие заснули, а я меж них,
Боясь быть поверженным, глядел настороженно.

Но, чтоб усыпить его, храпел я — и вскорости
Дремота к его глазам подкралась непрошенно.

Он лег на постель — ах, слаще трона Билкис[135] она,
Хотя в беспорядке все на ней, все взъерошено.

Не раз возвращался я к нему, а наутро он
От звона церковного проснулся, встревоженный:

«Кто тут?» И ответил я: «Священник пришел к тебе,
Чтоб твой монастырь ему помог, как положено».

Сказал он: «Клянусь, что ты — злодей отвратительный!»
Ответил я: «Нет, ведь зло не мною умножено!»

Услышав эти стихи, шейх развеселился, стал вопить и кричать.

Я сказал:

— Какой ты мерзкий старик! Не знаю, что глупее — то, что ты присвоил стихи Джарира, или то, что ты восхитился этими стихами Абу Нуваса, развратника и бродяги.

Он возразил:

— Не приставай ко мне, иди своей дорогой, а если встретишь на пути человека с маленькой мухобойкой в руках, который в дома захаживает, своей хлопушкой помахивает, восхищаясь ее красотой и гордясь ее бородой, то обратись к нему с такими словами: «Покажи мне скорей, где кит тонкобокий привязан в одном из морей. Известны его приметы: жалит он, словно оса, чалма у него из света, отец его — камень, но не со дна морского, а мать его — тоже рода мужского[136]. Длинный хвост, голова золотая сверкает, имя его — огонь, кто же того не знает? Он одежду, как моль, проедает, все запасы масла уничтожает. Это пьяница, который не напивается, едок, который не наедается, расточитель неудержимый — всех одаряет, кто ни проходит мимо, но его богатство от щедрости не уменьшается, все время он вверх поднимается. Что его радует — для тебя огорчение, что вредит ему — для тебя облегчение».

И продолжал:

— До сих пор я скрывал от тебя свою историю. Мы бы отлично поладили, но раз ты не хочешь, то все обо мне узнай сейчас: ни одного нет поэта, кто живет без помощника от нас. Это я продиктовал Джариру ту касиду, ведь я — шейх Абу Мурра[137].

Говорит Иса ибн Хишам:

Затем он исчез, и я его больше не видел. Я пошел куда глаза глядят и встретил человека с мухобойкой в руках. Я подумал: «Богом клянусь, это мой приятель» — и сказал ему, что услышал от шейха. Он передал мне светильник, указал на темную пещеру в горе и сказал:

— Путь себе освети и в пещеру смело войди.

Я проник туда и нашел там своих верблюдов, вошедших в пещеру с другой стороны, и мы двинулись в обратный путь. И когда мы потихоньку пробирались меж деревьев, вдруг появился Абу-л-Фатх Александриец и приветствовал меня.

Я спросил:

— Горе тебе! Что пригнало тебя сюда?

Он ответил:

— Тупость мирская, скупость людская и несправедливость судьбы.

— О Абу-л-Фатх! Скажи, чего тебе хочется?

— Верблюдицу крепкую ты можешь мне дать и иссохшую ветвь водой напитать?

— Идет!

И он продекламировал:

За того готов я всю жизнь отдать,
Кто подарок свой дал мне выбирать.

Слишком много я попросить посмел —
Он мне дал сполна и не стал пенять.

Не скупился он и кряхтеть не стал
И, раскаявшись, в голове чесать.

Потом я рассказал ему о том шейхе. Тогда Абу-л-Фатх указал на свою чалму и сказал:

— Это — плод его благодеяния.

Я воскликнул:

— О Абу-л-Фатх! Ты просил милостыню у самого Иблиса! Поистине, ты — настоящий сын Сасана!

АРМЯНСКАЯ МАКАМА (тридцать шестая)

Рассказывал нам Иса ибн Хишам. Он сказал:

Мы возвращались из Армении, закончив торговые дела, и вдруг пустыня нас к детям своим привела. Разбойники остановили наших верблюдов там, где одни лишь страусы бродят, очистили наши тюки, так что вьюки стали для наших верблюдов совсем легки. Нас ремнями крепко связали, животных наших угнали. В руках у злодеев оставались мы целый день, когда же землю укрыла тень, когда ночь распустила свои хвосты и звезды свои веревки протянули к нам с высоты, злодеи покинули нас в пустыне в полном унынии.

А когда заря отодвинула покрывало стыдливости, и ее румянцем был небосвод озарен, и меч утра был из ножен тьмы извлечен, осветило нас солнце, друг на друга похожих — покрытых лишь волосами да собственной кожей. Долго мы по пустыне блуждали, опасности нас окружали, и наконец — о великое благо! — приютил нас город Мерага. Мы смогли там немного отдохнуть и отправились в путь, каждый своей дорогой, но, охваченные тревогой, старались кого-нибудь в попутчики взять, чтобы друг друга защищать.

Со мною отправился юноша, с виду униженный, судьбою обиженный, в ветхой одежде, а звался он Абу-л-Фатх Александриец. Мы решили сначала поискать еды и увидели недалеко от дороги печь, разожженную ветками гады[138], в которой пеклись лепешки. Александриец попросил у кого-то горсть соли, потом подошел к печке и сказал хлебопеку:

— Дай мне поближе подойти, я очень озяб в пути!

Протиснувшись к топке, он сразу стал рассказывать людям о своих невзгодах и бедствиях и об их печальных последствиях, сам же тихонько из-под полы в топку время от времени соль подсыпал, так что огонь от нее трещал и беспокойство у людей вызывал. Наконец хлебопек на него закричал:

— Подбери свой подол, бродяга паршивый, ты испортил нам хлеб своей одеждой грязной и вшивой!

Потом вытащил из печки две крайние лепешки и швырнул на пол. Абу-л-Фатх подобрал лепешки без лишних слов — и был таков.

Я поспешил за ним, восхищенный, его хитростью пораженный. Он сказал:

— Это неудивительно, ведь хитрость при бедности простительна. Потерпи ты еще немножко, право, я к этому хлебу добуду приправу.

Направился он к торговцу, где стояли рядком кувшины с кислым молоком, поклонился и о цене осведомился, потом попросил у торговца разрешения попробовать, и тот ответил:

— Попробуй!

Тогда Александриец опустил палец в кувшин, немного там поболтал, словно что-то потерянное искал, и сказал:

— Нет у меня с собой денег, чтоб заплатить, зато я могу тебе кровь пустить.

Торговец возмутился:

— Да изуродует Бог твое лицо! Ты что, цирюльник?

— Да.

Торговец начал его ругать, молоко из сосуда выливать, но Александриец закричал:

— Зачем? Лучше мне, чем шайтану отдать!

— Возьми, да не будет оно для тебя благословенно!

Мы с Абу-л-Фатхом уединились и хорошенько подкрепились, потом отправились дальше. На другой день пришли в какую-то деревню и попросили у людей чего-нибудь поесть. Тут один юноша прямиком бросился к себе в дом и принес нам большую миску, до краев полную кислым молоком. Миску мы потихоньку опустошили и хлеба у них попросили, но они отказались дать нам его бесплатно. Александриец сказал:

— Что ж вы так расщедрились на молоко и вам жаль поделиться хлеба куском?

Юноша объяснил:

— Да в чан с молоком у нас крыса упала и больше не выплывала. Когда путники есть попросят, им этого молока и выносят.

Александриец сказал:

— Все мы принадлежим Богу, — потом взял миску и разбил ее.

Юноша закричал:

— Смотрите, какой позор! Какой убыток! Какой разор!

Все у нас внутри содрогнулось, все в желудке перевернулось, и съеденное назад вернулось. Я сказал:

— Это нам расплата за вчерашнее!

Но Абу-л-Фатх Александриец продекламировал:

Поверь, тошноты не знают
Бесстыдного века братья.

И жир принимай, и кости,
Не шли никому проклятья:

Порою шелка наденешь,
Порою — рваное платье.

ЗВЕЗДОЧЕТСКАЯ МАКАМА (тридцать седьмая)

Рассказывал нам Иса ибн Хишам. Он сказал:

Проводил я ночь в благородной компании своих товарищей; мы в красноречии изощрялись, превзойти друг друга старались. Не успели мы кончить разговор, как услышали: кто-то стучится в наши ворота. Я спросил: «Кто там?» — и услышал в ответ:

— Ночи темной посланник, голода злого изгнанник. Он страдает и мучится, устала его верблюдица, и так далек его дом — пустыни бескрайние меж ним и его гнездом. Легка его тень, потому что много ему не надо: лепешка — достаточная награда. Кто из вас примет гостя?

Опережая друг друга, мы бросились открывать ворота, пришедшего наперебой приглашали, верблюдицу его расседлали и сказали:

— Добро пожаловать, гость дорогой, считай, что пришел ты к себе домой, друг желанный, родственник долгожданный!

Мы улыбались ему навстречу, приветствовали его, предложили ему то, чего он искал, и дали ему поесть, пока он не насытился, и стали беседовать с ним, пока он не разговорился. Тогда мы спросили:

— Где же взошла звезда, блеском нас ослепившая, откуда туча пришла, нас красноречием затопившая?

Он ответил:

— Прочность палки только зубами вы сможете испытать. Знайте, известен я тем, что умею по звездам гадать. С судьбою водил я дружбу, многое повидал, из ее столетий сок выжимал. Чтобы людей познать, я испытывал их — и толстых пробовал, и худых, испытал и чужбину, чтоб ощутить ее вкус. Едва какая-нибудь земля взор на меня бросала, как моя верблюдица глаз у нее вырывала[139]. Едва собиралась какая-нибудь компания, как я проникал в нее и привлекал внимание. На Востоке меня поминают, на Западе меня знают. Ни одного царя не найдется, на чьи ковры я бы не ступал, ни одного серьезного дела, чью завесу я бы не разрывал, и ни одна война не заканчивалась миром без моего участия. И благоденствием, и несчастием судьба меня угощала, то мрачный, то радостный лик свой ко мне обращала.

Превратности времени всегда меня мучили,
Сгибали мне спину их удары тяжелые.

Но вот я попал теперь в места благодатные,
Настанет для нас отныне время веселое.

Мы сказали:

— Бог сохранит твои уста, подобные речи произносившие! Прекрасен ты и племя, тебя породившее! Если заговоришь ты, следует всем замолчать, только речи твоей внимать. Где же место восхода твоего и место заката? Какая надежда манит тебя и зовет, какая цель гонит тебя вперед?

Он ответил:

— Йемен — мои родные края, дождь — надежда моя, гонит меня нищета, лихая нужда.

Мы предложили:

— Если бы ты остался в наших местах, ты разделил бы с нами нашу жизнь и все прочее. В твоих руках были бы все дожди, обильно здесь выпадающие, и ливни неиссякающие.

Он откликнулся:

— Столь просторен и щедр ваш двор, что друзей иных не нужно мне с этих пор. Но ваши дожди — вода, а вода не напоит жаждущих.

Мы спросили:

— А какие дожди напоят тебя досыта?

Он ответил:

— Халафский дождь.

Верблюдица, ты в Сиджистан поспеши,
Преграды, препоны в пути сокруши!

Ведь Халаф[140] — как море: к его берегам
Стекаются реки желаний души.

В Арджане дарами осыпят тебя,
Ты скромною просьбой людей не смеши!

Он славою Ибн ал-Амида[141] затмил,
Как всех бахилитов затмит корейшит[142]!

Говорит Иса ибн Хишам:

Он вышел, и, попрощавшись с ним, мы долго потом без него тосковали, о разлуке с ним горевали.

В один из облачных дней, когда мы сидели компанией, подобной нанизанным звездам Плеяд, вдруг видим: верблюды с грузом идут, и сменные — в поводу, и неожиданно от них к нам устремился некий человек. Мы спросили: «Кто там идет?» Смотрим — а это наш шейх-звездочет, гордый, не то что прежде, влачит подол богатой одежды. Мы бросились его обнимать и спросили:

— Что за тобою, о Исам[143]?

Он ответил:

— Верблюды, товарами нагруженные, и мулы, тюками отягощенные.

И продекламировал:

Пороки Халаф все отверг, сказал им твердо:
«Нет!» Все добродетели собрал, какие видел свет.

И жаждущие благ земных текут к нему толпой.
Он скажет каждому: «Бери!» — «Давай!» звучит в ответ.

Открыли славные дела свой ясный белый лик,
А Халаф — родинка на нем, предвестник их побед.

Я выкуплю своим отцом великого царя,
Чье мановение руки — спасение от бед.

Ты полагаешь, он таков по милости судьбы,
А я уверен: это он судьбе дает совет!

Говорит Иса ибн Хишам:

Мы просили Бога его сохранить и новые встречи с ним подарить. Звездочет провел у нас несколько дней, развлекая нас речью узорной своей, но о чем бы он с нами ни говорил — все за милости Халафа благодарил, и его красноречивые излияния восхваляли царевы благодеяния.

ХАЛАФСКАЯ МАКАМА (тридцать восьмая)

Рассказывал нам Иса ибн Хишам. Он сказал:

Когда на меня возложили управление Басрой, туда из столицы вниз по Тигру пришлось мне спуститься. На корабле был со мной юноша, казавшийся воплощением здоровья и красоты. Он обратился ко мне с такими словами:

— Хоть я неизвестен в дальних краях, но когда речь заходит о серьезных делах, я один равен тысяче, говорят, и могу заменить собой целый отряд. Я хотел бы слугой твоим доверенным стать и во всем тебе помогать, но для поддержки просьбы моей нет у меня благодетеля, покровителя и радетеля.

Я сказал:

— Твой ум и твои добродетели — лучшие за тебя радетели, а твои достоинства сильнее любого воинства. Хочу я, чтоб ты товарищем мне служил, со мною и радость и горе делил.

И мы поплыли дальше, а когда прибыли в Басру, он вдруг исчез на несколько дней. Очень горько я о нем горевал, повсюду его искал, а найдя, спросил:

— Друг мой, куда же ты сгинул, что тебе не понравилось, отчего ты меня покинул?

Он ответил:

— Обида, как огниво, высекла огонь в моей груди. Если тушишь пламя — оно слабеет и угасает, а оставишь — взметывает и все вокруг поджигает. Если одна за другой капают капли в сосуд — в конце концов они через край перельют. А упреки, что сыплются со всех концов, яйца откладывают и выводят птенцов. Кроме даров, есть ли силки — благородного удержать? Кроме грубости, есть ли бич, чтобы его прогнать? Во всяком случае, мы смотрим на благородного одобрительно, на негодного смотрим презрительно. Если мы длинный нос от кого-нибудь встретим, слоновьим хоботом сразу ответим. В ком неприязненность углядим, того задешево продадим. Для того ль ты меня растил, как цветок, чтобы твой слуга с корнем выдернуть мог? Для того ли я куплен по цене дорогой, чтобы проданным быть твоим

же слугой? Познается книга по заглавию своему, человек же — по тем, кто служит ему. Если слуга грубил мне по твоему приказу, то чем заслужил я? Ответь мне сразу! А если ты об этом не знаешь — значит, челядью не управляешь!

Вот у Халафа ибн Ахмада[144]
Слуги вежливы и в дому уют.

Обходит щедрость весь мир земной,
Лишь в его руках находя приют!

Говорит Иса ибн Хишам:

Затем он пошел прочь, а я последовал за ним, стараясь склонить его на свою сторону, разговаривал с ним любезно и заставил его вернуться. Правда, сначала он поклялся:

— Я не пойду на водопой вместе с тем, чье общество мне неприятно!

И тогда я обещал ему полное уважение.

НИШАПУРСКАЯ МАКАМА (тридцать девятая)

Рассказывал нам Иса ибн Хишам. Он сказал:

Однажды в Нишапуре я присутствовал на пятничной молитве. Когда она закончилась, мимо меня прошел человек в судейской шапочке и суннитской чалме[145]. Я спросил у одного из молившихся рядом:

— Кто это?

И услышал в ответ:

— Это моль, что одежду сирот пожирает, саранча, что на чужие поля нападает. Это вор, на вакфы[146] нацеленный, курд, в победе над слабым уверенный[147]. Это волк, что бросается на людей, пока они молятся и бьют поклоны, это грабитель, который использует свидетелей и законы. Напялил он шапку судейскую, а веру принял злодейскую. Ходит он в тайласане[148], на праведника похожий, а язык и руки испачкал ложью. Усы он укоротил[149], а силки свои удлинил. Для красивых речей он рот раскрывает, а за речами дурные мысли скрывает. Побелела у него борода, лицо же — сплошная чернота. Свое благочестие выставляет он напоказ, но любая просьба у него встречает отказ.

Я сказал:

— Да проклянет его Бог. А ты кто?

— Меня прозывают Александрийцем.

— Речи твои — совершенство, слушать тебя — блаженство. Да напоит Бог землю, тебя взрастившую, и племя, тебя вскормившее. Куда ты направляешься?

— К Каабе[150].

Я воскликнул:

— Вот совпадение! Значит, и дальше ждет меня угощение! Ведь нам с тобой по пути!

Он возразил:

— Не может этого быть, ведь я подымаюсь к Хорасану, а ты идешь вниз, к Ираку.

Я удивился:

— Как это ты собираешься идти в Мекку через Хорасан?

Он ответил:

— К той Каабе, куда я иду, не паломники направляются — к ней бедняки стекаются; идут они не в священные города, а туда, где готова для них еда. В этот дом не животных ведут на заклание — там голодным оказывают внимание. Не с молитвою к кибле[151] той обращаются, а щедрых даров дожидаются. Эта Мина[152] не та, где паломники собираются, а Мина, в которую гости съезжаются.

Я спросил:

— А где же находится такое замечательное место?

И он продекламировал в ответ:

На той земле, где вера и власть могучи,
Где солнце щедрости для всех сияет,

Цветы надежды там никогда не вянут,
Где Халаф ибн Ахмад[153] облако заменяет.

НАУЧНАЯ МАКАМА (сороковая)

Рассказывал нам Иса ибн Хишам. Он сказал:

Во время странствий по чужим краям услышал я как-то разговор двух людей. Один из них спросил:

— Как ты приобрел знания?

А другой отвечал:

— Давно я к знаниям стал стремиться и понял, что их нелегко добиться: стрелой их не подстрелить, не выиграть и не купить, во сне их не ухватить, уздой не остановить, в наследство не получить, у щедрого не одолжить. В поисках знаний на голой земле я спал, под голову камни клал, отчаянью воли не давал, верблюда опасности седлал, бессоннице предавался, по городам скитался, все вокруг наблюдал, обо всем размышлял.

Я убедился: чтобы знаний росток погибнуть не мог, надо лелеять его в душе, как цветок. Это дичь, которая попадается редко, и лишь сердце твое — для нее надежная клетка. Эту птицу заманишь только словами, и только память удержит ее своими силками. Знание нес я в груди и во взоре; деньги я расточал, не хранил, а знания в сердце своем копил. От накопления и постижения я перешел к рассмотрению, от рассмотрения — к изысканию, от изыскания — к толкованию и в этом на Господа возлагал упования.

Говорит Иса ибн Хишам:

Я услышал речи, которые пронзили мои уши, проникли вглубь и запали в душу. Я спросил:

— Скажи, юноша, где же взошло такое солнце?

И он ответил:

Увы, покинул я давно
Александрию, край родной!

В Дамаске день я проведу —

В Багдаде встречу мрак ночной.

ЗАВЕЩАТЕЛЬНАЯ МАКАМА (сорок первая)

Рассказывал нам Иса ибн Хишам. Он сказал:

Когда Абу-л-Фатх Александриец задумал подготовить своего сына к торговому делу, он усадил его перед собой и стал поучать. Сначала Абу-л-Фатх восхвалил Бога, восславил его и призвал благословение на его пророка Мухаммада — да благословит его Бог и да приветствует! — а потом начал речь:

— О сынок, хоть я в чистоте твоего корня уверен и ум твой на деле мною проверен, но я о тебе беспокоюсь, ведь о ком заботишься, о том и беспокоишься. Я боюсь, что заманит тебя душа и будешь ты в ее власти, шайтан внушит тебе страсти и от них пойдут все напасти. Чтобы их избежать, соблюдай закон: днем — пост, ночью — сон; и эта одежда — голод с лица, сон с изнанки — защитит тебя от любой приманки. Даже лев когда в нее облачается, то ярость его смягчается. Хорошо ли ты понял меня, сын порочной женщины?

А еще я боюсь, что нападут на тебя двое разбойников, которые всегда проявляют проворство: один из них — щедрость, другой — обжорство, берегись и того и другого! Щедрости верх над тобой одержать не позволь: она имущество проедает, как моль. И еще намотай себе на ус: обжорство зловреднее, чем старуха Басус[154]. Не повторяй мне известные слова: «Поистине, Бог щедр», ими обманешь только ребенка, когда он просит молока. Да, действительно, Бог щедр, но щедрость его пользы нам прибавляет, ему же вреда не причиняет. Кто таким свойством обладает, пусть себе щедрость и проявляет. Но если щедрость пользы тебе не принесет, пока у меня не возьмет, и стрелу твою не оперит, если мою не обдерет, то это — щедрость неприбыльная, потеря гибельная. Хорошо ли ты понял меня, сын неудачницы?

Конечно, торговля идет в любую погоду и может из камня выжать воду. Однако запомни: между двумя приемами пищи пусть ветер словно на море свищет, а расстояние между ними пусть будет пути до Китая равно, хоть тебя и не гонит с места оно. Неужели ты будешь

деньги на ветер бросать, чтобы потом потерянное искать? Хорошо ли ты понял меня — да лишишься ты матери!

Деньги тратить без выгоды остерегайся, хлебом с солью питайся; если хочешь, лук или уксус время от времени добавляй, но их не соединяй. Мясо же — все равно что твое собственное, не будешь ты его есть. Ну а сладостями лакомится только тот, кому все равно, на какой он бок упадет. Помни, праведники едят только раз в день!

Пусть еда твоя будет от нужды избавлением, голода утолением. Ведь пресыщение не от истощения спасает, а смерть к тебе призывает. С людьми держи себя, как игрок в шахматы: бери все, что есть у них, и сохраняй все, что есть у тебя.

Сынок, я тебе высказал свои мысли и довел их до тебя. Кроме Бога тебе защитник не нужен, если речь мою ты воспримешь, но Бог накажет тебя сурово, если ее отринешь. И да благословит он нашего господина Мухаммада, и весь род его, и сподвижников.

САЙМАРИЙСКАЯ МАКАМА (сорок вторая)

Рассказывал нам Иса ибн Хишам. Он сказал:

Говорил Мухаммад ибн Исхак, известный под именем Абу-л-Анбас ас-Саймари[155]:

От друзей, которых я сам себе наметил, облюбовал и выбрал, рассчитывая на их помощь в трудную минуту, я встретил немало неприятностей, и в этом — поучение и назидание для тех, кто способен воспринимать наставления и увещевания. А дело было так: я приехал из ас-Саймары в Город мира с мешком динаров и с таким обилием пожитков и утвари, что хватило бы на многих. Со мной водили компанию люди знатные и богатые, зажиточные и тороватые, владельцы широких дворов, высоких домов, красивых дворцов — приятели, которых я выбрал себе, чтобы вместе весело есть и пить и поддержку у них в беде находить.

Мы пировали с утра до вечера, ели сочное мясо ягненка, и табахиджу[156] персидскую, и мудаккаку ибрахимскую[157], и жаркое с приправами, и кабаб из баранины рашидский[158], пили медовый набиз[159] и слушали искуснейших певиц, известных повсюду, на сладкое был миндаль, сахар и табарзад[160] — каждый подобному угощению рад. Душистые розы на столы перед нами ложились, в курильницах благовонья курились. Я был для своих гостей умнее, чем Абдаллах ибн Аббас[161], остроумней, чем Абу Нувас[162], щедрее, чем Хатим[163], храбрее, чем Амр[164], красноречивее, чем Сахбан[165] из племени ваил, хитрей, чем Касир[166], искусней в поэзии, чем Джарир[167], слаще, чем воды Евфрата, и дороже, чем здоровье, потому что я щедро всех угощал, деньги без счета расточал.

Когда же достаток мой истощился, парус мой опустился, похудел мой денежный мешок — друзья от меня бросились наутек, понимая, что плохи дела и что добыча ушла, и назвали они меня «бурса»[168]. Они разбежались в разные стороны от меня, как сыплются искры от огня; струйка за струйкой они растекались и со мною больше не знались — разошлись кто налево, а кто направо; поползла обо мне

дурная слава, я остался один в четырех стенах, из-за бывших друзей утопал в слезах. Забыты были мои яства и розы, я стал для них — как кусок навоза, одинокий, покинутый, как зловещая птица сова. Поникла моя голова, ложился я и вставал, словно никогда не бывал в прежнем блестящем положении, и в наследство осталось мне одно сожаление. Я раскаялся, когда уже не было пользы в раскаянии.

Пришла в запустение окружавшая меня красота, охватила меня глухота более отвратительная, чем глухота Рахты-глашатая[169]. Я стал одиноким, как хирский монах, ушло богатство, остались насмешки и страх, козий хвост оказался в моих руках[170]. Сидел я дома один, с расколотым сердцем, в слезах, и от слез появлялись язвы у меня на щеках. Стерлись следы моего жилища, я их сам различить не мог, и остатки его уничтожил поток. Стало место пустынным — казалось, у самой двери ходят-бродят дикие звери. Обрушилось мое высокое положение, терпел я лишения, бедность меня одолела, спокойствие улетело, сотрапезники меня покинули, друзья мои прежние сгинули, глаза мои не поднимались, люди со мной не считались.

Стал я ничтожней, чем повар Бази или веревочник Разин[171], по берегу я шатался, гусиному пастуху уподоблялся, бродил босиком там, где нет никого кругом, горели глаза мои воспаленные, душа страдала стесненная. Я был как помешанный, который от всех бежит, как осел, что в своей загородке кружит, печалился больше, чем ал-Ханса[172] о Сахре, сильнее, чем Хинд[173] об Амре. Ум помутился, здоровье пропало, денег осталось мало, сбежал мой слуга, ночь казалась долга, просыпался я весь в тревогах, рано, стал похож на живущего в доме джинна или шайтана: появлялся я ночью, а днем скрывался, зловещим, словно могильщик, казался, от рассвета прятался до заката, тяжелее был, чем квартирная плата, глупей, чем Тити-белильщик, тупей, чем Дауд-давильщик[174]. Заключила со мной союз нужда, хватали за руки унижение и беда, оказался я вне общины ислама, без имама. Был я когда-то Абу-л-Анбас[175], стал теперь Абу Афаллас и Абу Факас[176]. Заблудился я на широкой дороге и был сам виноват — не туда повели меня ноги. И друзей и помощников лишенный, я остался, до дна опустошенный.

И когда я понял, что тону в этом мраке, а дни бросаются на меня, словно бешеные собаки, я стал искать дирхемы и увидел, что они то ли

в просторах звездных полей, то ли в месте слияния двух морей. Тогда пустился я странствовать, как Иса-пророк[177], сил своих не берег, ходил я по городам и по пустынным местам, обошел Хорасан, оттуда направился в Керман, в Сиджистан и в Гилян, оттуда — в Табаристан и Оман, а потом в Хинд и Синд, в Нубию и Египет, в Йемен, Хиджаз, Мекку и Таиф. По степям отдаленным я бродил, в пустыне огонь разводил, в ослином загоне ночи я проводил. Почернело от странствий мое лицо и усохло мужское естество, но зато я собрал много рассказов занимательных, повестей назидательных, сведении полезных и примечательных — то, что предками свято сохранялось и из уст в уста передавалось. Запомнил я стихи шутников, проделки весельчаков, истории о счастливых влюбленных и о страдальцах, любовью сраженных, мудрых философов изречения, досточтимых людей поучения, остроумные выдумки воров, ловкие козни хитрецов, сотрапезников застольные разговоры, предсказания звездочетов, их приговоры, ухищрения шарлатанов, которые жизни людские губят, уловки тех, кто мальчиков любит, изворотливых плутов обманы, проделки шайтана. И перед всем этим были бы бессильны фетвы аш-Шаби[178], память ад-Дабби[179] и знания ал-Калби[180].

Я поддержки искал, помощи ожидал, кланялся и просил, высмеивал и льстил — и так собрал себе огромное богатство. Я завел себе мечи индийские и йеменские, кольчуги сабурские, щиты тиббатийские, копья хаттийские, лошадей благородных арабских, мулов армянских, ослов миррийских, одежды из шелка сусского и парчи румийской[181], редкости и безделушки, диковинные игрушки красоты невиданной, ценности неслыханной.

Когда я приехал в Багдад и люди узнали о моем возвращении и увидели мое прочное положение, они обрадовались моему прибытию и все потянулись ко мне жаловаться на то, как они без меня скучали, мучились и страдали, вздыхали и тосковали, как им утешиться — не знали, и каждый из них извинялся за то, что сделал, и выражал раскаяние в том, как со мной поступил. Я их заставил поверить в то, что я их простил и обиды за прежнее не таил. И возрадовались их души и успокоились сердца, на этом они разошлись, а на другой день вернулись.

Я не отпустил их от себя и послал своего доверенного слугу на рынок и велел купить все, что ему будут предлагать. А у нас была

искусная стряпуха, которой я велел приготовить жареного мяса двадцать сортов, сластей разных цветов и множество других редкостных блюд. Мы поели и перешли в комнату для питья, и нам принесли не один кувшин старых вин, сверкающих, вкусных, привели певиц красивых, искусных. Они занялись своим делом, а мы пили и провели чудеснейший в нашей жизни день.

А я заранее готовил по их числу пятнадцать огромных корзин, в которых носят баклажаны, каждая с четырьмя ручками. Мой слуга нанял носильщиков, каждому обещал по два дирхема, показал им дома моих гостей и попросил их прибыть к завтрашнему ужину. Я приказал своему слуге — а он был хитрюга — дать моим гостям выпить вина, по ратлю или по два, а сам стал окуривать их благовониями — наддом, удом и амброй. Не прошло и часа, как они были мертвецки пьяны и ничего не соображали.

На закате пришли слуги — каждый с лошадью, ослом или мулом. Я сказал им, что хозяева их проведут эту ночь у меня, и слуги ушли, а я отправился к Билялю, брадобрею, привел его, подал ему еду, а когда он поел, я напоил его кутруббульским вином, и он захмелел. Я сунул ему в рот два золотых динара и сказал:

— Твоя работа — эти люди.

Он сбрил за час пятнадцать бород, и стали они безбородыми, с голыми лицами, как юноши — обитатели рая. Каждому я завязал его бороду в полу одежды вместе с запиской: «Того, кто друга своего предает и верность ему нарушает, такая расплата ожидает». Потом каждого из них я положил в баклажанную корзину, а к назначенному сроку пришли носильщики и разнесли моих гостей по домам. Таково было их позорное возвращение людям на удивление.

Наутро они увидели, какая великая беда их постигла, и в свою лавку не вышел ни один купец, и в свой диван — ни один писец, и никто из них не показался своим друзьям. После этого каждый день приходило к моему дому множество людей из их окружения — женщины, мальчики, мужчины, — ругали меня и поносили, требовали у Бога, чтобы он наказал меня, но я молчал, ничего им не отвечал, не обращая внимания на их речи. А по Багдаду стал распространяться рассказ о том, что я с ними сделал; слухи росли и дошли до вазира ал-Касима ибн Убейдаллаха[182]. А дело было так: он потребовал к себе

писца и нигде не мог его найти, и ему сказали, что писец у себя дома и не может выйти. Он спросил:

— Почему?

Ему ответили:

— Из-за того, что сделал Абу-л-Анбас в отместку за то, что претерпел от своих товарищей и сотрапезников.

Вазир так смеялся, что едва не намочил шаровары, а может быть, и намочил, Бог знает об этом лучше. Потом он сказал:

— Клянусь Богом, этот человек поступил правильно и не ошибся в том, что сделал. Не трогайте его, ведь он лучше всех знает их.

Затем вазир отправил мне в награду почетное платье, велел привести мне лошадь с повозкой и пожаловал пятьдесят тысяч дирхемов в знак того, что он одобряет мой поступок. Я не выходил из дома два месяца: тратил, ел и пил, а потом появился перед людьми. И некоторые из тех, кому я отомстил, помирились со мной, зная, как наградил меня вазир. Другие же поклялись тройным разводом и освобождением рабов и рабынь, что они никогда не будут разговаривать со мною лично и что порукой им будут великие деяния Господни. Я не обращал на это внимания, не слушал, не чесались у меня от этого уши и живот не болел. Это мне не вредило, наоборот — веселило. Таково было последнее желание в душе Иакуба[183], которое и исполнилось.

Я рассказал эту историю и обратил на нее внимание людей, чтобы они относились с осторожностью к сынам нашего времени и не доверяли бы друзьям низким и недостойным, такому-то переписчику, сплетнику, который любит приврать, не признает права литераторов и не уважает их, книги у них берет и обратно не отдает.

У Бога мы помощи просим, на него опираемся и молитвы ему возносим.

ДИНАРСКАЯ МАКАМА (сорок третья)

Рассказывал нам Иса ибн Хишам. Он сказал:

Однажды я дал обет пожертвовать динар самому искусному попрошайке в Багдаде. Я стал расспрашивать, как найти такого, и мне указали на Абу-л-Фатха Александрийца. Отправился я его поискать, чтобы этот динар ему отдать. Гляжу — собрались бродяги в кружок, а между ними и наш дружок. Я сказал:

— Эй, дети Сасана[184]! У кого из вас побогаче запас? Кто ремесло свое знает лучше — этот динар от меня получит.

Александриец воскликнул: «Это я!»; другой же из этой компании возразил: «Нет, я!»

Они поспорили и побранились, чуть не зубами друг в друга вцепились. Тогда я сказал:

— Пусть каждый из вас обругает своего товарища: одолевший — награду заслужит, потерпевший — пускай не тужит.

Александриец заговорил:

— Эй ты, старухины холода[185], июльская духота, кувшин паршивый, дирхем фальшивый, болтовня певцов вместо пения! Ты — засуха на года, злосчастнейшая звезда, видение жуткое, несваренье желудка! Ты ящерица зловонная, глаза воспаленные, миг разлучения, влюбленных разъединение, смерти явление, святого Хусейна убиение[186]!

Ты тяжкое бремя должника, позором клейменная щека, несчастия вестник, греха наместник, похлебка вонючая, чума неминучая, пустыня, где только заккум[187] растет, скупец, который ничего никому не дает, закон, осуждающий любого, языками затасканное слово, более отвратительный, чем грамматическая ошибка, чем вражья улыбка! Червяк ты из ямы выгребной, тяжелая шуба в летний зной! Ты «Ох!», когда хозяин вздыхает, если гость лепешку ломает! Ты икание пьяницы и рыгание, хищной птицы смердящее дыхание, забивание шершавых колов, подставка для грязных котлов, день невозвратный, проигрыш досадный!

Эх ты, моча скопца, обед слепца, нытье без конца, оборванца заступничество, ребятишкам субботнее мученичество[188], ты письмá с соболезнованием хуже, нечистот огромная лужа, ахвазское скупердяйство, рейское разгильдяйство! Клянусь Богом, если бы ты поставил одну ногу на Аравенд, другую на Думавенд, взял бы радугу в руку и стал бы чесать облака на одежду ангелов, ты все равно был бы только жалким чесальщиком хлопка!

И сказал второй спорщик:

— Эй ты, артист-обезьянщик, еврейский обманщик, отвратная вонь из львиной пасти, бывшие и небывшие напасти, собачья грызня во дворе, обезьяна, пляшущая на ковре, тыква с бобами, ничтожество, затоптанное ногами, дым нефтяной, из-под мышек запах дурной! Ты хуже, чем тот, кто объявляет развод и брачный дар обратно берет!

Эх ты, нарушенье поста, крушенье моста, грязь дорожная, обещание ложное, лихорадка, кости сжигающая, снадобье послабляющее, налет на зубах, сера в ушах! Ты привязчивей, чем веревка, дешевле фельса[189] дешевка, слезы позорней, иглы непокорней, место, откуда ноги растут, откуда руки начало берут! Ты противней, чем крыша протекающая, чем речь, ничего не означающая! Клянусь Богом, если бы ты под зад себе звезды подложил и ноги в земные пределы спустил, в Сириус бы обулся, Плеядами, словно плащом, обернулся, небесную твердь как станок бы взял и одежду из воздуха соткал, основой ткани сделал бы звезду Альтаир и сплел бы ее с вращающимся небосводом, — ты оставался бы всего лишь подлым ткачом!

Говорит Иса ибн Хишам:

Богом клянусь, я не знал, кого из них предпочесть: оба они ремесло свое знали, друг друга затейливо ругали, напористо нападали. И так не решив, кто сильнее из них, я оставил им динар на двоих, ушел — и не знаю, что сделала с ними судьба.

ПОЭТИЧЕСКАЯ МАКАМА (сорок четвертая)

Рассказывал нам Иса ибн Хишам. Он сказал:

— Как-то в Сирии собрал я компанию — славных адибов[190] собрание. Мы стихи вспоминали, тонкости их разбирали и загадки друг другу о смысле их задавали. Тут появился среди нас некий юноша: он слушал, как будто все понимал, но молчал, словно воли себе не давал. Я сказал:

— Эй, парень, нам не нравится, что ты тут стоишь. С нами сядь посиди, а не то уходи!

Он ответил:

— Я должен покинуть вас ненадолго, потому не сажусь, но я очень скоро вернусь. Вы меня подождите, отсюда не уходите!

Мы согласились, он исчез, но вскоре вернулся и обратился к нам с такими словами:

— Ну что за речи о стихах вы ведете, какие загадки задаете! Вы меня спросите о них!

И о каком стихе мы бы его ни спрашивали, он отвечал, о каком бы хитром значении вопроса ни задавали — сразу в цель попадал. Когда же мы колчаны свои опустошили и казну свою распотрошили, он сам стал загадки нам задавать и вопросами нас атаковать[191]. Он спрашивал:

— Скажите мне, в каком стихе половина его возвышает, половина же — вниз толкает? И какой стих пощечиной награждает?

Половина какого стиха возмущается, а половина — развлекается? А какой стих весь шелудивый?

В каком стихе первое полустишие нападает, второе же — приближает? А какой стих целиком состоит из скорпионов?

У какого стиха содержание неприлично, зато он скроен отлично? У какого стиха слезы не иссякают? А какой стих целиком исчезает и только ногу одну оставляет? И у какого стиха предмет неизвестен?

Какой стих длиннее себе подобных, словно они по размеру несходны? Какой стих нельзя разрушить, а почву его — вскопать?

В первой части какого стиха совершенство его проявляется, тогда как вторая часть притворяется? В каком стихе невозможен счет? Какой стих тебе радость несет?

Известен ли стих, который в мировой простор не вмещается? У какого стиха половина смеется, половина терзается? В каком стихе если ветку качнешь, его красоту убьешь? А какой стих когда сочинится, то смысла лишится?

Какой стих, если дать ему ускользнуть, неверный выберет путь? Мед какого стиха в себе заключает отраву? В каком стихе хвала приносит дурную славу?

В каком стихе сладость слова источают, а то, что под ними, — огорчает? Что за стих, где развязка в завязку превращается и наличность в нем проверяется? Что за стих, половина которого — удлинение, половина другая — отклонение? А стих, половина которого — возвышение, возвышение же его — оскорбление?

Что за стих, который читается как хвала, а если с конца — как порочащая молва? Какой стих за молитву может сойти, когда ты на опасном пути? А какой стих овцы съедят, когда захотят? Какой стих если в голову попадает, то зубы передние раздробляет?

Какой стих тело свое подымает, тут же падает и засыпает? Какой стих, если кто его растягивать станет, на шесть ратлей потянет? А какой уменьшиться хочет, но разрастается, а какой удалиться готов, но возвращается? Какой стих разрушил Ирак, а какой — завоевал Басру?

Какой стих тает, оттого что страдает? Какой стих предстает уже седым, прежде чем станет молодым? А какой стих возвращается до того, как положенный срок кончается? Какой стих узлы распускает, а потом исчезает? А какому стиху дают проход, тогда он и движется вперед? Какой стих исправить стараются, пока он не выпрямляется? Какой стих проворнее, чем стрела ат-Тириммаха[192]?

Какой стих узким считается, но им весь горизонт заполняется? А какого стиха повторение вызывает мучения? Половина какого стиха — украшение, остальная же часть — прегрешение? В каком стихе половина затемнена, а другая полна вина? В каком стихе подлежащее превращается в дополнение, а его постигающий — в постижение? Какой стих целиком состоит из запретного? А какие два стиха подобны каравану верблюдов?

Какой стих с высоты спускается, а в каком стихе дурное предзнаменование в хорошее обращается? В каком стихе конец скрывается, а начало поймать его старается? Начало какого стиха одаряет, а конец — подаренное отнимает?

Говорит Иса ибн Хишам:

Речи его неслыханные вызвали удивление, и мы попросили разъяснения, а когда отказ от него получили, то решили, что все это — словесные узоры, без всякого смысла разговоры. Тогда он предложил:

— Выберите из этих вопросов пять, чтобы я разъяснил их вам, а над остальными потрудитесь подольше — авось ваш сосуд увлажнится и ваша мысль расщедрится. А если у вас не получится, то встретимся снова, и я объясню вам все от слова до слова.

Говорит Иса ибн Хишам:

Среди того, что мы выбрали, был стих, у которого содержание неприлично, зато он скроен отлично, и спросили его о нем. Он сказал:

— Это слова Абу Нуваса:

Всю ночь пировали мы беспутной компанией,
Бесстыдно влачили мы подолы неверия.

Мы спросили:

— А стих, в котором развязка в завязку превращается и наличность в нем проверяется?

— Это стих ал-Аши:

Среди наших дирхемов нету фальшивых,
Их вес проверять — только время терять!

Развязка здесь в том, что, по его словам, все их дирхемы хороши, однако этим утверждением он не избавляется от их взвешивания.

— А бейт, половина которого — удлинение?

— Слова ал-Бекри:

Прими динар полновесный
(Хоть в нем половины нету)

От самых великодушных
(Душой лишь и родом подлых).

— А стих, который овцы съедят, когда захотят?

РазЛУКа — оТРАВА жизни, горше оТРАВЫ нет,
ОТРАВА разлучная, разЛУКа оТРАВная!

— А какой стих, если кто его растягивать станет, на шесть ратлей потянет?

— Стих Ибн ар-Руми:

Когда начинает он дарить, то без удержу,
И просит меня сказать «Помедли!» его душе.

Говорит Иса ибн Хишам:

Мы поняли, что эти вопросы — не просто бездумные украшения и красивые ухищрения, и стали стараться до их смысла добраться. Какие решенья нашли, какие — из памяти извлекли. И я сказал ему вслед, когда он убегал:

По знаньям люди различны,
Хоть внешне они похожи.

Я думал, что я — как Радва[193]
Умом и адабом тоже.

Но где мне с тобой сравниться —
Не стоит и лезть из кожи!

ЦАРСКАЯ МАКАМА (сорок пятая)

Рассказывал нам Иса ибн Хишам. Он сказал:

Из Йемена возвращаясь, в родные края направляясь, ехал я ночью дорогой пустынной: слева одни лишь гиены кричали, справа одни лишь львы рычали. Когда же утро обнажило наконец свой клинок и светильником солнца озарился восток, заметил я в некотором отдалении всадника в полном вооружении. Охватил меня страх, и дрожь началась в ногах, но я собрался с духом и крикнул ему:

— Ни с места, да лишишься ты матери! Если ты нападешь на меня, знай: я хорошо вооружен, силой удара защищен и пыла аздитского не лишен! Но так уж и быть — если хочешь, я мир готов сохранить. Кто ты?

Он ответил:

— Если ты с миром ко мне идешь, товарища доброго себе найдешь.

Я сказал:

— Хорошо ты ответил, моим товарищем будь!

И мы продолжали путь. Приглядевшись к нему поближе и послушав его подольше, я понял, что это — Абу-л-Фатх Александриец. Он спросил меня, кого я знаю из самых щедрых владык. Я помянул иракских царей — тех, кто из них пощедрей, египетских, йеменских властителей благородных и множество дел их богоугодных, правителей аравийских, государей сирийских, эмиров земель хорасанских и прочих владык мусульманских, а под конец Сейфу ад-Даула[194] хвалу произнес и премного его превознес. Тогда мой спутник сказал такие стихи:

О кто по звездам искал свой путь в ночи — не спеши!
Увидишь солнце — поймешь, куда направить стопы!

Ты воспеваешь ручьи — знать, моря ты не видал;
Ужель не слышал о нем ты разговоров толпы?

Ты жемчуг чистый морской сравнишь ли с камнем простым?
Так рядом с Халафом[195] все нехороши и глупы.

Четыре качества есть особенных у него,
Взгляни — прекрасны они, его натуры столпы:

Блестяще время его, лицо его — как луна,
Его дары — словно дождь, приказ — решенье судьбы.

О, сколько я воспевал земных великих царей,
Но перед ним все они — презреннейшие рабы!

Я спросил:

— Кто же этот царь, превосходный и благородный?

Он сказал:

— Как вообразить то, чего не бывает, как высказать то, чего ум не воспринимает? Найдется ли царь, презирающий тех, кто, дирхемы раздавая, хочет снискать успех? Ведь он сам лишь золотом одаряет, не менее тысячи — и всем хватает! Динары он раздает с любовью, его огорчает только злословье! Как же такие дары казну его не разрушают, если один лишь миль[196] гору сурьмы уменьшает?! Скажи, ты когда-нибудь падал ниц пред тем, чья щедрость не знает границ, чьи мысли — над мудростью превосходство, чьи нравы — сплошное благородство, кто происходит от предков достойных и потомков оставляет пристойных, кто праведной вере беззаветно привержен, кем противник во прах повержен?!

О, если б знал я, куда стремится тот человек,
Кто эти свойства обрел и тем вознесся до звезд!

ЖЕЛТАЯ МАКАМА
(сорок шестая)

Рассказывал нам Иса ибн Хишам. Он сказал:

Когда я возвращался домой из хаджжа, ко мне подошел какой-то юноша и сказал:

— У меня есть мужчина, которого воспитала чужбина. К семье желтолицых он себя причисляет, к неверию призывает, танцем на пальцах забавляет[197]. К тебе привело меня соображение представить тебе его положение: этот мой желтолицый сватает у тебя девицу[198], вызывающую у всех восхищение и вожделение. Если ты согласишься, у них появится отпрыск[199], который заполонит все страны, все стихии морские, все уши людские. Когда же ты покрывало дороги скатаешь и нитку пути до конца смотаешь, увидишь: тебя он опередил! Ну, какого ответа я заслужил — у себя оставляешь девицу или рука твоя увлажнится?

Говорит Иса ибн Хишам:

Искусной речи его я подивился и выполнить просьбу согласился. Он взял монету из моих рук и продекламировал:

Обманута слава рукою скупой,
А щедрая — славу влечет за собой,
Чтоб слава сияла звездой золотой.

САРИЙСКАЯ МАКАМА (сорок седьмая)

Рассказывал нам Иса ибн Хишам. Он сказал:

Когда в Сарийе[200] мы были в доме вали[201], вошел к нему юноша, распространявший вокруг себя аромат шафрана. Все бывшие в зале сразу вскочили, на почетное место его усадили, а спросить его имя мне помешала робость. Юноша заговорил, обращаясь к вали:

— Ну как, приложил ты старание, чтобы выполнить вчерашнее обещание, или оставил его забытым, забвенным?

Вали ответил:

— Упаси меня Боже о нем забыть, но мне помешала в этом деле причина, которую нельзя объяснить и рану которой не излечить.

Юноша возмутился:

— Послушай-ка, слишком ты это дело затянул! Я вижу, твое «завтра» все равно что «сегодня», а «сегодня» все равно что «вчера». Словно дерево ал-хилаф[202] твой ответ: цветы красивы, а плодов-то и нет!

Тут я прервал его:

— Да сохранит тебя Бог! Не Александриец ли ты?

Он ответил:

— Пусть Бог и тебя сохранит и твою отменную догадливость укрепит!

Я обрадовался:

— Добро пожаловать, повелитель красноречивых, предмет желаний всех благородных, учтивых! Я тебя повсюду искал, наконец нашел — за крыло поймал!

И мы отправились из ас-Сарийи и шли вместе, пока меня плоскогорье не поманило, а его низина не поглотила. Настал расставанья нашего срок: пошел он на запад, я — на восток. И сказал я ему вслед:

Ах, узнать бы мне, как живет мой друг,
Чья огромна слава, да мал карман.

Вчера со мною он ночь провел,
А где приют ему нынче дан?

Проклятье бедности злой: она
На него накинула свой аркан.

Пусть назначит Халаф[203] царя над ней
И покончит с нею его фирман[204]!

ТАМИМСКАЯ МАКАМА (сорок восьмая)

Рассказывал нам Иса ибн Хишам. Он сказал:

Меня назначили управлять одним из вилайетов[205] Сирии, а вазиром туда назначен был Сад ибн Бадр из племени фазара, что зря не растратит ни динара; начальником почты — Ахмад ибн Валид, он своей честностью знаменит; жалобы разбирал Халаф ибн Салим, которого мы за справедливость хвалим; назначили в диван переписки араба из племени саваба, сирийца поставили над казной, чтобы оплошности не допустил ни одной.

И стал этот вилайет средоточием людей благородных и местом, где они останавливаются. Прибывали они туда один за другим, так что в глазах рябило и в сердце не хватало места для всех.

Среди прибывших туда был Абу-н-Нада ат-Тамими, но ничьи глаза на нем не остановились и ничьи сердца ему не открылись. Вошел он однажды ко мне, и я по заслугам его оценил, в центре зала его усадил и затем спросил, на что устаз[206] уповает и как его жизнь протекает.

Он огляделся вокруг и сказал:

— Среди утрат, в унижении, среди низких, в презрении — так моя жизнь течет, а люди вокруг — словно ослиный помет: удача понюхает их — они смердят, хочет помочь им — а они не хотят. Клянусь Богом, поглядел я на них — и что же? Только лицом и одеждой они на людей похожи!

И закончил такими стихами:

О мой Сиджистан, ты лучшее в мире место,
Пусть милость Божья дождем на тебя прольется!

И если мне суждено тебя вновь увидеть
И в дальнем пути верблюдица не споткнется —

Найдется ли замена тому, кто умер,

И жизни былой, которая не вернется?

ВИННАЯ МАКАМА
(сорок девятая)

Рассказывал нам Иса ибн Хишам. Он сказал:

Был я в молодости кроток нравом и поведением, тверд в суждениях и не заслуживал осуждения. Весы своего ума я держал в равновесии, знал, когда оставаться серьезным, а когда куролесить. Завел я себе друзей, одних — для сердечного общения, других же — для развлечения. Дни я для дела предназначал, а ночи за чашей коротал.

Однажды вечером собрались у меня друзья закадычные, к беседе привычные, острословы отличные. Звезды чаш мы по кругу пустили, пили и все кувшины опустошили. И тогда подумалось нам: надо кровь отворить большим бурдюкам. Мы выпустили душу одного из них, и он остался словно раковина, жемчужины лишенная, или город, от жителей опустошенный. Когда обнаружили мы подобное положение, потянули нас злонамеренные побуждения в дом торговки вином.

Ночь одета была зеленым парчовым плащом, волны мрака перекатывались кругом. Мы пустились в плаванье по этому морю, но призыв к молитве услышали вскоре. Тут поклонники дьявола отступили и на зов муэдзина поспешили. Встали мы в первый ряд, куда становятся праведники, когда молитву творят, как люди солидные и достойные, с движеньями взвешенными и спокойными. Ведь любому товару место свое назначается и любому делу время определяется.

Имам наш усердно кланялся и поднимался, и каждый из нас ему подражать старался, хоть он так задерживал все поклоны и все стояния, что его подтолкнуть появлялось желание. Наконец он остановился, присел в углу своего михраба[207]и к пастве лицом обратился, молчание затянул, несколько раз носом воздух втянул, потом возгласил:

— О люди! Кто явился в этот священный дом, будучи опоганен грязным грехом, пусть возвращается вспять, дабы наше дыхание не осквернять! Ибо я чувствую: исходит из чьих-то ртов запах матери всех великих грехов. Ждет возмездие Божие тех, кто ночь шайтану

служил, а наутро в священный дом поспешил. Уничтожить этих злодеев Всевышний Бог разрешил.

Тут имам указал на нас рукой, и все прихожане бросились к нам толпой, порвали одежду нам, крепко побили, затылки раскровянили. Мы едва ускользнули от них — беда! И поклялись, что больше не вернемся туда. Впрочем, жестокость мы им простили, злобы на них не затаили и у прохожих мальчишек спросили:

— Скажите-ка, кто в этой деревне имам?

Они ответили:

— Истый благочестивец по имени Абу-л-Фатх Александриец.

Мы сказали:

— Слава Богу! Быть может, заблудший ныне истину зрит и в Бога уверовал ифрит[208]! Хвала тому, кто в лоно веры его возвратил, — видно, и нам Бог раскаяться не запретил.

Мы весь день говорили о его благочестии и возвышенном духе, удивлялись при этом: ведь о его распутстве до нас давно доходили слухи. И когда день стал издавать предсмертные хрипы или был близок к этому, вдруг мы увидели флажки винных лавок, подобные звездам в темной ночи. И мы пошли, друг друга подбадривая и направляя, пирушку славную предвкушая, самую большую лавку нашли (собаки самые крупные ее стерегли). Тут нашим имамом стал динар, а верой — страстей распаленный жар. И вот перед нами хозяйка, кокетливая и стройная, с тонкой талией, описания поэта достойная, взгляды ее убивают, слова — оживляют. Она радушно нас принимала, наши руки и головы целовала; черный слуга ее не зевал — мигом наших верблюдов расседлал. Мы спросили ее, какое у нее вино, и она ответила:

По сладости — как мои уста,
А кто пьет его — тому беда:

Даже тот, кто самым разумным слыл,
Потеряет разум навсегда!

Словно предки мои давным-давно из моей щеки выжали это вино, а затем покрасили его смолой, черной, как мой уход и отказ. Векам оставили его на хранение в карманах увеселения. Добрые люди в наследство друг другу его передают, силу свою день и ночь от него берут. Вино чистейшее — аромат и свет, плоти другой у него уже нет, оно обжигает жаром своим, и солнце соперничает с ним. Оно — как девушка, украшения надевающая, как старуха, чрезмерную любовь проявляющая, кровь оно пламенем зажигает, глотку прохладным ветерком обдувает. Светильник мыслей — вино, от яда превратностей противоядием служит оно. Вино умирающего подкрепляет и оживляет, от него слепой прозревает.

Мы сказали:

— Ну и грешница, заблудшая вконец! А есть ли у тебя в лавке певец? Или ты сама гостей привлекаешь, влагой уст вино свое разбавляешь?

Она ответила:

— Есть тут у меня один шейх: повадки его приятные, речи складные. В Дар ал-Мирбад[209] он проходил в одно воскресенье и своим красноречием вызвал у меня восхищенье — так началось наше дружеское общенье. Потом он часто стал ко мне приходить, своими шутками веселить. Он рассказывал мне, как честь свою бережет, какую славу снискал его род. Я свою благосклонность к нему обратила и сердце свое для него открыла. Между вами тоже дружба завяжется: вы от нее не откажетесь и он не откажется.

Она позвала шейха, и оказалось, что это наш Абу-л-Фатх Александриец!

Я воскликнул:

— О Абу-л-Фатх! Богом клянусь, словно бы о тебе и от твоего имени сложены эти стихи:

Я имел когда-то веру
И глубокие познанья,

Но в обмен на фикх[210] купил я
Ремесло кровопусканья.

Если Бог продлит нам сроки,
Пусть простит мои блужданья!

Он присвистнул от удивления, закричал и вытаращил глаза, засмеялся и захохотал. Затем сказал:

— Неужели о таком, как я, люди рассказывают и пословицы складывают?

Ах, дружок, оставь упреки,
Я хитрец, не знаю срама,

Я везде найду знакомых,
Будь то Йемен иль Тихама,

И пристанище найдется
Мне в любой земле ислама:

То сижу я в винной лавке,
То стою в михрабе храма.

Так разумный поступает —
Только глупый метит прямо!

Говорит Иса ибн Хишам:

Я попросил для него у Бога прощения за такие суждения, занятый мыслью одной: почему подобных ему хлеб насущный обходит стороной? Мы провели с ним прекрасную неделю, а потом уехали.

СОКРОВИЩНАЯ МАКАМА (пятидесятая)

Рассказывал нам Иса ибн Хишам. Он сказал:

Сошелся я однажды с некоей компанией, где каждый — словно весенний цветок или яркой звезды золотой кружок, лица у всех просветленные, души — умиротворенные; красивой одеждой и добронравием тоже были они друг на друга похожи. Двери беседы открывая одну за другой, подолы воспоминаний влачили мы за собой. Меж нами сидел человек редкоусый[211], роста он был небольшого; во время общего разговора не произнес он ни слова. Едва ли наши споры его интересовали, пока мы о деньгах не начали говорить и богатых людей хвалить: они-де мужей настоящих цвет и полезнее их для общины нет. Тут он как будто от дремоты очнулся или откуда-то издалека вернулся, выпустил свой язык на свободу и обратился к народу:

— Т-с-с! Бессильны вы рассуждать о том, чего не имеете, и достойно прославить то, чего вы не разумеете, рассуждать о богатстве вы не смеете! Тленное вас ослепляет, от вечного отвлекает. А ведь эта жизнь — всего лишь на пути остановка, для идущих — обманчивая уловка. Богатство только взаймы нам дано и должно быть возвращено, оно людям оставлено на хранение и назад будет взято без промедления. Переходит богатство из котомки в котомку, предок передает его потомку. В мире только скупые богатством владеют, щедрые же ничего не имеют. Разве ученый бывает богат? Зато невежда — богатству брат!

Если размыслить здраво, лишь двумя путями достигается слава: или знатным происхождением, или трудом и учением. О, как благороден тот, кто науку людям несет! И никогда приверженный знанию не поддается отчаянию. Богом клянусь, когда б не мое стремление и сильное побуждение душу и честь в чистоте хранить, я мог бы самым богатым быть, потому что мне известны два сокровища.

Кто из вас о богатстве мечтает, пусть мотает себе на ус: одно из сокровищ в земле Тарсус[212], его великаны там погребли, потом

патриархи берегли, в нем сто тысяч мискалей[213]. А второе сокровище земля сохранила между Сурой и Хиллой[214], где Хосрои[215] богатства свои укрыли и джинны клады свои зарыли. Красных яхонтов, жемчугов, изумрудов там запрятаны целые груды, полные золота мешки, туго набитые кошельки, короны с каменьями драгоценные, для алчных людей вожделенные.

Говорит Иса ибн Хишам:

Тут все взоры на него обратились, и мы подивились, что он о таких сокровищах знает, но в бедности пребывает. Он объяснил, что боится гнев эмира навлечь и друзей от него хотел бы предостеречь. Мы сказали:

— Принимаем твои объяснения, разделяем твои опасения. Но может быть, ты нам милость окажешь — хотя бы один из этих кладов покажешь, а когда мы найдем сокровища эти, тебе отдадим две трети.

Он протянул нам руку и сказал:

— Кто что-нибудь даст вперед, наверняка удачу найдет. Известно: у того, кто надеется на успех, щедрость не знает помех.

Люди дали ему все, что было с собой, надеясь деньги вернуть с лихвой. Когда же наполнилась его рука, на людей он глянул исподтишка и сказал:

— Нам нужно поесть и отдохнуть — предстоит нам неблизкий путь! Да и времени осталось немного: завтра здесь соберемся — и в дорогу, если будет угодно Всевышнему Богу!

Говорит Иса ибн Хишам:

Мне захотелось побеседовать с ним, и, любопытством томим, я подождал, пока все разойдутся, по домам разбредутся, и тогда расспрашивать его стал, вскоре лицо его узнал и напомнил ему, что мы раньше как будто встречались, друг с другом общались. Он ответил:

— Да, путешествие нас объединяло и вместе хожено было немало.

Я сказал:

— Похоже, во мне ты больше не видишь друга. Видно, шайтан оказал нам такую услугу!

Он ответил стихами:

Умный глупостью людскою
Добывает пропитанье.

Если деньги все растратил —
Развяжи мешок желаний!

Тот, кто хочет сладко есть и
Пить, и слушать струн звучанье,

И красавцам безбородым
Всласть оказывать вниманье,

Обрести всегда сумеет
И богатство, и признанье!

БИШРИЙСКАЯ МАКАМА. (пятьдесят первая)

Рассказывал нам Иса ибн Хишам. Он сказал:

Бишр ибн Авана ал-Абди был разбойником. Однажды он совершил набег на караван, захватил в плен красивую женщину и женился на ней. И сказал он об этом так:

— Никогда я не видел такого дня, как сегодняшний.

Она же ответила стихами:

Пленили Бишра мои черные глаза,
И руки белые, как серебро, манят.

Но как он стройную красотку проглядел,
Что гордо шествует, браслетами звеня?

Она прекрасней всех на свете. Если б он
Поставил рядом ту красотку и меня,

Со мною он тогда б расстался навсегда,
Ее лишь прелести в душе своей храня, —
Ведь зрячий сразу все увидит без огня!

Бишр воскликнул:

— Горе тебе, кого ты имеешь в виду?

Она ответила:

— Фатиму, дочь твоего дяди.

— Неужели она так красива, как ты описала?

— Да еще лучше!

Тогда Бишр сказал:

Не думаю, красавица, что я
Тебя другою мог бы заменить,

А будешь порицать и намекать —
Твой путь свободен, можешь уходить!

Но зорких я не закрываю глаз —
Я честь свою не должен уронить!

Она возразила:

Пускай к ней много сваталось мужчин,
Ты — дяди сын, жених ей ты один!

После этого Бишр послал человека к своему дяде посватать его дочь, а дядя отказал ему. Тогда Бишр поклялся, что не оставит в живых никого из их рода, если дядя не выдаст за него Фатиму, и стал при каждом удобном случае нападать на них и творить злые дела. Собрались мужчины племени и обратились к его дяде:

— Избавь нас от твоего Меджнуна[216]!

Тот ответил:

— Не навлекайте на меня позор и не торопите меня, я погублю его хитростью.

Они сказали:

— Делай как знаешь.

После того дядя обратился к Бишру:

— Я поклялся, что выдам свою дочь замуж только за того, кто пригонит ей тысячу верблюдиц в виде выкупа. Но я хочу, чтобы это обязательно были верблюдицы, принадлежащие племени хузаа.

А целью дяди было заставить Бишра пойти по дороге, ведущей к становищу племени хузаа, чтобы там его растерзал лев. Дело в том,

что арабы остерегались этой дороги, потому что там жили лев по имени Даз и змея по имени Шуджа, о которых кто-то сказал:

Губительней, чем Даз и чем Шуджа.
И если Даз — для хищных господин,
Она для змей, конечно, госпожа.

Бишр пошел по этой дороге, однако не успел он пройти и половину ее, как встретил льва. Его жеребец встал на дыбы и начал лягаться. Бишр спешился, связал жеребцу ноги, затем обнажил меч, бросился на льва, вступил с ним в борьбу и убил его. После этого он написал кровью льва на своей рубахе послание к дочери дяди:

О Фатима, если б видела ты в Батн Хабше,
Как Бишра со львом свела дорога ночная, —

Увидела бы, как двое львов столкнулись
И бросились друг на друга, нападая.

Он храбро двинулся, конь мой испугался,
Попятился, копыта свои вздымая.

Я крикнул ему: «Ни с места!! Сойду на землю —
Надежнее твоей спина земная!»

Тогда обнажил свои клинки он злобно —
А морда его угрюмая и худая.

Когда на меня он поднял гневно лапу,
А вслед за ней простерлась ко мне другая

И вызвал он меня на бой отважно,
Глазами, точно углями, сверкая, —

В руке у меня блеснул обнаженный, острый,
Я сделал шаг, противнику угрожая.

Сказал я: «Вот так в ал-Казиме он трудился,
Смертельными ранами Амра награждая!

Ты видишь, сердце Бишра полно отваги,
Напрасно ты оскалился, угрожая!

Тебе бы только пищу добыть детишкам,
А я себе невесту добываю!

Ты хочешь, чтобы я обратился в бегство,
Тебе с позором душу свою вручая?

Прими совет: ищи другую добычу —
Горчит мое мясо, пища это плохая!»

И лев решил, что мой совет обманчив,
И прыгнул вперед, безумцем меня считая.

И оба льва сошлись в смертельной схватке,
Одним желаньем яростным пылая.

Взмахнул я мечом сверкающим, как будто
Зарю во мраке ночи зажигая,

И бросился на него, готовый драться, —
Он понял, что пред врагом я не отступаю.

Ударил я его мечом индийским,
Десяток ребер сразу рассекая.

Огромною обрушившейся глыбой
Упал он наземь, кровью истекая.

Сказал я тогда: «Как тяжко убить героя,
Которого я подобным себе считаю,

Но ты, о лев, хотел меня унизить,
А как стерпеть такое — я не знаю!

Хотел ты меня заставить спасаться бегством —
Клянусь я жизнью, мысль была дурная!

Не надо жалеть! Ты пал от руки героя,
Судьбу свою как храбрый боец встречая.

Ты смерть вкусил, но ты не снискал позора,
От славного мужа гибель принимая».

Когда эти стихи дошли до его дяди, тот раскаялся, что не отдал ему дочь, и испугался, что его ужалит змея, пошел за ним и настиг Бишра в тот момент, когда змея уже одолевала его. Но тут Бишр увидел своего дядю, и его охватила бедуинская ярость, он сунул руку в пасть змеи, пронзил ее мечом и сказал:

Мне славу громкую принес
Судьбы зловещий поворот:

Напала на меня змея,
Вот-вот меня уж гибель ждет!

Но дочь пустыни я сразил —
Ей сунул руку прямо в рот.

Силен я духом, как змея,
Мой меч такой же яд несет!

Когда Бишр убил змею, его дядя сказал:

— А ведь я послал тебя сюда, преследуя цель, от которой Бог увел меня в сторону. Вернись, я отдам тебе в жены свою дочь.

Но когда Бишр вернулся, он стал кичиться и хвастать своей доблестью. И вот однажды в становище появился безбородый юноша, подобный осколку луны; он скакал на коне в полном вооружении. Бишр сказал:

— Дядя, я слышу, как будто шуршит зверье.

Вышел, а перед ним мальчик ростом с копье. Увидев Бишра, он сказал:

— Эй, Бишр, да потеряет тебя твоя мать! Подумаешь, ты убил червяка и зверька — и тут же наполняешь свой рот гордостью. Ты получишь пощаду, если окажешь почет своему дяде.

Бишр воскликнул:

— А кто ты, нет у тебя матери!

— Черный день и красная смерть!

— Да потеряет тебя та, которая выродила тебя!

— И та, которая тебя выродила!

И они бросились друг на друга. Бишр не мог совладать с ним, а мальчик нанес ему двадцать ударов в почки, но каждый раз только касался его тела кончиком копья, щадя его жизнь. После этого он спросил:

— Ну как, Бишр, разве я не мог накормить тобой клыки своего копья, если бы захотел?

Затем он бросил копье, обнажил меч и нанес Бишру двадцать ударов боковой его стороной, а Бишр не смог нанести ни одного. Тогда мальчик сказал:

— Ну, Бишр, окажи почет своему дяде и ступай с миром!

Бишр согласился:

— Хорошо, но с одним условием: скажи мне, кто ты.

— Я твой сын.

— Боже мой! Но ведь я никогда не был женат на такой достойной женщине! Откуда же этот подарок?

— Я сын той женщины, которая указала тебе на дочь твоего дяди.

Бишр сказал:

Каков цветок — таков и плод:
Змея змеенка принесет!

И он поклялся никогда больше на жеребца не садиться и на девице никогда не жениться. А потом он женил сына на дочери своего дяди.

---

comments

Комментарии

1

Арабские исследователи жанра макамы (Дайф*, 7; Йаги**, 18—20; ас-Салихи***, 9; Хаммуди****, 13—16; аш-Шак'а*****, 213—214 и др.) приводят в качестве примера стихи различных доисламских поэтов; чаще других здесь фигурируют Зухейр и Лабид со следующими строками:

Зухейр:
Ва фӣхим макāмāтун хисāнун вуджӯхухум
Ва андийатун йантāбухā-л-каулу ва-л-фи'лу
(букв.: «И среди них — собравшиеся люди с красивыми лицами и сообщество, у которого за словом следует дело»).

Лабид:
Ва макāматин гулби-р-рикāби ка'аннахум
Джиннун ладай бāби-л-хасӣри кийāмун
(букв.: «И сколько бывало собравшихся людей с крепкими шеями, словно они — джинны, стоящие у дверей царя»).

Подробнее см.:
Beeston A.F.L. The Genesis of the Maqamat Genre // Journal of Arabic Literature. Leiden, 1971. N 2. P. 1-12.
Blachére R. Étude sémantique sur le nom Maqama // Analecta/ Damas, 1975. — 62—67;
The Māqāmat of Badī' al-Zamān al-Hamadhānī / Translated from the Arabic with an introduction and notes… by W.J.Prendergast. London; Dublin, 1973. — 11—14.

**Дайф, Шаукӣ.* Ал-Макāма. Каир, 1964.
***Йāгӣ, 'Абдар-Рахмāн.* Рай фӣ-л-макāмāт. Амман, 1985.
****Ас-Сāлихӣ, 'АббāсМустафā.* Фанн ал-макāма байна-л-исāлат ал-'арабиййа ва-т-татаввур ал-касасӣ. Багдад, 1984.
*****Хаммӯди, ХāдйХасан.* Ал-Макāмāт мин Ибн Фāрис ила БадӢ' аз-Замāн ал-Хамазāнӣ. Бейрут, 1985.

*****_Аш-Шак'а, Мустафā_. БадЙ' аз-Замāн ал-ХамазāнЙ рā'ид ал-кисса ал-'арабиййа ва-л-макāла ас-сахафиййа. Бейрут, 1971.

2

Напр., Камус*: *ал-маджлис* (собрание); *ал-каум* (народ, люди); Лисан**: *ал-маджлис* (собрание), *джама̄'ат мин ан-на̄с* (сборище людей).

**Ал-Фӣрӯза̄ба̄дӣ, Абӯ-т-Та̄хир Мухаммад ибн Йа'кӯб.* Ал-Ка̄мӯс.

***Ибн Манзӯр, Джама̄л ад-Дӣн Абӯ-л-Фадл Мухаммад ибн Мукаррам.* Лиса̄н ал-'араб.

3

См., напр.: ал-Джахиз*, 218: «Йазкурӯна... мин ал-хабар ал-аййа̄м ва-л-макя̄ма̄т» (букв.: «упоминали... из сообщений — рассказы о битвах и речи»). Баранов** (с. 210) понимает это место неправильно: «...рассказы о знаменитых днях битв и собраний».

* Abou Othman Amr Ibn Bahr al-Djahiz. Le livre des avares. Text arabe publié… par G. van Vloten. Leiden, 1900.

***Аль-Джахиз.* Книга о скупых/Пер., предисл. и коммент. Х. К. Баранова. М., 1975.

4

Текст одной из таких литературных бесед, происходившей у будущего «однодневного» халифа Ибн ал-Му'тазза (ум. 908), записанный историком абба-сидов ас-Сули, приводится в русском переводе у И. Ю. Крачковского (*Крачковский* И.Ю. Избранные сочинения. Т. I—VI. М.; Л., 1955—1960. — VI, 18—20).

5

Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. Т. I—VI. М.; Л., 1955—1960. — IV, 171.

6

Аш-Шак'а, Мустафā. БадӢ' аз-Замāн ал-ХамазāнӢ рā'ид ал-кисса ал-'арабиййа ва-л-макāла ас-сахафиййа. Бейрут, 1971. — 46.

7

Аш-Шак'а, Мустафā. БадЙ' аз-Замāн ал-ХамазāнЙ рā'ид ал-кисса ал-'арабиййа ва-л-макāла ас-сахафиййа. Бейрут, 1971. — 44.

8

Аш-Шак'а, Мустафā. БадӢ' аз-Замāн ал-ХамазāнӢ рā'ид ал-кисса ал-'арабиййа ва-л-макāла ас-сахафиййа. Бейрут, 1971. — 44.

9

Ас-Са'ā либӣ, Абӯ Мансӯр. Йатӣмат ад-дахр фӣ махāсин ахл ал-'аср. Каир, 1956. — IV, 167.

10

Аш-Шак'а, Мустафā. БадӢ' аз-Замāн ал-ХамазāнӢ рā'ид ал-кисса ал-'арабиййа ва-л-макāла ас-сахафиййа. Бейрут, 1971. — 51—52.

11

Ас-Са'ā либӣ, Абӯ Мансӯр. Йатӣмат ад-дахр фӣ махāсин ахл ал-'аср. Каир, 1956. — IV, 168.

12

Аш-Шак'а, Мустафā. БадӢ' аз-Замāн ал-ХамазāнӢ рā'ид ал-кисса ал-'арабиййа ва-л-макāла ас-сахафиййа. Бейрут, 1971. — 55.

13

Ас-Са'ā либӣ, Абӯ Мансӯр. Йатӣмат ад-дахр фӣ махāсин ахл ал-'аср. Каир, 1956. — IV, 247.

14

Краткую характеристику их на основе материалов ас-Са'алиби см.: *Аш-Шак'а*, *Мустафā*. БадӢ' аз-Замāн ал-Хамазāнӣ рā'ид ал-кисса ал-'арабиййа ва-л-макāла ас-сахафиййа. Бейрут, 1971. — 56-58.

15

Следует иметь в виду особенность арабского письма — обозначение кратких гласных надстрочными и подстрочными значками (харакатами), которые могут опускаться частично или полностью. При чтении текста с конца огласовать его можно было по-другому, что несколько облегчало задачу.

16

Прендергаст (The Māqāmat of Badī' al-Zamān al-Hamadhānī / Translated from the Arabic with an introduction and notes… by W.J.Prendergast. London; Dublin, 1973.) — 6.

17

Аш-Шак'а, Мустафā. БадӢ' аз-Замāн ал-ХамазāнӢ рā'ид ал-кисса ал-'арабиййа ва-л-макāла ас-сахафиййа. Бейрут, 1971. — 60.

18

Ибн Халликан (Ibn Challikani Vitae illustrirum virorum… instruxit Ferdinandus Wüstenfeld. Fasciculus primus. Gottingae, 1835.) — I, 69;

Ибн ал-'Имад (*Ибнал-'Имāд, Абу-л-Фаллах'Абдал-Хаййал-Ханбалӣ.* Шазарāт аз-захаб фӣ ахбāр ман захаб. I—VIII. Бейрут, [б. г.].) — III, 150.

19

Иснāд — установившаяся в арабской исторической традиции стереотипная форма ссылок на цепь передатчиков того или иного сообщения: «Рассказал мне такой-то, он сказал: рассказал мне такой-то, он сказал...» и т. д., вплоть до первоисточника, то есть участника или очевидца события — его рассказ передается уже от первого лица.

20

По легенде, это прозвище восходит к имени родоначальника 4-й династии персидских царей — Сасанидов. Согласно этой легенде, Сасан в юности был изгнан его отцом Бахманом, ушел в горы к курдам, где собирались бездомные бродяги, стал их предводителем и некоторое время прожил среди них.

21

Ал-Мубāрак, Māзин. Муджтама' ал-Хамазāнӣ мин хилāли макāмāтихи // Маджаллат Маджма' ал-луга ал-'арабиййа. Т.44. Ч.4. Дамаск, 1969. — 837.

22

Аш-Шак'а, Мустафā. БадЙ' аз-Замāн ал-ХамазāнЙ рā'ид ал-кисса ал-'арабиййа ва-л-макāла ас-сахафиййа. Бейрут, 1971. — 59.

23

См., напр.,

ал-Джахиз, Китаб ал-Бухала (*Аль-Джахиз.* Книга о скупых/Пер., предисл. и коммент. Х. К. Баранова. М., 1975. — 54—62)

или Ибн ал-Джаузи, Китаб ал-Азкийа (Восходы лун на стоянках веселья / Пер. с араб., сост., предисл., примеч. А.Долининой. Л., 1983. — 132—172).

24

Мец А. Мусульманский Ренессанс. М., 1966. — 205 (со ссылкой на ас-Са'алиби, III, 174—175).

25

См, об этом подробнее:

Аш-Шак'а, Мустафā. БадӢ' аз-Замāн ал-ХамазāнӢ рā'ид ал-кисса ал-'арабиййа ва-л-макāла ас-сахафиййа. Бейрут, 1971. — 216—226;

Blachére R. Étude sémantique sur le nom Maqama // Analecta/ Damas, 1975.;

Beeston A.F.L. The Genesis of the Maqamat Genre // Journal of Arabic Literature. Leiden, 1971. N 2. P. 1-12.

26

Аш-Шак'а, Мустафā. БадӢ' аз-Замāн ал-ХамазāнӢ рā'ид ал-кисса ал-'арабиййа ва-л-макāла ас-сахафиййа. Бейрут, 1971. — 241.

27

Исключение составляют макамы Мосульская и Армянская, где 'Иса ибн Хишам участвует в проделках Абу-л-Фатха и, соответственно, знает его с самого начала рассказа, а также макамы Мадирская и Завещательная, представляющие монолог Абу-л-Фатха.

28

Цит. по: Прендергаст (The Māqāmat of Badī' al-Zamān al-Hamadhānī / Translated from the Arabic with an introduction and notes… by W.J.Prendergast. London; Dublin, 1973.) — 18.

29

Адӣб — человек, владеющий *адабом*, то есть совокупностью разнообразных (в первую очередь — филологических) знаний, красноречия, норм морали и поведения, которые считались необходимыми для каждого образованного человека.

Подробнее см.: Арабская средневековая культура и литература: Сб. ст. зарубежных ученых / Сост. и предисл. И. М. Фильштинского. М., 1978. — 62—64 (Ш. Пелла. Вариации на тему адаба);

Восходы лун на стоянках веселья / Пер. с араб., сост., предисл., примеч. А.Долининой. Л., 1983. — 5—19.

30

Краткая Литературная Энциклопедия. Т. V.М., 1968. — V, 809 (А. Д. Михайлов, М. И. Занд. Плутовской роман);

Мелетинский Е. М. Историческая поэтика новеллы. М., 1990. — 35.

31

Европейские переводы макам Бади' аз-Замана ал-Хамадани:

Английский: The Maqāmāt of Badī' al-Zamān al-Hamadhānī / Translated from the Arabic with an introduction and notes historical and grammatical by W. J. Prendergast. Madras, 1915.

Французский (избранные макамы):): *Al-Hamadhani Badi' az-Zamān.* Maqāmāt (Séances) / Choisies et traduites de 1'Arabe avec une étude sur le genre par R. Blachère et P. Masnou. P., 1957.

Румынский (15 макам ал-Хамадани и 15 ал-Харири): *Al-Hamadhani, Al-Hariri.* Şezători Arabe / Antologare, traducere, studiu introductiv, note şi comentarii de Crete Tartler. Bucureşti, 1981.

Итальянский*: Hamadani.*Le Avventure dell'Alessandrino / Traduzione, introduzione e note di Valentina Colombo. Genova, 1995.

Европейские переводы макам ал-Харири:

Немецкий: *Rückert F.* Die Verwandlungen des Ebu Zeid von Serug oder die Makāmen des Harīri in freier Nachbildung. 1—2. Stuttgart; Tübingen, 1826 — 1837.

Французские: 1) *Al-Hariri, Abu Muhammad.* Les Séances / Traductions partielles de J. Garcin de Tassyet, J. A. Cherbonneau//Journal asiatique. 1823, 3; 1824, 5; 1845, 4, 6; 2) Les Séances de Hariri / Traduction francaise par Ventur de Paradis. Stockholm, 1964.

Английские: 1) Makamat, or Rhetorical Anecdotes of al-Hariri / Translated from the Original Arabic by Th. Preston. L, 1850; 2) The Assemblies of al-Hariri/ Translated from the Arabic with an Introduction and Notes, historical and grammatical by Th. Chenery and F. Steingass. London; Edinburgh, 1867—1898.

32

Абу Мухаммед аль-Касим аль-Харири. Макамы / Пер. с араб. В. М. Борисова, А. А. Долининой, В. Н. Кирпиченко. М., 1987. Первое издание (М., 1978) содержит всего 40 макам. Библиографию предшествующих переводов отдельных макам, опубликованных в различных русских литературных журналах, см.: Указ, соч., 11.

33

Перевод пяти макам (Мосульской, Амулетной, Голодной, Научной и Динарской), выполненный А.Б.Халидовым, опубликован в кн.: Восточная новелла. М., 1963. С. 114—121.

34

Подробное изложение принятых в настоящем переводе принципов имитации классического арабского стиха см.: Аравийская старина: Из древней арабской поэзии и прозы / Пер. с араб. А.А.Долининой и Вл.В.Полосина. М., 1983. — 16—22.

---

notes

Примечания

1

Вот пальмочка, гнущаяся от спелых плодов… — то есть перед вами такой человек, к которому люди обращаются за советом в затруднительных случаях. Эта слова, вошедшие в пословицу, произнес ал-Хубаб ибн ал-Мунзир, один из ансаров (мединских сподвижников пророка Мухаммада) во время спора о власти, возникшего сразу после смерти Мухаммеда (ат-Табари, IV, 1841).

2

Имруулкайс (ок.500-ок.540) - самый знаменитый из доисламских поэтов. Его поэму, начинающуюся словами «Постойте, поплачем » относят к десяти лучшим касидам того времени (так называемым *му'аллакам* — «жемчужинам»).

Русский перевод му'аллак см.: Аравийская старина: Из древней арабской поэзии и прозы / Пер. с араб. А.А.Долининой и Вл.В.Полосина. М., 1983.

3

Это первый, кто следы жилья воспевал. — Касида начинается обычно с описания покинутой бедуинской стоянки и плача поэта над ней. Традиционно считается, что такое начало ввел именно Имруулкайс.

4

«Когда еще птицы спали» — цитата из му’аллаки Имруулкайса (Аравийская старина: Из древней арабской поэзии и прозы / Пер. с араб. А.А.Долининой и Вл.В.Полосина. М., 1983. — *26*).

5

Набига (ан-Набига аз-Зубйани, 535?-604?) – автор одной из му’аллак, панегирист хирского князя ан-Ну’мана ибн Мунзира (580—602)

6

Зухейр (ок. 530-627?) - автор одной из му’аллак, прославился своими описаниями жизни в пустыне. Арабские критики считали его произведения образцом разумной умеренности и назидательности.

7

Тарафа (543?—569?) - автор одной из му’аллак, знаменитой подробнейшим описанием верблюдицы.

8

Джарир (ок.653—732) — панегирист иракского наместника ал-Хаджжаджа и омейядских (дамасских) халифов; особенно прославился как мастер сатиры.

9

Фараздак (ал-Фараздак, ок.640-732?) - панегирист омейядских халифов, вел многолетнюю перебранку в стихах с Джариром.

10

Сириус — самая яркая звезда Большого Пса, появляется на небе в наиболее жаркое время года; говоря о своем ожидании Сириуса, автор стихов намекает на то, что у него нет денег на теплую одежду.

11

Самарра (Суррамарра’ā) — город недалеко от Багдада, любимая резиденция аббасидских халифов в IX в.

12

Босра — город в Сирии, юго-западнее Дамаска.

13

Племя курейш — племя североарабской группы, еще до ислама обосновавшееся в Мекке. К этому племени принадлежал пророк Мухаммад.

14

Листочки с просьбами ты раздавал — имеется в виду один из распространенных в те времена способов попрошайничества, когда нищий излагает свои просьбы на листках бумаги и молча раздает их, чтобы не быть обвиненным в приставании к прохожим. Такой способ чаще всего использовался в мечети, где просить милостыню запрещено, а подавать ее дозволено.

15

Набатеи *(ан-набӣт)* — так средневековые арабы называли оседлых сельских жителей, населявших, в частности, низменность ал-Батих между Васитом и Басрой, воспринимая их как чужаков-иноплеменцев.

16

Имам — предстоятель на молитве, духовный руководитель.

17

Здесь обыгрывается одно из значений слова *фатх*, входящего в состав имени героя (Абу-л-Фатх, т.е. «Отец Фатха»). Фатх в данном контексте означает плод растущего в Йемене дерева *наб'*;помимо того, здесь можно усмотреть намек и на роль южных арабов в утверждении и распространении ислама, и на имя (Абу-л-Фатх) первого йеменского посла к пророку Мухаммеду. Далее в речи героя обыгрывается наиболее распространенное значение слова *фатх* — «завоевание, победа» с различными смысловыми нюансами.

18

Суфий — последователь суфизма, мистико-аскетического учения в исламе (см.: *Кныш А.* Д. Ат-Тасаввуф // Ислам: Энциклопедический словарь. М., 1991.).

19

Кахины — прорицатели в доисламской Аравии (см.: *Пиотровский М.Б.* Кāхин// Ислам: Энциклопедический словарь. М., 1991.).

20

Ала — вечнозеленое дерево с горькими листьями и плодами.

21

Райские юноши — согласно Корану, прислуживающие праведникам в раю «мальчики вечно юные» (56:17), «отроки вечные — когда увидишь их, сочтешь за рассыпанный жемчуг (76:19).

22

Ридван — в мусульманской мифологии — ангел, страж райских врат.

23

Ас-Салатан ал-'Абди и ал-Баис — малоизвестные поэты конца VII —начала VIII в.

24

Джарир и ал-Фараздак — Джарир (ок.653—732) — панегирист иракского наместника ал-Хаджжаджа и омейядских (дамасских) халифов; особенно прославился как мастер сатиры.

Фараздак (ал-Фараздак, ок.640-732?) - панегирист омейядских халифов, вел многолетнюю перебранку в стихах с Джариром.

25

Гайлан ибн 'Укба (по прозвищу Зу-р-Румма) — современник Джарира и ал-Фараздака (ум. 735), поэт-бедуин традиционного направления.

26

Имруулкайс — здесь имеется в виду не известный арабский поэт, а некий человек из племени мурра, против которого направлена сатира Зу-р-Руммы.

27

Муджаши' — род, к которому принадлежал поэт ал-Фараздак.

28

Калансува — шапка конической формы.

29

Фута — одежда в виде куска грубой ткани, опоясывающей бедра.

30

Я из жителей александрийских, с границ андалусских. — Здесь и во всех остальных случаях, когда герой говорит о себе как об александрийце, в виду имеется не хорошо известный большой город в Нижнем Египте, а городок на границе Омейядского халифата, на Пиренейском полуострове, также названный по имени Александра Македонского.

31

Я в Сирии ночь, другую ночь в Ахвазе. — Ахваз — город в Хузистане (западный Иран). Александриец жалуется на то, какие большие расстояния ему приходится преодолевать в поисках пристанища.

32

Костер его горит на горе... — Щедрые люди стараются разжечь костер на видном месте, чтобы привлечь побольше нуждающихся в еде и крове, скупые же стремятся, чтобы их костер был незаметен и не привлекал гостей.

33

Михраб — ниша в стене мечети, указывающая направление в сторону Мекки, куда люди должны обращать взор во время молитвы.

34

Имам — предстоятель на молитве, духовный руководитель.

35

Сура — глава Корана. Сура «Открывающая [Книгу]» (ал-Фатиха) считается одной из важнейших в мусульманском культе и часто читается как при богослужениях, так и в различных жизненных обстоятельствах.

36

Хамза ибн Хабиб (699—772) — один из семи признанных в ранней мусульманской традиции чтецов Корана; для его манеры чтения было характерно подчеркнутое выделение некоторых звуков.

37

Мадда — значок, который может ставиться при письме над первой буквой арабского алфавита (алиф), означая удлинение звука «а».

38

«Падающее» — название 56-й суры Корана. Под этим словом подразумевается День Страшного суда (то, что должно внезапно поразить всех).

39

Ракат — определенный повторяющийся цикл молитвенных поз и формул. Каждая молитва состоит из установленного числа ракатов.

40

Шахада («свидетельство») — первое и важнейшее положение исламского символа веры, выражаемое словами: «Лā илāха илла-ллāху Мухаммадун расӯлу-ллāхи» («Нет никакого божества, кроме Аллаха, а Мухаммад — посланник Аллаха») и являющееся одной из главных молитвенных формул, которая постоянно повторяется при богослужении.

41

Харакаты — особенность арабского письма — обозначение кратких гласных надстрочными и подстрочными значками (харакатами), которые могут опускаться частично или полностью.

42

Земля разверзнется и звезды осыпятся — перифраз коранических описаний Дня Страшного суда (ср.: Коран 81:1—3; 82:1—4; 84:1-3 и др.).

43

Севад — долина между Тигром и Евфратом, в которой процветало земледелие.

44

Изар — кусок ткани, опоясывающий бедра; в его конец, спускающийся до середины голени, нередко завязывают деньги.

45

Ратл — мера веса (ок. 400 г).

46

Лузинадж — сладкое блюдо из теста и орехов, пропитанное миндальным маслом.

47

Мирбад (Дар ал-Мирбад) — пригород Басры, где устраивались ярмарки и состязания поэтов, наподобие Укказа близ Мекки.

48

Согласно толкованию Мухаммада 'Абдо, белые — это серебряные дирхемы, желтые — золотые динары, черные — темные холодные ночи; красные — засушливые годы (*Ал-Хамадāнӣ, Абӯ-л-Фадл.* Ал-Макāмāт / Каддама лахā ва шараха гавāмидахā... Мухаммад 'Абдо. Бейрут, 1973. - 65, примеч. 1—3).

49

Абу Малик — голод (*Ал-Хамадāнӣ*… - примеч. 4).

50

А6у Джабир — хлеб (*Ал-Хамадāнӣ*… - примеч. 5).

51

Ката — небольшие птицы из семейства куропаток, живущие в пустыне. Они отличаются быстротой полета и вошедшей в пословицу способностью хорошо ориентироваться в пустыне.

52

...храбрый, как воин из племени азд. — По преданию, племя азд славилось многими сильными и храбрыми воинами.

53

Кааба (Ка'ба) — главная святыня мусульман, храм в Мекке, в сторону которого мусульмане обращаются во время молитвы. Господин Каабы — Аллах.

54

Хадис — предание о словах пророка Мухаммада и его ближайших сподвижников по тому или иному поводу или об их поступках в той или иной конкретной ситуации (подробнее см.: *Бойко К. А.* Хадӣс// Ислам: Энциклопедический словарь. М., 1991.).

55

Най — разновидность флейты: тростниковая трубка с шестью отверстиями. Уд — лютня с девятью двойными струнами.

56

Ал-Джахиз (775—868) — один из наиболее значительных литераторов арабского средневековья, философ, теолог, критик, ученый, автор ряда назидательных сочинений, славился красивым и ясным литературным стилем.

(подробнее о нем см.: *Фильштинский И. М.* История арабской литературы. Кн.I. М., 1985. — 428—446)

57

Ибн ал-Мукаффа' (ок. 720—ок. 756) — известный литератор, ученый, автор и переводчик со среднеперсидского языка многих книг, в том числе назидательно-развлекательного сочинения «Калила и Димна», получившего мировую известность.

(подробнее о нем см.:

Фильштинский И. М. История арабской литературы. Кн.I. М., 1985. — 341 — 358;

Ибн аль-Мукаффа. Калила и Димна / Пер., предисл. и коммент. Б.Шидфар. М., 1986. — 3-20)

58

Мейсир — старинная арабская азартная игра типа лотереи.

59

Хиджаз — область Аравийского полуострова, тянущаяся вдоль Красного моря; Неджд — плоскогорье на восток от Хиджаза.

60

Семьдесят пятый год [хиджры] — 694 г.н.э. В это время Казвин был одной из крайних точек мусульманского государства. Однако герои макам живут в другую эпоху. По мнению Прендергаста (78)*, в виду имеется 375 г.х. (985 н.э.). Эта дата подходит по времени, хотя в этот год ни одного похода к северо-восточным пределам халифата не было.

* The Māqāmat of Badī' al-Zamān al-Hamadhānī / Translated from the Arabic with an introduction and notes… by W.J.Prendergast. London; Dublin, 1973.

61

Я пил вино, я жадно ел свинину. — Как известно, и то и другое в исламе строго запрещено.

62

Руку правую с левой соединил — иносказательное выражение, которому Мухаммад 'Абдо* дает два возможных толкования: а) ушел с пустыми руками (так как в противном случае их соединить невозможно), б) собрал все свои силы.

**Ал-Хамадāнӣ, Абӯ-л-Фадл.* Ал-Макāмāт / Каддама лахā ва шараха гавāмидахā... Мухаммад 'Абдо. Бейрут, 1973. — 89, примеч. 9.

63

Даник — мелкая монета, равная 1/6 дирхема.

64

Ты набатейского рода? — Набатеи *(ан-набӣт)* — так средневековые арабы называли оседлых сельских жителей, населявших, в частности, низменность ал-Батих между Васитом и Басрой, воспринимая их как чужаков-иноплеменцев.

65

Бану Сасан («Дети Сасана») — По легенде, это прозвище восходит к имени родоначальника 4-й династии персидских царей — Сасанидов. Согласно этой легенде, Сасан в юности был изгнан его отцом Бахманом, ушел в горы к курдам, где собирались бездомные бродяги, стал их предводителем и некоторое время прожил среди них.

66

Джубба — широкая верхняя одежда.

67

Прижми свою руку к боку* — цитата из Корана (20:23), слова Бога, обращенные к Моисею (Мӯсе). Полностью этот стих звучит так: «Прижми свою руку к боку: она выйдет белой без всякого вреда, как другое знамение». То, что рука Моисея становится белой, комментаторами объясняется по-разному: то ли Моисей был негром (Коран (К)**, 547, примеч. 41), то ли рука его была наделена особой белизной в знак его пророческой миссии (Коран (О)***, 461, примеч. 56), то ли она была очищена от проказы (ас-Санани, II, 16****; ср.: Библия, Исх. 4:6, 7). Герой макамы, приводя эту неполную цитату, намекает на расхожее употребление эпитета «белая» (рука) в значении «щедрая».

*Здесь и далее цитаты из Корана приводятся в переводе И.Ю.Крачковского.

** Коран / Пер. и коммент. И.Ю.Крачковского. М., 1986.

*** Коран / Пер. с араб. и коммент. М.-Н.О.Османова. М., 1995.

****_Ас-Сан'ānӣ, 'Абд ар-Раззāк._ Тафсӣр ал-Кур'ān / Тахкӣк Мустафā Муслим Мухаммад. I—III. Ар-Рийад, 1989.

68

Город мира *(Мадӣнат ас-салам)* — одно из средневековых названий Багдада.

69

Ракат — определенный повторяющийся цикл молитвенных поз и формул. Каждая молитва состоит из установленного числа ракатов.

70

Мадира — кушанье из мяса, сваренного в смеси свежего и кислого молока с различными приправами. Считалось, что жители городов готовят мадиру лучше, чем бедуины.

71

Законность власти Муавии доказывает — намек на то, что Муавию, первого халифа из дома Омейядов (661—680), претендовавшего на халифат еще во время правления Али ибн Абу Талиба, двоюродного брата пророка Мухаммада, поддерживала чисто светская партия, люди, далекие от мусульманского благочестия, среди которых было немало любителей вкусно поесть. И сам Муавия, как передают некоторые историки, отличался обжорством (Прендергаст*, 89, примеч. 1).

* The Māqāmat of Badī' al-Zamān al-Hamadhānī / Translated from the Arabic with an introduction and notes… by W.J.Prendergast. London; Dublin, 1973.

72

«Люди пещеры» — намек на кораническую легенду (18:8—18), варьирующую христианское сказание о семи спящих отроках эфесских. Согласно Корану, несколько молодых людей спрятались вместе с собакой в пещере, чтобы во время преследований уберечь свою веру в единого Бога.

73

Садж — тик, высокое вечнозеленое лиственное дерево с очень прочной и легкой древесиной; растет в лесах Азии (от Индии до Индонезии).

74

А видишь это дверное кольцо? — Имеется в виду прикрепленное к двери кольцо, которым стучат в дверь, прося открыть, и за которое тянут, когда, уходя, закрывают дверь за собой.

75

Динары муиззовские — то есть новые полноценные монеты. Имеются в виду динары, чеканившиеся при первом эмире династии Бундов, захвативших власть в Багдаде в 945 г. и правивших до середины XI в.

76

Ратл — мера веса (ок. 400 г).

77

Семья ал-Фурат — весьма уважаемая в Багдаде семья, к которой принадлежали четыре вазира, игравшие важные политические роли в халифате в первой половине X в., до буидского завоевания.

78

Из ткани джурджанской, выделки арраджанской — имеется в виду, что ткань очень дорогая, если соткана она была на северо-востоке Ирана (Джурджан), а для окончательной отделки перевезена на юго-запад (Арраджан), к границе Ирака. Оба эти места славились ткацким ремеслом.

79

Провели мы, как Набига, бессонную ночь. — Одна из известных касид ан-Набиги* начинается описанием долгой бессонной ночи «с медленным движением звезд»; отсюда и пошло выражение «ночь Набиги», то есть ночь бессонная, тяжкая.

*Набига (ан-Набига аз-Зубйани, 535?-604?) – автор одной из му’аллак, панегирист хирского князя ан-Ну’мана ибн Мунзира (580—602)

80

Маристан — дом умалишенных.

81

Мутакаллим — поборник *калāма*, то есть религиозно-философской дисциплины, дающей догматам ислама толкование, основанное на разуме, а не на следовании религиозным авторитетам (подробнее см.: *Ибрахим Т. К., Сагадаев А. В.* Калам// Ислам: Энциклопедический словарь. М., 1991.).

Абу Дауд ал-Аскари — мутакаллим му'тазилитского толка, наиболее прогрессивного течения в средневековом исламе.

82

Маги *(ал-маджӯс)* — так в мусульманской традиции назывались приверженцы зороастризма. В полемической литературе часто приводится высказывание пророка Мухаммада, якобы сравнивавшего с магами будущих му'тазилитов (см.: *Колесников А. И.* Ал-Маджӯс// Ислам: Энциклопедический словарь. М., 1991.).

83

Если бы вы были... к местам своего падения — цитата из Корана (3:148). Приводимый в макаме спор сумасшедшего с Абу Даудом отражает обычные споры традиционалистов с му'тазилитами. В противоположность традиционалистам, верящим в предопределенность всех поступков человека, му'тазилиты придерживались учения о свободе воли и о едином вечном Боге, которому нельзя придавать никаких качеств, заимствованных из представлений, связанных с материальным миром, и толковали коранические высказывания подобного рода аллегорически (см.: *Ибрахим Т.К., Сагадеев А.*В. Ал-Му'тазила// Ислам: Энциклопедический словарь. М., 1991.).

84

«За то, что Ты сбил меня...» — цитата из Корана (15:39); используется здесь как подтверждение догмата о предопределении.

85

«Кого сбивает с пути Аллах, тому нет водителя» — цитата из Корана (7:185).

86

«Земля расстелена передо мной...» — хадис.

(см.:

Ал-Хамадāнӣ, Абӯ-л-Фадл. Ал-Макāмāт / Каддама лахā ва шараха гавāмидахā... Мухаммад 'Абдо. Бейрут, 1973. — 123, примеч. 4.

The Māqāmat of Badī' al-Zamān al-Hamadhānī / Translated from the Arabic with an introduction and notes… by W.J.Prendergast. London; Dublin, 1973. — 101, примеч. 4.)

87

«Открыт передо мной рай...» — хадис

(см.:

Ал-Хамадāнӣ, Абӯ-л-Фадл. Ал-Макāмāт / Каддама лахā ва шараха гавāмидахā... Мухаммад 'Абдо. Бейрут, 1973. — 123, примеч. 5.

The Māqāmat of Badī' al-Zamān al-Hamadhānī / Translated from the Arabic with an introduction and notes… by W.J.Prendergast. London; Dublin, 1973. — 101, примеч. 5.)

88

Сират — в мусульманской эсхатологии мост, тоньше волоса и острее меча, служащий для испытания верующих: праведники быстро проходят по нему в рай, а грешники падают с него в адский огонь.

89

Если при вас упомянут весы. — По представлениям мусульманской эсхатологии, в День Страшного суда все человеческие деяния взвешиваются на весах, и «тот, у кого тяжелы весы, — он в жизни блаженной, а тот, у кого легки весы, — мать его — пропасть» (Коран, 101:5—9).

90

Если при вас упомянут Книгу... — намек на то, что, по учению му'тазилитов, Коран сотворен, тогда как традиционалисты утверждают, что Коран предвечное и несотворенное слово Божие.

91

Хадис — предание о словах пророка Мухаммада и его ближайших сподвижников по тому или иному поводу или об их поступках в той или иной конкретной ситуации.

92

Хариджиты — так называемые мусульманские пуритане, религиозно-политическое течение в исламе, возникшее в VII в. Его сторонники требовали строго придерживаться заветов Пророка и признавали только первых двух праведных халифов — Абу Бекра и 'Омара.

(см.:

Бартольд В.В. Сочинения. T.VI. Работы по истории ислама и арабского халифата. М., 1966. — VI, 303 — 307.

Прозоров С. М. Вероучение первоначального ислама: Ал-Ислā̆м. Раздел 2 // Ислам: Энциклопедический словарь. М., 1991.)

93

Нектар кутруббульского винограда. — Кутруббул — селение недалеко от Багдада, славившееся своим вином.

94

Обратили Коран в части — цитата из Корана (15:91). Согласно популярному комментарию ал-Байдави (XIII в.), это «те, что настаивали: „Часть Корана — истина, совпадающая с содержанием Торы и Евангелия, а другая часть — ложь, противоречащая им обоим". Или же это те, которые делили Коран на стихи, волшебство, ворожбу и легенды древних людей. Или же те люди Писания, которые веровали в некоторые свои священные книги и отвергали другие» (цит. по: Коран / Пер. с араб. и коммент. М.-Н.О.Османова. М., 1995. — 488, примеч. 33).

95

'Али ибн Хусейн (Зейн ал-'Абидин, 659—713) — внук последнего «праведного» халифа 'Али ибн Абу Талиба, двоюродного брата пророка Мухаммада. Ши'иты* признавали Али и его потомков законными наследниками и духовными преемниками Пророка.

* см.: *Прозоров С.М.* Аш-Шӣ'а// Ислам: Энциклопедический словарь. М., 1991.

96

Но мой шайтан — эмир всех прочих джиннов. — В старинной арабской традиции существует представление, что поэты связаны с потусторонними силами и у каждого есть свой джинн, который его вдохновляет и дает ему силу.

97

Ал-Асвад — имеется в виду ал-Асвад ибн Кинан — известный своей щедростью бедуинский шейх.

98

У самого славного в маадде и в ярубе — то есть у самого славного и среди северных арабов, и среди южных.

99

Адаб — *Адӣб* — человек, владеющий *адабом*, то есть совокупностью разнообразных (в первую очередь — филологических) знаний, красноречия, норм морали и поведения, которые считались необходимыми для каждого образованного человека.

(Подробнее см.:

Арабская средневековая культура и литература: Сб. ст. зарубежных ученых / Сост. и предисл. И. М. Фильштинского. М., 1978. — 62—64 (Ш. Пелла. Вариации на тему адаба);

Восходы лун на стоянках веселья / Пер. с араб., сост., предисл., примеч. А.Долининой. Л., 1983. — 5—19.)

100

Ал-А'ша (ок. 570—ок. 630) — один из первых арабских бродячих поэтов-панегиристов. Одно из его стихотворений входит в десятку лучших доисламских касид — му'аллак. Русский перевод см.: Аравийская старина: Из древней арабской поэзии и прозы / Пер. с араб. А.А.Долининой и Вл.В.Полосина. М., 1983. — 64-68.

101

Абу Нувас (762—813) — придворный поэт Харуна ар-Рашида, особенно прославился стихами, воспевающими вино и плотские радости. Герой множества анекдотов, в которых предстает человеком весьма остроумным.

102

Зу-р-Румма — Гайлан ибн 'Укба (по прозвищу Зу-р-Румма) — современник Джарира и ал-Фараздака (ум. 735), поэт-бедуин традиционного направления.

103

Ибн ар-Руми (835—896) — поэт-панегирист шиитов, прославившийся также яркими образными описаниями природы.

104

...машрафийским своим мечом — то есть изготовленным в ал-Машарифе (так называлась группа деревень на границе Сирии и Ирака, известная оружейным мастерством).

105

'Амр ибн Кулсум (2-я пол. VI в.) — известный поэт, автор одной из му'аллак, прославлявшей его племя — таглиб. Русский перевод му'аллаки см.: Аравийская старина: Из древней арабской поэзии и прозы / Пер. с араб. А.А.Долининой и Вл.В.Полосина. М., 1983. — 51—58.

106

Имруулкайс (ок.500-ок.540) - самый знаменитый из доисламских поэтов. Его поэму, начинающуюся словами «Постойте, поплачем» относят к десяти лучшим хасидам того времени (так называемым *му'аллакам* — «жемчужинам»).

107

Тарафа (543?—569?) - автор одной из му’аллак, знаменитой подробнейшим описанием верблюдицы. Приведенный здесь стих 2 из му'аллаки Тарафы почти полностью (за исключением трех последних слов) повторяет стих 6 из му'аллаки Имруулкайса.

108

Ал-Хубзурузи (ум. 938) — басрийский поэт-самоучка. По преданию, он был неграмотный пекарь *(хубз* по-арабски означает «хлеб»), импровизировал любовные стихи во время работы, собирая вокруг себя множество слушателей.

109

Насим — легкий ветерок.

110

Хассан ибн Сабит (ум. 674) — первый панегирист Мухаммада.

111

Ал-Мутанабби (915—965) — Абу-т-Тайиб Ахмад ибн ал-Хусейн, придворный поэт халебского правителя*. Считается у арабов величайшим поэтом средневековья.

*Сейф ад-Даула ибн Хамдан (945—968). — Династия Хамданидов царствовала в Халебе (Алеппо) с 905 по 1004 гг. Сейф ад-Даула был самым значительным из правителей этой династии и прославился как меценат.

112

В арабском тексте игра слов тоньше: для того чтобы глагол «померкнуть, пропасть» превратился в глагол «сиять», достаточно стереть нижнее полукружие буквы «айн», и тогда она превращается в «хамзу». Это, по преданию, и сделал Абу Нувас, желая избежать гнева Харуна ар-Рашида. Упомянутая в стихе Халиса — любимая черная рабыня халифа, за насмешку над которой он рассердился на поэта.

113

Сейф ад-Даула ибн Хамдан (945—968). — Династия Хам-данидов царствовала в Халебе (Алеппо) с 905 по 1004 гг. Сейф ад-Даула был самым значительным из правителей этой династии и прославился как меценат.

114

Русафа — здесь имеется в виду селение недалеко от Басры, а не одноименный квартал в восточной части Багдада, который и есть столица халифов.

115

Вакф — неотчуждаемое имущество, передаваемое дарителем отдельному лицу или группе определенных лиц либо предназначенное на благотворительные цели. Нередко вакфы становились основным источником существования мечетей (подробнее см.: *Большаков* О.Г. Вакф // Ислам: Энциклопедический словарь. М., 1991.).

116

Кто носит суфийское одеяние. — Суфии, последователи мистико-аскетического учения в исламе, носили обычно грубую шерстяную одежду.

117

Кто птиц в чужие дворы засылает. — Вор запускает голубя в чужой двор, заходит туда якобы за ним и крадет, что ему попадется.

118

Кто с ремнем поиграть зазывает. — Эта игра состоит в том, что один из играющих прячет какую-нибудь вещь, а другой должен угадать, где она спрятана; если он не угадает, то получает удар ремнем по руке или по ноге, а если угадает, то они меняются ролями. Вор таким образом отвлекает внимание своего партнера и обворовывает его.

119

Кто, стыдливость людей используя, их обирает. — Вор заходит в чужой двор, делая вид, что хочет помочиться, люди стараются на него не смотреть, чем он и пользуется.

120

Кто встречному вырез на груди зашивает. — Видя перед собой человека неосмотрительного, вор неожиданно хватает его за воротник, заранее приготовленной иголкой с ниткой начинает зашивать ему платье на груди, уговаривая, что так будет лучше, и, воспользовавшись замешательством своего клиента, обкрадывает его.

121

Кто, оказавшись рядом со спящим... — Вор и его сообщники подходят к спящему и начинают спорить, спит он или нет, стараясь, чтобы человек проснулся от разговора и подумал, будто они хотят спрятать поблизости что-то ценное и боятся, что он услышит. Он притворяется спящим, думая перехитрить спорящих и после их ухода завладеть спрятанным. Пока он лежит не шевелясь, с закрытыми глазами, воры потихоньку уносят его вещи.

122

Адаб — *Адӣб* — человек, владеющий *адабом*, то есть совокупностью разнообразных (в первую очередь — филологических) знаний, красноречия, норм морали и поведения, которые считались необходимыми для каждого образованного человека.

123

Вокруг Священного Дома обход совершала. — Священный Дом — Ка'ба; обход вокруг Ка'бы — один из обязательных обрядов хаджжа, паломничества в Мекку (подробнее см.: *Ермаков Д.В.* Хаджж// Ислам: Энциклопедический словарь. М., 1991.).

124

Речь цирюльника совершенно бессмысленна: шиитский город Кум он расхваливает как суннитский, помещает его далее на берегу Нила и т.п.

125

Вскормленных хармом и раблом. — Харм — род щавеля, рабл — сочное вечнозеленое растение. Имеется в виду, что эти верблюдицы вскормлены на очень хорошем пастбище.

126

Караз — стручковое растение, с помощью которого дубят кожу; при этом его приятный запах отбивает все прочие.

127

Гада — кустарник, ветки которого дают при сжигании сильный огонь; угли его долго сохраняют жар.

128

Джувайн или Занкал — известные обжоры из анекдотов.

129

Словно устланный... — Коптские и кухистанские ткани отличались особой тонкостью.

130

Прочел ему кое-что из... — Далее перечислены четверо из десяти наиболее известных доисламских поэтов, авторов так называемых му'аллак. Об Имруулкайсе и Тарафе см. примеч. к макаме № 1. 'Абид (нач. VI в.) — самый старший из авторов му'аллак и наименее знаменитый. Лабид (560—661?) — усердный панегирист своего племени 'āмир.

Сведения об авторах му'аллак и переводы их см.: Аравийская старина: Из древней арабской поэзии и прозы / Пер. с араб. А.А.Долининой и Вл.В.Полосина. М., 1983.

131

Касида — основная форма древней и средневековой арабской поэзии, длинное моноримическое стихотворение, включающее несколько сюжетов (подробнее см.: *Крачковский* И.Ю. Избранные сочинения. Т.I—VI. М.; Л., 1955—1960. — II, 251—254).

132

Джарир (ок.653—732) — панегирист иракского наместника ал-Хаджжаджа и омейядских (дамасских) халифов; особенно прославился как мастер сатиры.

133

Абу Нувас (762—813) — придворный поэт Харуна ар-Рашида, особенно прославился стихами, воспевающими вино и плотские радости. Герой множества анекдотов, в которых предстает человеком весьма остроумным.

134

Зуннар — пояс, носимый иноверцами в отличие от мусульман. Виноторговцами в мусульманских странах были, естественно, христиане и иудеи.

135

Билкис — в мусульманской мифологии легендарная царица Сабейского царства в Южной Аравии, соответствует библейской царице Савской.

136

Отец его — камень... — речь идет об огне, «отцом» которого назван кремень, а под «матерью» подразумевается светильник *(киндӣл*, по-арабски это слово также мужского рода).

137

Абу Мурра («Отец зла») — одно из прозвищ дьявола.

В старинной арабской традиции существует представление, что поэты связаны с потусторонними силами и у каждого есть свой джинн, который его вдохновляет и дает ему силу.

138

Ветками гады — Гада — кустарник, ветки которого дают при сжигании сильный огонь; угли его долго сохраняют жар.

139

Моя верблюдица глаз у нее вырывала — то есть моя верблюдица тотчас ступала на эту землю и проходила ее до конца.

140

Халаф — имеется в виду Халаф ибн Ахмад, сиджистанский правитель из династии Саффаридов (963—1003), у которого в 990-х гг. служил ал-Хамадани (см. предисловие).

141

Ибн ал-'Амид (ум. 970) — вазир буидского эмира Рукн ад-Даула в Рее, знаток литературы, философии и точных наук, мастер эпистолярного жанра, известный меценат.

142

Как всех бахилитов затмит корейшит. — Племя корейш (курайш) считается самым уважаемым среди арабских племен, поскольку из него вышел пророк Мухаммад; племя ба̄хила традиционно считается самым презренным среди них.

143

Что за тобою, о Исам? — арабская поговорка, употребляемая в значении «С чем ты пришел?» или «Что ты можешь сообщить?». Объяснения происхождения ее даются разные. По одной версии, 'Исам — имя приближенного слуги хирского князя VI в. Ну'мана ибн Мунзира, которому задал этот вопрос поэт ан-Набига (о нем см. примеч. к макаме № 1), справлявшийся о здоровье больного князя. По другой версии, 'Исам — женщина, которой вождь племени Кинда ал-Харис ибн 'Амр поручил сосватать ему красивую девушку из их племени.

144

Халаф ибн Ахмад — сиджистанский правитель из династии Саффаридов (963—1003), у которого в 990-х гг. служил ал-Хамадани (см. предисловие).

145

В судейской шапочке и суннитской чалме. — Судейская шапочка (данния, от слова *данн* — кувшин) имеет форму перевернутого сосуда для вина. Суннитская чалма — чалма, концы которой завязаны под подбородком, согласно одному из хадисов, восходящих к пророку Мухаммаду (The Māqāmat of Badī' al-Zamān al-Hamadhānī / Translated from the Arabic with an introduction and notes… by W.J.Prendergast. London; Dublin, 1973. — 150, примеч. 4).

146

Вакф — неотчуждаемое имущество, передаваемое дарителем отдельному лицу или группе определенных лиц либо предназначенное на благотворительные цели. Нередко вакфы становились основным источником существования мечетей.

147

Курд, в победе над слабым уверенный — в этом высказывании отражено традиционно отрицательное отношение арабского населения к курдскому. Мухаммад 'Абдо замечает в своем комментарии*, что «натуре курдов свойственна склонность к воровству и грабежу, но нападают они только на слабых из-за своей трусости и низости», однако тут же добавляет, что это отнюдь не общее для всех курдов качество и среди них есть люди, известные своей храбростью и доблестью.

**Аа-Хамадāнӣ, Абӯ-л-Фадл.* Ал-Макāмāт / Каддама лахā ва шараха гавāмидахā... Мухаммад 'Абдо. Бейрут, 1973. — 199, примеч. 6.

148

Тайласан — шарф, который надевают поверх чалмы или остроконечной шапочки (калансӯвы) и оборачивают вокруг шеи так, что один конец спускается на грудь, а другой — на спину; тайласан носили обычно мусульманские шейхи и ученые.

149

Усы он укоротил. — Короткие и редкие усы считались признаком благочестия.

150

Кааба — главная святыня мусульман, храм в Мекке, в сторону которого мусульмане обращаются во время молитвы.

151

Кибла — направление в сторону священного города Мекки, куда должен обращаться лицом мусульманин во время молитвы.

152

Мина — небольшая вытянутая с запада на восток долина в Аравии, близ Мекки, в которой совершается один из обрядов хаджжа: паломники бросают семь камешков, подобранных в соседней долине, в столб, символизирующий Иблиса (дьявола).

153

Халаф ибн Ахмад — сиджистанский правитель из династии Саффаридов (963—1003), у которого в 990-х гг. служил ал-Хамадани (см. предисловие).

154

Зловреднее, чем старуха Басус — арабская поговорка. С именем Басус связывают начало сорокалетней войны между племенами бакр и таглиб (VI в.). По преданию, вождь таглибитов Кулейб убил верблюдицу, принадлежавшую старухе Басус, которая находилась под покровительством племени бакр, родственник же Басус в отместку за оскорбление убил Кулейба, и это послужило поводом к войне.

155

Абу-л-'Анб ас ас-Саймари (828—888) —поэт и ученый-астролог, известный также как острослов и прекрасный рассказчик. Саймара — город близ Басры.

156

Табахиджа — мясо, порезанное ломтями и зажаренное с яйцом и луком.

157

Мудаккака — мясо, нарезанное маленькими кусочками и зажаренное; по преданию, это было излюбленным блюдом Ибрахима ибн Махди, брата Харуна ар-Рашида.

158

Кабаб из баранины рашидский — кусочки мяса, жаренные на вертеле; назван по имени Харуна ар-Рашида, будто бы очень любившего это блюдо.

159

Набиз — настойка из фиников или изюма; может означать и любой хмельной напиток.

160

Табарзад — твердый белый сахарный леденец.

161

'Абдаллах ибн 'Аббас (619—687) —двоюродный брат пророка Мухаммада, один из первых комментаторов Корана; славился своими знаниями, проницательностью и необыкновенной памятью.

162

Абу Нувас (762—813) —придворный поэт Харуна ар-Рашида, особенно прославился стихами, воспевающими вино и плотские радости. Герой множества анекдотов, в которых предстает человеком весьма остроумным.

163

Хатим ат-Та'и (ум. ок. 605) — арабский поэт, прославившийся храбростью и особенно щедростью, которая вошла в пословицу.

164

Амр ибн Ма'дикариб (ум. 641) — один из героев ранних арабских завоеваний, участник битвы при Кадесии (Иран).

165

Сахбан (VI в.) — прославленный красноречивый оратор из племени ва'ил.

166

Касир — герой предания о гибели знаменитой пальмирской царицы Зенобии. Касир, слуга 'Амра ибн ал-'Ади, врага Зенобии, погубил ее с помощью хитрости. Отрезав себе нос и уши, он явился к Зенобии и, пожаловавшись на хозяина, который так жестоко обошелся с ним без вины, попросился к ней на службу. Войдя в доверие к Зенобии, Касир тайком впустил в ее крепость вражеское войско, и все защитники крепости были перебиты.

Перевод этой легенды см.: Восходы лун на стоянках веселья / Пер. с араб., сост., предисл., примеч. А.Долининой. Л., 1983. — 53—57.

167

Джарир (ок.653—732) — панегирист иракского наместника ал-Хаджжаджа и омейядских (дамасских) халифов; особенно прославился как мастер сатиры.

168

Бурса — пустынное место в песках, где нет никакой растительности, обиталище джиннов.

169

Рахта — по преданию, арабский глашатай, страдавший глухотой.

170

Козий хвост оказался в моих руках — поговорка: хвост козы короткий и сухой, от него нет никакой пользы.

171

Повар Бази или веревочник Разин — вошедшие в пословицу имена двух низких и подлых людей.

172

Ал-Ханса (575?—669?) — бедуинская поэтесса, знаменитая многочисленными элегиями на смерть своих братьев, Сахра и Му'авии, героев племени сулейм.

Русский перевод нескольких ее элегий см.: Аравийская старина: Из древней арабской поэзии и прозы / Пер. с араб. А.А.Долининой и Вл.В.Полосина. М., 1983. — 81-83.

173

Хинд — мать хирского князя 'Амра (554—570), который был убит поэтом 'Амром ибн Кулсумом* за то, что Хинд оскорбила мать поэта Лейлу.

Пересказ этого предания см.: *Фильштинский И. М.* История арабской литературы. Кн. I. М., 1985. — 1, 83).

*'Амр ибн Кулсум (2-я пол. VI в.) — известный поэт, автор одной из му'аллак, прославлявшей его племя — таглиб.

174

Тити-белильщик... *Дауд-давильщик* — вошедшие в пословицу легендарные глупцы.

175

Был я когда-то Абу-л-'Анбас. — 'Анбас означает «лев, обращающий в бегство всех остальных львов» (Lane E.W. An Arabic-English Lexicon. Parts 1—8. Beirut, 1968. — V, 2168).

176

Стал теперь Абу 'Афаллас и Абу Фак'ас. — 'Афаллас — то, что не имеет корня; фак'ас — то, в основе чего лежит глупость (коммент. Мухаммада 'Абдо: *Аа-Хамадāнӣ, Абӯ-л-Фадл.* Ал-Макāмāт / Каддама лахā ва шараха гавāмидахā... Мухаммад 'Абдо. Бейрут, 1973. — 211, примеч. 5).

177

Иса-пророк — Иисус Христос.

178

Были бы бессильны фетвы аш-Шаби. — Фетва (фатва) — богословско-правовое заключение, сделанное для разъяснения и практического применения того или иного предписания мусульманского закона. Аш-Шаби Абу 'Амир ибн Шарахил (642—728) — ученый-богослов, знаток Корана и мусульманского предания, советник халифов.

179

Ад-Дабби (Мухаммад ибн ал-Муфаддал, ум. 920) — известный мусульманский ученый-богослов (по коммент. Прендергаста*). Может быть, в виду имеется Муфаддал ад-Дабби (ум. 780), филолог и поэт, знаток арабского поэтического наследия, составитель большой поэтической антологии «Ал-Муфаддалийят».

* The Māqāmat of Badī' al-Zamān al-Hamadhānī / Translated from the Arabic with an introduction and notes… by W.J.Prendergast. London; Dublin, 1973. — 160, примеч. 6.

180

Ал-Калби (ум. 819) — историк, автор сочинений по генеалогии арабских племен, арабскому язычеству и др. Русский перевод: *Ибн ал-Калби.* Книга об идолах. М., 1984.

181

Кольчуги сабурские... — Название «сабурские» связано или с именем персидского царя Шапура (IV в.), или с названием местности в Ширазе.

Копья хаттийские — крепчайшие копья; название их связано с портом Хатт в Бахрейне, куда их привозили из Индии.

Ослы миррийские — по названию провинции в Египте, славящейся разводимыми там ослами и мулами.

Шелк сусский — по названию области ас-Сус в Ахвазе.

Парча румийская — по арабскому названию Византии — ар-Рум.

182

Дошли до вазира ал-Касима ибн 'Убейдаллаха. — По справедливому мнению Прендергаста* (163, примеч. 1), речь должна идти об отце ал-Касима — 'Убейдаллахе ибн Сулеймане ибн Вахбе, вазире аббасидских халифов ал-Му'тамида (870—892) и ал-Му'тадида (892—902), ибо ал-Касим стал вазиром только в 901 г., когда Абу-л-'Анбаса ас-Саймари (828—888) уже не было на свете.

* The Māqāmat of Badī' al-Zamān al-Hamadhānī / Translated from the Arabic with an introduction and notes… by W.J.Prendergast. London; Dublin, 1973.

183

Последнее желание в душе Иа'куба — намек на 12-ю суру Корана, которая содержит мусульманский вариант библейской истории Иосифа Прекрасного. По Корану, когда сыновья Иа'кӯба (Иакова) второй раз отправляются в Египет, взяв с собой младшего брата, отец велит им входить в город через разные ворота во избежание дурного глаза. «И когда они вошли там, где велел им отец их, это не избавило их от Аллаха ни в чем, а только [удовлетворило] желание в душе Иа'кӯба» (12:68).

184

Дети Сасана — По легенде, это прозвище восходит к имени родоначальника 4-й династии персидских царей — Сасанидов. Согласно этой легенде, Сасан в юности был изгнан его отцом Бахманом, ушел в горы к курдам, где собирались бездомные бродяги, стал их предводителем и некоторое время прожил среди них.

185

Старухины холода — последние сильные зимние холода (в конце февраля — начале марта). Они называются так потому, что слово «конец, задняя часть» ('аджуз) и «старуха» ('аджӯз) восходят к одному корню.

186

Святого Хусейна убиение. — Хусейн ибн 'Али — сын последнего праведного халифа, свергнутого Омейядами. Хусейн был убит в 680 г. при попытке поднять восстание против Омейядского халифа Йазида I. У сторонников 'Али Хусейн считается великомучеником, день его смерти отмечается ими ежегодно как день великой скорби. Хусейна чтут и остальные мусульмане, поскольку он был родственником Пророка.

187

Заккум — адское дерево, плоды которого служат пищей грешникам (Коран, 37:60—64; 44:43—45). Это же название носит дерево с горькими плодами, произрастающее в Тихаме.

188

Ребятишкам субботнее мученичество. — Суббота — первый день мусульманской недели, когда детям нужно идти в школу после свободного дня.

189

Фельс — мелкая медная монета.

190

Адиб — человек, владеющий *адабом*, то есть совокупностью разнообразных (в первую очередь — филологических) знаний, красноречия, норм морали и поведения, которые считались необходимыми для каждого образованного человека.

191

Стал загадки нам задавать... — Большая часть приводимых далее вопросов оставлена в макаме без ответа. Мухаммад 'Абдо замечает в комментарии, что подходящие строки можно найти в любом поэтическом диване и что он не считает необходимым тратить время на разрешение всех предложенных загадок, однако приводит в примечаниях примеры собственных ответов на вопросы Александрийца*. Мы ограничиваемся лишь теми ответами, которые приводятся в самом тексте макамы, и отсылаем читателя к Иракской макаме (№ 28), в которой часть загадок совпадает с вопросами, включенными в Поэтическую макаму.

*(*Аа-Хамадāнӣ, Абӯ-л-Фадл.* Ал-Макāмāт / Каддама лахā ва шараха гавāмидахā... Мухаммад 'Абдо. Бейрут, 1973. — 223—226, примеч. 3.

англ, пер.: The Māqāmat of Badī' al-Zamān al-Hamadhānī / Translated from the Arabic with an introduction and notes… by W.J.Prendergast. London; Dublin, 1973. — 171—172, примеч.)

192

Ат-Тириммах (ум. ок. 720) — поэт, в творчестве которого нашли отражение хариджитские* тенденции: он прославляет мусульманский пуританизм, порицает земные радости, воспевает героизм хариджитских воинов. С этой последней темой, может быть, и связан вопрос о стреле.

* Хариджиты — так называемые мусульманские пуритане, религиозно-политическое течение в исламе, возникшее в VII в. Его сторонники требовали строго придерживаться заветов Пророка и признавали только первых двух праведных халифов — Абу Бекра и 'Омара.

193

Радва — это название носят несколько гор в Аравии. Вероятно, здесь имеется в виду гора близ Медины, которая чаще других упоминается в аналогичных сравнениях.

194

Сейф ад-Даула — Сейф ад-Даула ибн Хамдан (945—968). — Династия Хамданидов царствовала в Халебе (Алеппо) с 905 по 1004 гг. Сейф ад-Даула был самым значительным из правителей этой династии и прославился как меценат.

195

Халаф — Халаф ибн Ахмад, сиджистанский правитель из династии Саффаридов (963—1003), у которого в 990-х гг. служил ал-Хамадани (см. предисловие).

196

Миль — небольшая палочка сурьмы, употребляемая для подкрашивания бровей и век.

197

К семье желтолицых... — имеется в виду динар (золотой).

198

Сватает у тебя девицу — имеется в виду другая золотая монета, которая составила бы с «желтолицым» пару.

199

У них появится отпрыск. — Под «отпрыском» этой пары подразумевается добрая слава о щедрости дарителя.

200

Сарийя — город в Табаристане.

201

Вали — лицо, осуществляющее светскую власть в городе или в провинции.

202

Ал-хилаф — вид ивы.

203

Халаф — Халаф ибн Ахмад, сиджистанский правитель из династии Саффаридов (963—1003), у которого в 990-х гг. служил ал-Хамадани (см. предисловие).

204

Фирман — указ.

205

Вилайет — провинция, область.

206

Устаз — обращение к наставнику, учителю, ученому, вообще — к человеку уважаемому.

207

Михраб — ниша в стене мечети, указывающая направление в сторону Мекки, куда люди должны обращать взор во время молитвы.

208

Ифрит — в мусульманской мифологии то же, что джинн (дух), часто злой, отличающийся особой силой.

209

Дар ал-Мирбад — пригород Басры, где устраивались ярмарки и состязания поэтов, наподобие Укказа близ Мекки.

210

Фикх — мусульманское законоведение и мусульманское право в широком смысле (подробнее см.: *Сюкияйнен А.Р.* Ал-Фикх // Ислам: Энциклопедический словарь. М., 1991.).

211

Человек редкоусый — Короткие и редкие усы считались признаком благочестия.

212

Тарсус — город в Малой Азии, на северо-запад от Сирии, древняя столица Киликии.

213

Мискал — мера веса, употреблявшаяся, в частности, для золотых и серебряных монет, ок. 4,2 г. Полновесный динар весил 1 мискал.

214

Сура и Хилла — города Древней Вавилонии, расположенные на Евфрате очень близко друг от друга. Современный г. Хилла находится между Багдадом и Куфой.

215

Хосрои — это имя (Хосрой, Хосров) носили два персидских царя из домусульманской династии Сасанидов (Хосров I Ануширван и Хосров II Парвиз). У средневековых арабов это имя употреблялось часто как титул всех персидских царей.

216

Меджнун (сумасшедший, одержимый джинном) — прозвище поэта Кайса ибн ал-Мулавваха (ум. ок. 700), сошедшего с ума от любви к Лейле, которую родители отказались выдавать за него замуж. Печальная история этой пары известна на Ближнем Востоке так же, как история Ромео и Джульетты в Европе.